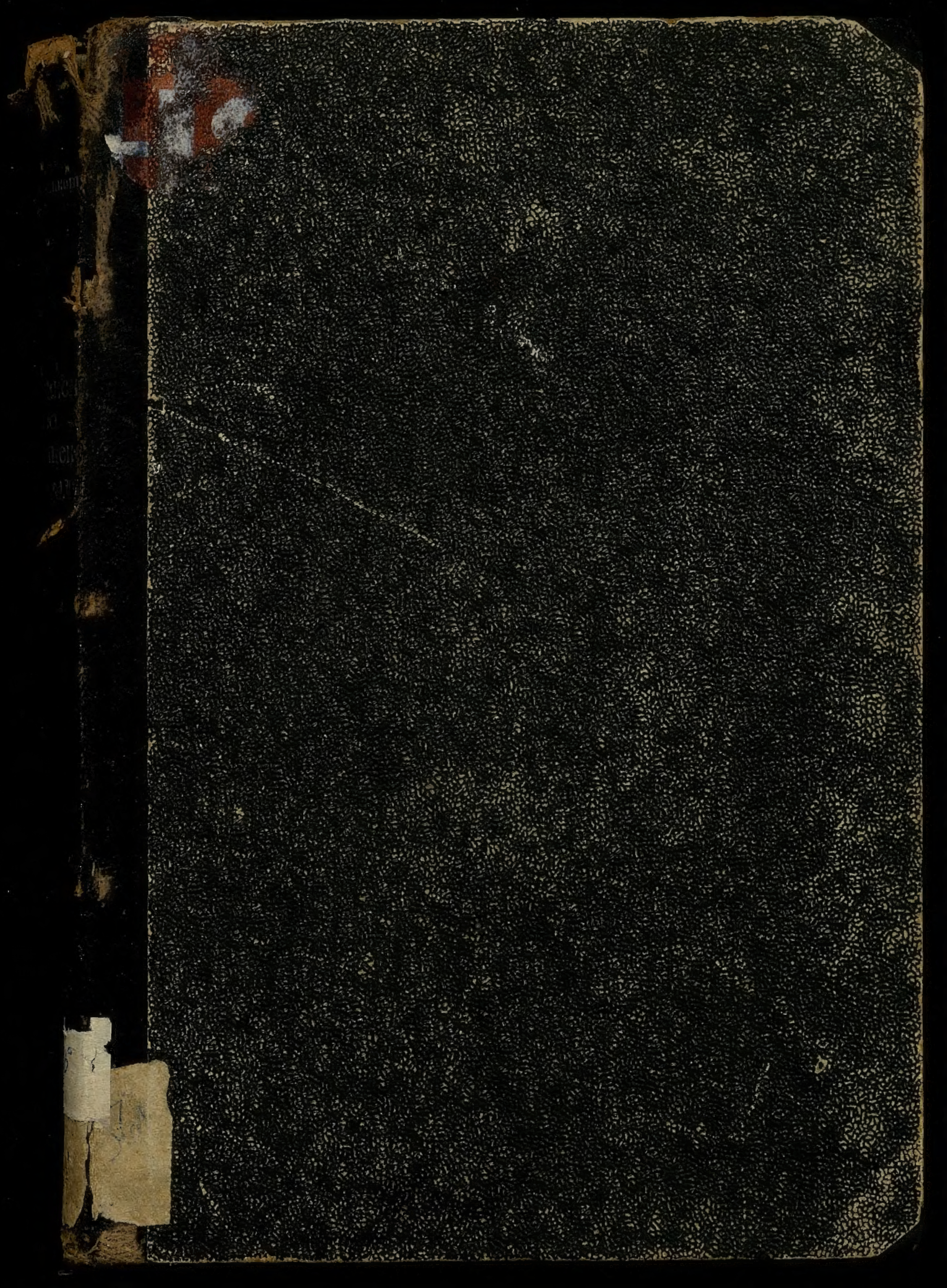

... разныя группы
прочимъ, соціалъ-демократ
не замедлила

ЗАПИСКИ

о

СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ

Александра Новикова,

автора записокъ земскаго начальника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902

3145

Посвящается

учителямъ и учительницамъ

школъ Козловскаго уѣзда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

1. Вступленіе 1
2. Отношеніе народа къ школѣ 4
3. Денегъ нѣтъ 8
4. Задачи сельской школы. 11
5. Общедоступность обученія 16
6. Обязательность обученія 19
7. Церковно-приходскія школы 23
8. Школы грамоты 28
9. Земскія школы 32
10. Расходы губернскаго земства на школы 36
11. Частныя школы 40
12. Нормальныя школы 44
13. Число учащихся 48
14. Внѣшность учениковъ 52
15. Внутренній міръ учениковъ 56
16. Школьная дисциплина 61
17. Отношеніе учителя къ ученикамъ. 65
18. Ученицы 69
19. Школьное хозяйство 74
20. Школьная гигіена 78
21. Школьные попечители 82
22. Требованія, предъявляемыя къ учителю. 86
23. Условія учительской работы 90
24. Учителя и учительницы. 95
25. Подготовка учителей 99
26. Учителя церковныхъ школъ 103

СТРАН.

27. Учитель-пахарь 108
28. Церковныя второклассныя и учительскія школы 112
29. Учительские курсы 117
30. Завѣдывающіе 121
31. Инспекторъ 125
32. Наблюдатели 129
33. Учительскіе совѣты 133
34. Отношеніе земствъ къ школьнымъ управленіямъ 137
35. Продолжительность курса 141
36. Распредѣленіе занятій 145
37. Экзамены 149
38. Законъ Божій 153
39. Славянскій языкъ 157
40. Пѣніе 161
41. Чтеніе 165
42. Письменныя работы 168
43. Ариѳметика 172
44. Гимнастика, маршировка, прогулки 176
45. Постороннія занятія 180
46. Библіотеки и народныя чтенія 184
47. Занятія со взрослыми и повторительные курсы 188
48. Практическая школа 191
49. Развитіе учениковъ 195
50. Заключеніе 199

1. Вступленіе.

Мои «Записки земскаго начальника» были встрѣчены такъ благосклонно прессой, что я этого и не ожидалъ, приступая къ ихъ печатанію. Думаю, что причиной тому искренность моя и правдивость, которымъ я ни разу не измѣнилъ.

Какой бы стороны деревенской жизни я ни касался, я невольно роковымъ образомъ приходилъ всегда къ одному: свѣту, свѣту больше, да скроется тьма!.. Увы! свѣтъ этотъ все медлитъ идти, тьма становится если не гуще, то все невыносимѣе для бѣдной, изнывающей отъ голода и нищеты деревни.

Когда я пріѣхалъ въ деревню, чтобы поступить въ земскіе начальники, я о школѣ не думалъ. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ я начиналъ вникать въ жизнь нашихъ крестьянъ, по мѣрѣ того, какъ я сталъ понимать, въ чемъ корень зла, мѣнялся и характеръ моей дѣятельности: я, сначала не думавшій о школѣ, подъ конецъ моей деревенской дѣятельности всѣ свои усилія направлялъ на школу! Будучи земскимъ начальникомъ и предводителемъ дворянства, я вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и членомъ или предсѣдателемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, а также членомъ уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго совѣта. Былъ я кромѣ того и строителемъ, и попечителемъ многочисленныхъ земскихъ и церковныхъ школъ!

Теперь оглядываюсь на свою деревенскую дѣятельность, которой я посвятилъ то, что̀ принято называть лучшими годами

жизни. И чтó же я вижу? Единственное дѣло мое, которое можетъ быть названо дѣломъ, это—все то, чтó касалось школъ.

Былъ я дѣятельнымъ земскимъ начальникомъ, боролся съ пьянствомъ, заводилъ порядокъ на сельскихъ сходахъ и въ волостныхъ судахъ, настаивалъ, чтобы на сельскія и волостныя должности выбирались люди, которые мнѣ казались лучшими... И что же? — немного лѣтъ прошло, и отъ моей дѣятельности земскаго начальника не осталось ни малѣйшаго слѣда. Пьянство, несмотря на вновь введенную у насъ монополію, процвѣтаетъ попрежнему. На сельскихъ сходахъ и земельный надѣлъ, и лучшая усадьба—все дается за водку. Лучшіе люди... нѣкоторые изъ нихъ оказались худшими, а нѣкоторые послѣ меня немедленно ушли... И сколько я ни присматриваюсь... не вижу слѣдовъ моей административной дѣятельности.

Не то въ школахъ! Здѣсь каждый мною испрошенный у крестьянъ или земства рубль принесъ свою пользу. Каждая моя поѣздка на сходъ или на постройку возымѣла свое дѣйствіе. И свѣтятся—неяркимъ, правда, пламенемъ—эти милыя школы мои и приносятъ какую могутъ пользу. Правда, и въ нихъ не все идетъ ладно. Въ лучшихъ, любимыхъ моихъ школахъ... дѣла пошли по-новому. Нѣтъ того человѣческаго дѣла, гдѣ бы временами не было ухудшеній. Но что сдѣлано, то сдѣлано—конечно, въ предѣлахъ возможнаго. Богъ дастъ, придетъ время... большее будетъ возможно... глядь, а фундаментъ ужъ заложенъ, и надстройка дальнѣйшихъ этажей будетъ легче.

Есть, правда, другой факторъ, который можетъ поднять нашу деревню—это законность. Но тутъ дѣло сложнѣе. Одинъ законности не насадишь. Самъ законъ-то у насъ таковъ, что его можно и туда, и сюда повернуть. Да законы-то все... временные! А про исполненіе ихъ и говорить нечего. Деревня изнываетъ отъ произвола; что тутъ сдѣлаетъ одинъ человѣкъ? Законность больше зависитъ отъ всего строя.

Тогда какъ школа можетъ жить одна въ любомъ захолустьѣ и будетъ приносить свою долю пользы... пока, конечно, малую, но тѣмъ не менѣе пользу.

Тѣмъ печальнѣе сознавать, что теперь у насъ довольствуются плохой школой, что на плохую школу у насъ теперь даже мода. Печально, что школѣ многіе законы препятствуютъ развиваться, какъ, напримѣръ, законъ о предѣльномъ земскомъ обложеніи. Печально, что у школы масса скрытыхъ враговъ, которые не смѣютъ открыто, поднявши забрало, идти противъ нея, но которые рады при случаѣ исподтишка нанести ей ударъ, прикрываясь иногда другими цѣлями, до которыхъ въ сущности имъ и дѣла нѣтъ. Печально, что мы, школьные работники, успѣемъ умереть, не увидѣвъ того свѣта, который мы, выбиваясь изъ силъ, зажигали.

Да! Печально все это... но да подкрѣпитъ насъ вѣра въ полезность нашей работы. Какимъ бы печальнымъ покровомъ ни былъ покрытъ нами разведенный огонь,—придетъ время, онъ разгорится, и просвѣтится свѣтомъ культуры нашъ безпомощный, нашъ забитый русскій крестьянинъ, и, просвѣтившись, воспрянетъ и удивитъ міръ безконечными запасами любви къ ближнему, нынѣ систематически заглушаемой ложью и фарисействомъ.

Какъ ни тернистъ путь нашей сельской школы, какъ она ни бѣдна въ сравненіи съ школой Западной Европы и Сѣверной Америки, мы должны смотрѣть на нее какъ на фундаментъ будущей постройки и стремиться, чтобы она, какъ можно скорѣе, стала повсемѣстной, хотя бы въ эмбріональномъ видѣ, въ какомъ ее держатъ современныя школьныя условія.

Какъ я поступалъ въ «Запискахъ земскаго начальника», такъ я и теперь буду поступать. Забрасывать читателя цифрами не стану,—пускай онъ ихъ ищетъ, коли хочетъ, въ имѣющихся сборникахъ,—а дамъ ему результатъ моихъ многолѣтнихъ наблюденій и впечатлѣній.

Таковыя будутъ у меня тѣмъ полнѣе, что я близокъ былъ къ обоимъ типамъ школъ—земскимъ и церковнымъ. До послѣдней минуты нѣкоторыя соображенія заставляли меня сдержанно говорить о розни между ними, поэтому я предпочиталъ молчать.

Теперь эти обстоятельства измѣнились, и у меня языкъ раз-

вязанъ. Поэтому приступаю къ этому труду съ спокойною совѣстью, что могу сказать всю правду съ тою объективностью, съ которою всегда относился ко всему, что брался описывать.

Теперешнее время для моихъ записокъ, мнѣ кажется, самое удобное. Начатъ пересмотръ уставовъ среднихъ учебныхъ заведеній; на очереди пересмотръ университетскаго устава. Поговариваютъ о перемѣнахъ въ женскихъ гимназіяхъ.

Свыше провозглашено новое основаніе нашей педагогики: сердечность.

Неужели же принципъ сердечности не будетъ проведенъ тамъ, гдѣ въ немъ наиболѣе нуждаются?.. Въ бѣдной сельской школѣ. Стоитъ на нее взглянуть, чтобы убѣдиться, что тутъ-то сердечность и нужна.

Но прежде, чѣмъ что-либо мѣнять въ ней, полезно ознакомиться съ голой, неприкрашенной дѣйствительностью. Ее-то мнѣ и хочется показать читателю.

---

2. Отношеніе народа къ школѣ.

Иногда въ печати встрѣтить можно такое мнѣніе: что весь народъ русскій стремится несказанно къ школѣ и готовъ идти на всякія жертвы, лишь бы таковую имѣть. Встрѣчается, и даже часто, и обратное мнѣніе, что народъ нашъ вовсе въ школѣ не нуждается, и что таковая насильно ему навязывается. Если,— говорятъ таковые,—мужикамъ школа и люба, то единственно постольку, поскольку въ ней научаютъ читать и понимать божественныя книги. Нечего говорить, что то и другое положенія страдаютъ преувеличеніемъ и происходятъ или отъ скороспѣлаго обобщенія, или отъ предвзятой идеи.

Постараюсь вывести формулу отношенія народа къ школѣ, обнимающую всѣ случаи. Разберемъ два случая: когда въ деревнѣ школы нѣтъ, и рѣчь идетъ объ открытіи таковой, и когда

есть школа. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ отношеніе населенія къ школѣ бываетъ весьма различно.

Сначала я, конечно, взялся за большія села, и долженъ признаться, что уговорить большое состоятельное село построить себѣ большую соотвѣтствующую надобности школу часто нелегко. Противятся главнымъ образомъ школѣ богатыя села. Богатымъ селомъ я называю такое, гдѣ большинство жителей кормится своимъ хлѣбомъ круглый годъ (есть еще и такія, читатель, хотя съ каждымъ годомъ меньше). Это естественно. Не желаютъ перемѣны люди, которымъ хорошо живется. Оттого при проведеніи желѣзной дороги черезъ Коломну купцы коломенскіе настояли, чтобы вокзалъ построенъ былъ по возможности дальше отъ города. Оттого раненбургскіе купцы подавали прошеніе, чтобы козловскую дорогу не вели на ихъ городъ. Оттого теперь евпаторійскіе караимы-милліонеры какъ огня боятся желѣзной дороги и порта.

Итакъ, не мало иногда усилій стоило уговорить богатыхъ, что не вѣкъ они будутъ богаты. Бѣдные же соглашались скорѣе. Я забылъ оговорить, что въ Козловскомъ уѣздѣ, гдѣ я работалъ, земство еще не дошло до того, чтобы строить школы отъ себя. Постройка школьныхъ зданій, да еще часть содержанія, плюсъ отопленіе, а въ маленькихъ школахъ и сторожъ— все лежитъ на крестьянахъ, такимъ образомъ, въ школьномъ дѣлѣ платящихъ двойную дань. Оттого и трудно уговорить ихъ завести школу. Но потому и характерно ихъ отношеніе къ школѣ. Въ бѣдныхъ, маленькихъ помѣщичьихъ деревняхъ крестьяне гораздо охотнѣе давали себя уговорить. Они возлагали на школу надежды, которыя, увы! могли быть удовлетворены только частью.

По мѣрѣ увеличенія числа школъ увеличивалась и наклонность къ нимъ населенія, и подъ конецъ помню бѣдную деревушку, гдѣ крестьяне захотѣли имѣть свою школу, и гдѣ мнѣ пришлось имъ посовѣтовать приписаться къ школѣ сосѣдняго села, такъ какъ я сознавалъ, что самостоятельная школа имъ будетъ не подъ силу.

Школьная моя дѣятельность распространилась и на сосѣдніе

земскіе участки, куда я являлся въ качествѣ или замѣстителя земскаго начальника, или предводителя, или просто члена училищнаго совѣта. Здѣсь повторялась прежняя исторія: сначала недовѣріе, затѣмъ стремленіе имѣть училище.

Помню одну деревушку сосѣдняго участка, небольшую, стоящую поодаль отъ другихъ селъ, на границѣ уѣзда. Я о ней и не думалъ. Являются ко мнѣ—верстъ за тридцать съ лишнимъ.

— Что же вы къ намъ, ваше благородіе?

— А что?

— Да насчетъ школы. Али мы въ полѣ обсѣвокъ?

Пришлось строить имъ школу. Я хотѣлъ выстроить деревянную, они потребовали каменную. Я назначилъ имъ взносъ въ земство, они его увеличили, чтобы отъ земства получить бо̀льшую доплату.

Теперь посмотримъ, какъ дѣло дѣлалось въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ школа уже существовала. Возьму два крайнихъ примѣра. Въ школѣ дымитъ печка. Починить ее стоитъ десять рублей. Сходу это объявляется, проситъ староста или школьный попечитель ассигновать деньги. Ни за что. Ѣду я. Тоже безуспѣшно. Какъ ни уговариваю, и слушать не хотятъ. Не нужно намъ школы, да и только! Объясняешь, что вѣдь все равно они обязались платить въ земство и на содержаніе школы, что съ нихъ это возьмутъ, какъ-никакъ. — Что̀ обязались, платить будемъ, а на печку ни гроша.

На другомъ сходѣ картина обратная. Школа существуетъ давно. Что ни предложишь, сходъ соглашается. Ремонтъ? Деньги отпускаются на ремонтъ. Усадьба? Дается усадьба. Садъ? Ограда? Денегъ ассигнуютъ больше, чѣмъ мы просили.

Какъ это объяснить? А объяснить всегда можно. Очевидно, что въ первомъ случаѣ крестьяне своей школой недовольны, а во второмъ—наоборотъ, ею дорожатъ. А почему крестьяне школой бываютъ недовольны,—это всегда можно разобрать. Или учитель имъ не по нраву, или при пріемѣ отдается предпочтеніе, за неимѣніемъ мѣстъ, богатымъ или лавочникамъ, или что-либо другое, что̀ крестьянамъ кажется важнымъ. Недовольство учи-

телемъ бываетъ иногда основательно, когда онъ небрежно занимается дѣломъ, иногда же основано на нелѣпыхъ требованіяхъ крестьянъ, чтобы онъ водилъ съ ними компанію и пилъ водку, или чтобы онъ пускалъ ихъ въ школу чуть не во время занятій. Дѣло начальства въ первомъ случаѣ—устранить причину недовольства, смѣнивъ учителя, во второмъ случаѣ—растолковать сходу обязанности учителя и необходимость смотрѣть на школу, какъ на мѣсто святое.

Часто недовольство крестьянъ вызвано бываетъ тѣмъ, что школа мала, и многимъ отказываютъ въ пріемѣ, за недостаткомъ мѣста. Родители непринятыхъ дѣтей всегда являются принципіальными противниками школы и отказываютъ ей въ дальнѣйшихъ пособіяхъ.

Насколько крестьяне дорожатъ хорошей школой и умѣютъ предъявлять къ ней извѣстныя требованія, видно изъ того, что школъ грамоты и громаднаго большинства церковныхъ школъ они не признаютъ за таковыя. На высотѣ земскихъ школъ въ моемъ участкѣ было три церковныхъ школы, а въ двухъ сосѣднихъ участкахъ ни одной. Когда иной разъ на сходѣ крестьянинъ скажетъ: «Чего намъ школу? вѣдь, есть у насъ школа!»—то отъ своихъ же собратій услышитъ: «Какая школа? діаконова-то? Это нешто школа? Нѣтъ, ваше благородіе, намъ настоящую школу устройте».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, чтобы пріохотить крестьянъ къ школѣ, учебное начальство заботилось о введеніи церковнаго пѣнія, съ тѣмъ, чтобы учитель регентовалъ и въ церкви. Крестьяне пѣніемъ избаловались и стали уже требовать учителя-регента, считая учителя плохимъ, коли онъ не умѣлъ устроить хорошаго хора.

Вотъ какъ разнообразно отношеніе крестьянъ къ школамъ и къ учителямъ, и какъ внимательно нужно съ самаго начала относиться къ дѣлу, во-первыхъ, чтобы вселить въ нихъ убѣжденіе, что школа полезна, во-вторыхъ, чтобы сразу школа была поставлена на должную высоту, и тѣмъ могла ихъ удовлетворить.

Думаю, что изъ всего сказаннаго можно вывести такую общую формулу, опредѣляющую отношеніе крестьянъ къ школѣ:

Когда устраивается новая школа, то крестьяне, въ особенности богатые, относятся къ ней съ недовѣріемъ, затѣмъ не только привыкаютъ къ ней, но и понимаютъ ея пользу, при условіи, если школа хороша. Тогда школа дѣлается потребностью населенія.

Когда я буду говорить о школьномъ преподаваніи, мнѣ придется вернуться къ требованіямъ, предъявляемымъ къ школѣ крестьянами.

---

3. Денегъ нѣтъ!

Рѣдкій нумеръ газеты приходитъ безъ того, чтобы не было грустнаго повѣствованія о необходимости то тамъ, то здѣсь имѣть новое среднее или низшее учебное заведеніе, или улучшить, или увеличить уже существующее. Необходимость-де вопіющая, да денегъ, къ сожалѣнію, нѣтъ; нѣтъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ тысячъ, а то двухъ-трехъ сотъ рублей у земства, а то даже у министерства.

«Денегъ нѣтъ»,—повторялось, повторяется и, кажется, долго еще будетъ повторяться, когда дѣло идетъ о нуждахъ народнаго образованія. Нѣкоторые органы печати, да и нѣкоторыя лица изъ публики прежде—лѣтъ 20 назадъ—говорили это какъ-будто серьезно, большинство же эту формулу «денегъ нѣтъ» не считало за неопровержимый доводъ, а полагало, что это не что иное, какъ способъ замаскировать нежеланіе произвести расходъ, который по какимъ-то соображеніямъ считается вреднымъ.

Теперь картина иная. Это постоянно повторяющееся «денегъ нѣтъ» такъ часто прицѣпляется къ разговорамъ о народномъ образованіи, что вѣрить стали въ этотъ доводъ не только прежніе скептики, но и тѣ, которые прежде преднамѣренно распускали этотъ ложный слухъ изъ-за своихъ затаенныхъ видовъ.

Въ такомъ-то городѣ дѣтямъ негдѣ учиться. Стоитъ вопль обывателей. Дума обращалась въ министерство объ открытіи гимназіи, но получила отвѣтъ, что больше 600 рублей въ годъ пособія министерство выдать не можетъ.

Слѣдующее извѣстіе.

Отъ такого-то города до такого-то предположено провести желѣзную дорогу въ тысячу слишкомъ верстъ. Постройка въ принципѣ рѣшена, и вопросъ сводится къ тому, будутъ ли добыты нужные для нея 70 милліоновъ путемъ займа или инымъ образомъ.

Тутъ, скажутъ, доходъ очевиденъ. Отстроится дорога, и проценты на капиталъ пойдутъ. А развѣ не пойдутъ проценты на капиталъ, вложенный въ дѣло народнаго образованія? Дорога принесетъ 5%, а этотъ капиталъ 100%, 1.000%! Да не потому ли и «денегъ нѣтъ», что плоды образованія слишкомъ очевидны?

Доказательство, что дѣло не въ деньгахъ, есть блестящее. Это наша народная школа. Если бы денегъ дѣйствительно не было, то не нашлось бы средствъ на одинъ и тотъ же предметъ производить двойной расходъ. Я говорю о двойной сѣти школъ у насъ, земскихъ и церковныхъ.

Принята у насъ въ Тамбовѣ одна формула, введенная однимъ архіереемъ. «Горитъ у васъ свѣчка въ горницѣ. Развѣ плохо будетъ, если зажечь вторую свѣчку? Такъ и со школами. Есть у васъ земская?—открывайте и церковную! Свѣтлѣе будетъ!»

И получается слѣдующая съ натуры взятая картинка.

Громадное торговое село. Въ центрѣ земская превосходная школа. 400—500 учениковъ, 6 учителей. Въ полуверстѣ школа грамоты. Учитъ дьяконъ. 3 священника препираются, кому завѣдывать школой и законоучительствовать въ ней (всѣ три состоятъ законоучителями, и притомъ платными, земской школы). Учениковъ 10—15, и то дѣти кухарокъ и работниковъ причта (дѣти духовныхъ—въ земской). Причтъ гонитъ учениковъ въ школу,—тѣ упираются. Отдѣленіе епархіальнаго совѣта понукаетъ причтъ. Выговоры. Непріятности. Причтъ ничего не хочетъ дѣлать, да и не можетъ!.. А это все для чего? Да для

того, чтобы горѣла вторая свѣча! А мнѣ кажется, что для того, чтобы не уменьшалась та цифра въ тысячу съ чѣмъ-то церковныхъ школъ, открытыхъ тѣмъ преосвященнымъ, о которомъ я говорилъ,—открытыхъ безъ надобности, безъ плана, безъ денегъ.

И это не въ одной этой школѣ, а можетъ быть въ 90 изъ 100 школъ уѣзда. Можетъ быть, одна школа изъ десяти нужна и приноситъ пользу, а девять открыты ради конкуренціи или ради того, чтобы значились въ отчетѣ!

Эти школы ничего почти не стоятъ,—говорятъ намъ. Церковная школа—дешевая школа.

Положимъ, она дешевая—потому и плоха, какъ мы увидимъ,—но все-таки денегъ она стоитъ. Тѣ милліоны, которые до сихъ поръ отпускались духовному вѣдомству на народную школу, до народной-то школы еще не доходили, а употреблялись почти исключительно на «начальство»—явленіе весьма замѣтное и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, да и во всѣхъ министерствахъ, гдѣ альфа—начальство, а до омеги мы еще все не дошли.

Поэтому-то и говорится, что школа церковная ничего не стоитъ, хотя забываютъ такъ называемыя мѣстныя средства. Мужику все равно, подъ какимъ флагомъ у него вытягиваются его гроши. А церковныя деньги—мужицкія деньги. Положимъ, помѣщенія церковныхъ школъ плохи; положимъ, учебныя пособія и мебель недостаточны; положимъ, трудъ преподавателей подневольный и даровой,—но все-таки стоитъ что-нибудь это помѣщеніе, отопленіе его, эти книги, эта бумага, этотъ сторожъ. Помножьте эту сумму на 1.000, и вы получите громадную ежегодно по губерніи бросаемую (за исключеніемъ одной десятой) сумму. Не будь двухъ разрядовъ школъ,—съ какой пользой могли бы быть употреблены эти деньги, которыя плачутъ, ой, какъ плачутъ теперь!

Это я говорилъ про мѣстныя средства. А тѣ суммы, которыя расходуются духовнымъ вѣдомствомъ на начальство?

Я постоянно себя спрашивалъ, какое можетъ быть объясненіе этому двойному расходованію средствъ на два губерн-

скихъ училищныхъ совѣта, на два уѣздныхъ совѣта, на двойную дирекцію, на двойную инспекцію? И находилъ лишь одно объясненіе... да нѣтъ, и оно никуда не годное.

Еще картинка.

Инспекторъ училищъ, человѣкъ молодой, сильный, духовнаго происхожденія, кандидатъ духовной академіи, на тройкѣ земскихъ лошадей подъѣзжаетъ къ земскому училищу. Въ то же время у церковной караульни священникъ, красивый брюнетъ, вылѣзаетъ изъ брички съ запряженною въ нее парой тоже земскихъ лошадей. Побывъ съ часъ, инспекторъ выходитъ изъ школы земской, наблюдатель изъ школы церковной.

— Вы куда, отецъ Георгій?

— Да въ Ярославку, Михаилъ Александровичъ.

— А! и я тоже. Садитесь ко мнѣ. Веселѣе будетъ.

Наблюдатель садится къ инспектору въ тарантасъ, и ѣдутъ вмѣстѣ. Бричка порожнемъ плетется сзади.

Господи, да къ чему это?!.

Рѣчь эту я велъ къ одному,—что деньги тутъ ровно ни при чемъ. Если и въ сельскихъ, и уѣздныхъ, и губернскихъ, и правительственныхъ суммахъ есть такія, которыя могутъ быть такъ непроизводительно расходуемы, то не отъ бѣдности же это!

Тѣмъ болѣе, что если мы жалѣемъ мужика (такъ, кажется? или это дѣлается на словахъ?), то земскій сборъ еще легче другихъ для него, такъ какъ земля есть и частно-владѣльческая, и государственная, а ужъ акцизно-монопольная система цѣликомъ лежитъ на мужикѣ.

Нѣтъ, не о нищихъ пекутся говорящіе о деньгахъ!

---

4. Задачи сельской школы.

О какой бы сторонѣ жизни русской деревни ни говорили, все возвращаются къ одному: «Хорошую бы школу деревнѣ, и все пошло бы какъ по маслу». Говорятъ, напримѣръ, про смертность дѣтей и взрослыхъ, про болѣзненность женщинъ, про

отсутствіе возможныхъ санитарныхъ условій жизни—и утверждаютъ, что пока деревня не имѣетъ школы, не улучшатся и физическія условія жизни. Заходитъ рѣчь объ эксплоатаціи деревни кулаками и болѣе сильными въ экономическомъ отношеніи жителями деревни, — опять машутъ рукой: чего вы хотите безъ хорошей школы? Идетъ ли дѣло о крестьянскомъ сутяжничествѣ и полной безпомощности ихъ защитить свои права отъ произвола,—опять тотъ же припѣвъ: «Эхъ! кабы школъ побольше!»

Въ чемъ же, однако, дѣло? Не можетъ же несчастная сельская школа сдѣлать людей и медицински, и юридически образованными? Конечно, нѣтъ. Но она можетъ надавить на одну пружину человѣческаго ума, которая, будучи заведена, дастъ ему силы бороться съ разными жизненными невзгодами.

Однако, школъ у насъ уже не мало всевозможныхъ: и земскихъ, и церковныхъ. А результатовъ-то не очень еще видно. Ничего въ этомъ удивительнаго не будетъ, если мы посмотримъ: во-первыхъ, какъ мало этихъ школъ въ сравненіи съ потребностью, и какъ мы далеки отъ общедоступности школъ; во-вторыхъ, какъ эти школы малы, и не только не вмѣщаютъ дѣтей обоего пола, но и за рѣдкими исключеніями не удовлетворяютъ потребности въ обученіи даже мальчиковъ того села, гдѣ есть школа; въ-третьихъ, какой ничтожный процентъ числящихся въ школахъ кончаютъ въ нихъ курсъ, и, въ-четвертыхъ, какъ мало современная школа содѣйствуетъ именно тому, что́ нужно крестьянину.

А нужно ему развитіе! Только развитіе дастъ ему средства борьбы съ невзгодами санитарными, экономическими, хозяйственными; только развитіе сдѣлаетъ его полноправнымъ членомъ общества изъ того приниженнаго человѣка, котораго только лѣнивый не обманываетъ, не эксплоатируетъ, не ругаетъ, а при случаѣ и не бьетъ.

Но развитіе, какъ ближайшая и притомъ конечная цѣль, предполагаетъ цѣлую систему и преподаванія школьнаго, и внѣшкольныхъ чтеній и собесѣдованій, и наконецъ повторительныхъ уроковъ и занятій. Нужно, во-первыхъ, чтобы эта цѣль, а не

иная какая была поставлена во главѣ школьнаго дѣла; во-вторыхъ, чтобы она послѣдовательно и неуклонно преслѣдовалась всѣми школьными дѣятелями. Тогда школа принесетъ плоды.

А у насъ не только эта цѣль не преслѣдуется, но всячески боятся, какъ бы ученики не развились. Получается удивительная аномалія. Говорятъ о пользѣ и о необходимости школы—и вмѣстѣ съ тѣмъ боятся ее.

Было время сравнительно недавнее, когда о развитіи можно было говорить. Теперь же говорятъ о грамотности. Школа-де должна дѣлать людей грамотными. Но забываютъ, что грамотность сама по себѣ почти ни на что не нужна. Грамотность есть средство къ достиженію развитія. Не велика польза, если человѣкъ можетъ записать что-либо на память, да написать письмо съ многочисленными поклонами. Другое дѣло, если онъ воспользуется грамотностью, чтобы читать книги, которыя ему будутъ даны. Малая будетъ польза и тогда, если ему изъ книгъ дадутъ только часословъ да Бову Королевича.

Развитіе, говорю я, не только не ставится цѣлью, но даже преслѣдуется. Чѣмъ, какъ ни боязнію развитія, объяснить такое удивительное положеніе объяснительной записки по русскому языку? При объяснительномъ чтеніи учитель можетъ объяснять ученикамъ неизвѣстныя имъ слова, но останавливаться на подробномъ разъясненіи всѣмъ извѣстнаго слова онъ не смѣетъ. Ученики знаютъ, что такое растеніе, дерево, трава,—но объяснить разницу между этими понятіями не могутъ. Разъясните имъ эту разницу,—это ихъ заинтересуетъ. Займитесь съ ними чаще такими разговорами,—это ихъ пріучитъ критически относиться къ окружающимъ предметамъ и явленіямъ. А это и есть развитіе. Это-то и запрещено.

И запрещено это не потому, что времени мало, что некогда этимъ заниматься. Времени много, повидимому, потому что не стали бы вводить въ курсъ никому ни для чего ненужную грамматику и, если нужный, то въ гораздо меньшемъ объемѣ, славянскій языкъ. Дѣло, очевидно, не во времени, а именно въ боязни критическаго отношенія къ окружающему.

И выброшенъ въ земской школѣ флагъ «грамотность».

Въ церковной школѣ даже грамотность стоитъ на второмъ планѣ. Я лично отъ одного епархіальнаго наблюдателя слышалъ, что никакой бѣды нѣтъ, если крестьянинъ на приговорѣ схода выведетъ свое имя съ фамиліею славянскими печатными буквами.

Тутъ во главу угла поставлено религіозно-нравственное воспитаніе. Къ сожалѣнію, это оказывается только хорошими словами. Ни религіозности, ни нравственности тѣми средствами, которыя для сего рекомендуются, поднять, оказывается, нельзя. Въ смыслѣ ученія дается (впрочемъ не дается, а должна даваться) масса свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ зубреніемъ и удерживаемыхъ памятью. На душу и на нравственность вліянія это не имѣетъ.

Еще меньшее вліяніе имѣетъ многое, что́ рекомендуется во внѣшнемъ школьномъ обиходѣ: зажиганіе лампадъ, цѣлованіе евангелія на показъ передъ чтеніемъ его, крестное знаменіе передъ началомъ отвѣта по ариѳметикѣ и прочее. Все это ученики продѣлываютъ и тутъ же идутъ воровать яблоки, ругаются скверными словами и т. д.

Тутъ я позволю себѣ маленькое сравненіе.

Возьмите нѣмецкаго пастора: ходитъ онъ въ пальто и котелкѣ, говорятъ съ нимъ прихожане по-просту. А вмѣстѣ съ тѣмъ, какое вліяніе онъ имѣетъ на нихъ! Пріѣзжаете вы въ любой русскій городъ, и если вамъ нужна нѣмка-гувернантка или нѣмецъ-учитель, идите къ пастору: онъ вамъ рекомендуетъ, кого вамъ нужно, лучше любой конторы. И нѣмецъ, самый простой и бѣдный, пріѣхавъ въ городъ, первымъ дѣломъ идетъ къ пастору и заводитъ съ нимъ сношенія.

Попробуйте посовѣтоваться насчетъ гувернантки съ русскимъ священникомъ. Онъ удивится и дастъ вамъ понять, что у него не контора. А придетъ къ нему сапожникъ заявиться, что онъ переѣхалъ въ его приходъ,—онъ еще болѣе удивится, а то и прогонитъ.

Крестьяне и школьники къ священнику подходятъ не иначе,

какъ подъ благословеніе, и цѣлуютъ у него руку. А если, ѣдучи на базаръ, съ нимъ встрѣтятся, то просятъ не переходить дороги. И священники эту просьбу на моихъ глазахъ исполняли, не обижаясь и даже улыбаясь. Мнѣ разъ пришло въ голову спросить священника:

— А что, батюшка, вы бы удивились, кабы они перестали бояться, когда вы переходите имъ дорогу?

— Да, признаться, удивился бы.

— Ну, а подумайте-ка, не подумали ли бы вы, что это вольнодумство?

— Гмъ! Пожалуй.

И священникъ улыбнулся.

Говорю я это все къ тому, чтобы доказать, что при такомъ отношеніи къ священнику его уроки безплодны именно въ томъ отношеніи, въ какомъ хотятъ видѣть плоды. Нравственности-то они и не поднимаютъ. Форма остается формой. Она исполняется, а жизнь идетъ своимъ чередомъ.

Формулу людей истинно религіозныхъ, желавшихъ насадить въ народѣ истинную нравственность, подхватили люди, которымъ ни до религіозности, ни до нравственности дѣла нѣтъ и которые воспользовались этимъ знаменемъ церковныхъ школъ, чтобы прочнѣе затормозить развитіе.

Я знаю двухъ-трехъ дѣятелей церковной школы, которые работаютъ съ убѣжденіемъ, и у тѣхъ есть плоды. Но ту же пользу они принесли бы и въ не церковныхъ школахъ своею жизнію, своимъ примѣромъ, своимъ мощнымъ словомъ. Но такихъ школъ можетъ быть на Руси десятка два-три; а церковныхъ школъ два-три десятка тысячъ! Такъ, кажется? Не мало я сказалъ?

Ту же свѣтобоязнь, что и въ программахъ и методахъ, можно увидать и въ строгости, съ какой книги допускаются въ народъ, и въ затрудненіяхъ для желающихъ вести чтенія и т. д.

Понятно ли послѣ этого, почему не видать осязательныхъ плодовъ школъ? И удивительно ли, что крестьяне, не видя этихъ плодовъ, часто относятся къ нимъ скептически?

Потому я и называю теперешнія школы лишь фундаментомъ будущихъ!...

---

5. Общедоступность обученія.

Какъ обученіе человѣка конца не имѣетъ и продолжается всю жизнь, такъ тѣмъ болѣе нельзя говорить о завершеніи образованія народа, въ особенности тогда, когда образованіе это въ зачаточномъ состояніи, какъ у насъ. Тѣмъ не менѣе самымъ передовымъ земствомъ считается то, которое въ земскомъ собраніи, на бумагѣ, выработало школьную сѣть. Вотъ остается намъ столько-то школъ построить... и кончено. Отчасти они и правы, потому что, стѣсненное программами и узаконеніями, оно дальше извѣстнаго предѣла и идти не можетъ, а все-таки это «кончено» звучитъ странно.

Тутъ, при составленіи сѣти, опять первымъ вопросомъ является, какъ быть съ церковно-приходскими школами? Вѣдь ужъ совсѣмъ нелѣпо было бы, если бы и отдѣленія стали разрабатывать свои сѣти, не обращая вниманія на земскія училища. Вышла бы сѣть, наложенная на сѣть. Это нелѣпо, а вѣдь эта нелѣпость во многихъ пунктахъ есть. Почему бы и не быть двумъ сѣтямъ?

Пока, впрочемъ, сѣтями занимаются только земства, а не отдѣленія. Одно изъ бумажныхъ распоряженій гласитъ, что на училище, и земское, и церковное, прежде его постройки должно быть испрошено согласіе другого вѣдомства. Земская школа безъ законоучителя быть не можетъ а потому епархіальное начальство увѣдомляется всегда о новой земской школѣ, хотя бы по окончаніи ея постройки.

Училищные же совѣты большею частью и не увѣдомляются отдѣленіями о новыхъ церковныхъ школахъ.

Вообще антагонизмъ между двумя вѣдомствами проявляетъ самыя разнообразныя формы. Иногда онъ проявляется наверху, не сходя до самыхъ школъ; иногда враждуютъ низшіе дѣятели,

несмотря на старанія начальства ихъ сохранить миръ. Большой вредъ приносятъ распоряженія, сверху подогрѣвающія рознь, въ родѣ распубликованія сенатскаго рѣшенія, что сельскія общества имѣютъ право требовать перехода земскихъ школъ въ вѣдѣніе духовенства. Многіе священники увидали въ этомъ указаніе свыше и подумали, глядя на хорошую земскую школу, не отличиться ли и не уговорить ли крестьянъ перевести къ намъ это чудное зданіе.

Часто, когда во главѣ совѣта и отдѣленія стоятъ люди хорошіе, которымъ школы дороги, дѣло идетъ дружно, при взаимной уступчивости. Да и вообще рознь въ послѣднее время сглаживается по весьма многимъ причинамъ. Духовное начальство меньше стало заботиться о количественномъ увеличеніи школъ. Земства, съ перемѣнами состава и ограниченіемъ земской компетенціи, стали равнодушнѣе. Да, наконецъ, время все сглаживаетъ...

Первый вопросъ, который возникаетъ въ земскихъ собраніяхъ, когда рѣшаютъ завести сѣть: какъ быть съ церковными школами и школами грамоты? Нѣкоторыя земства принципіально рѣшаютъ заводить сѣть, не обращая вниманія на церковныя школы, какъ будто ихъ и не было. Пока это рѣшеніе на бумагѣ,—оно правильно. Но при переходѣ его въ жизнь получается часто нелѣпость. Есть же церковныя школы съ большими зданіями и хорошими учителями,—тамъ, гдѣ онѣ устроились и содержатся на пожертвованныя средства. Нельзя же фактически съ ними не считаться, и нельзя же рядомъ строить ненужную земскую школу.

Съ другой стороны, есть такія церковныя школы, что лучше было бы, если бы ихъ вовсе не было. Нельзя въ такихъ случаяхъ обойти это мѣсто и лишить населеніе какой бы то ни было грамотности.

На практикѣ рѣшается большею частью этотъ вопросъ такъ:

Церковно-приходскія школы въ разсчетъ принимаются, а школы грамоты нѣтъ. Этимъ вопросъ не рѣшается безусловно, но надо же его какъ-нибудь рѣшить!

Другой вопросъ, возникающій при разговорахъ о сѣти,—какую школу принять за нормальную? Большею частью рѣшается этотъ вопросъ неудовлетворительно. За максимумъ разстоянія для ученика отъ школы полагается четырехверстное разстояніе, намѣчаются пункты для школъ, на картѣ проводятся четырехверстнымъ радіусомъ окружности, и когда окажется, что очерчены всѣ населенныя мѣста уѣзда, — вопросъ считаютъ исчерпаннымъ. Остается выработать планъ нормальной школы, представить все это на утвержденіе земскаго собранія, и телеграфъ разноситъ по Россіи о новой побѣдѣ свѣта надъ невѣжествомъ!

Дѣло этимъ еще далеко не исчерпывается. Моя практика мнѣ говоритъ, что дѣти хорошо ходятъ въ школу до двухверстнаго разстоянія. Дальше процентъ ходящихъ уменьшается, и за четыре версты ходятъ рѣдкія исключенія. Составители же проектовъ, увидавъ, что ходятъ за четыре версты, торопятся возликовать и разставить циркуль на четырехверстный радіусъ.

Даже въ предѣлахъ одного большого села дальше двухъ верстъ начинаютъ плохо ходить, изъ деревушки же какой-нибудь, когда нужно дѣтямъ пройти версты три, то хожденіе почти невозможно, а иногда, во вьюги, сильные морозы, разливы ручьевъ, далеко не безопасно.

Правда, если школа больше, то и успѣховъ можно требовать лучшихъ, гигіеническія условія лучше, можно имѣть двухъ учителей, но общедоступности такія школы не удовлетворятъ. Есть мѣстности, преимущественно нечерноземныя, гдѣ большихъ селъ очень мало, и крестьяне живутъ маленькими деревушками. Гнаться въ такихъ мѣстностяхъ за большими школами можно только въ ущербъ дѣлу общедоступности. Лучше маленькая посѣщаемая школа, чѣмъ большая школа пустующая.

Въ этомъ отношеніи хорошъ примѣръ козловскаго земства. Оно старается имѣть школы по возможности даже въ маленькихъ деревушкахъ, и потому имѣтъ таковыя нѣсколькихъ разрядовъ, отъ громадной школы съ шестью классными комнатами и съ шестью учителями до крошечной школки, ютящейся чуть не въ избушкѣ.

Это правило слѣдуетъ помнить, что дѣйствительно общедоступной будетъ школа только тогда, когда насажены будутъ школы какъ можно гуще, по возможности въ каждой деревнѣ, могущей дать хотя бы пятнадцать учащихся обоего пола.

Третій, и чуть ли не главный вопросъ при введеніи въ уѣздѣ общедоступной сѣти школъ—все тотъ же вопросъ денегъ. Если взять всю казну русскую, то вопросъ является вовсе немудренымъ при полуторамилліардномъ бюджетѣ и при легкости, съ какою строятся желѣзныя дороги и броненосцы и съ какою завоевываются громадныя области. Но для земства, въ особенности послѣ введенія закона о предѣльномъ обложеніи, вопросъ о деньгахъ очень и очень существенный. Когда въ зданіи и тутъ течетъ, и тамъ валится, и сямъ покривилось, а денегъ мало,—всего не исправишь, и приходится ухитряться. Такъ и въ земствѣ. И школы нужны, и дороги, и больницы, и опытныя поля... чего, чего ни нужно... а тутъ предѣльное обложеніе, да двойныя школы!

А все-таки мнѣ думается: если бы всѣ мѣстныя, церковныя, частныя, земскія средства, да то, что казна отпускаетъ на церковныя школы, да еще чуть-чуть... и дѣло бы было уже сдѣлано. А теперь общедоступность гдѣ-то тамъ мерещится вдали...

Это все, впрочемъ, мечты, а пока на бумагѣ достигли мы общедоступности въ какихъ-нибудь двадцати уѣздахъ изъ трехсотъ земскихъ, а на дѣлѣ, если присмотрѣться, то, можетъ быть,—нигдѣ.

А въ неземскихъ губерніяхъ картина такова, что и глядѣть туда не хочется. Впрочемъ, я говорю о центрѣ, гдѣ я жилъ и работалъ.

---

6. Обязательность обученія.

Въ семидесятыхъ годахъ обсуждался вопросъ о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ сдѣлать обученіе обязательнымъ. Для всякаго очевидно, что тогда этотъ вопросъ былъ несвоевременно поднятъ. Прежде чѣмъ обязывать мальчика или дѣвочку посѣщать школу,

надо выстроить школу. По той же самой причинѣ—отсутствія школъ—несвоевременень этотъ вопросъ и теперь. Мы только-что видѣли, какъ далеки мы отъ дѣйствительной общедоступности школы даже тамъ, гдѣ принципъ общедоступности давно уже провозглашенъ. Конечно, въ тридцатипятилѣтній періодъ существованія земства не того можно и должно было достигнуть, и врядъ ли мы оправдали самыя скромныя надежды, возлагавшіяся на насъ нашими отцами. Больше того: по тому, какъ мы движемся въ этомъ направленіи, врядъ ли и наши дѣти черезъ новыя тридцать пять лѣтъ вкусятъ плоды общедоступности. Оговариваюсь: отвѣтственность за это грустное явленіе ни въ какомъ случаѣ не должна всецѣло падать на земство. Земство, если бы могло, сдѣлало бы гораздо больше. Но несомнѣнно и оно виновато.

Изъ этого вытекаетъ, что обязательность обученія немыслима не только теперь, но останется немыслимой и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе теоретически хочется обсудить и этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что и теперь еще кое-когда это слово проскальзываетъ въ нашей литературѣ.

Больше всего возстаетъ противъ обязательности обученія извѣстная часть нашей печати, вообще не отличающаяся сочувствіемъ къ народному образованію. Это и понятно. Кто не сочувствуетъ вообще народному образованію, не можетъ желать его распространенія, а тѣмъ болѣе его общедоступности, и о, ужасъ!—обязательности. Не дай Богъ, народъ весь будетъ грамотный, да еще къ тому же будетъ еще книжки читать! Интересно не то, что эти господа противъ обязательнаго обученія, а тотъ флагъ, во имя котораго они возстаютъ противъ него. Возстаютъ они противъ обязательнаго обученія во имя свободы! Люди, не стѣсняющіеся всегда громко говорить противъ всякаго малѣйшаго проявленія свободы,—когда это имъ выгодно, драпируются въ чужіе доспѣхи и поютъ диѳирамбы принципу, имъ ненавистному. Получается противорѣчіе, тѣмъ болѣе несимпатичное, что все это шито бѣлыми нитками.

Но не имъ и не о нихъ я говорю.

Есть люди, несомнѣнно сочувствующіе дѣлу народнаго образованія и также во имя свободы отвергающіе всякую мысль объ обязательности его. Думаю, что это теоретическое разсужденіе врядъ ли умѣстно. Если смотрѣть на невѣжество, какъ на зло, то отстаивать необязательность обученія и—что̀ то же—разрѣшеніе невѣжества—значитъ разрѣшать завѣдомо зло. Не преслѣдовать какое-либо зло въ обществѣ можно будетъ только тогда, когда люди сами не будутъ дѣлать этого зла. Такъ, въ Сѣверной Америкѣ законъ объ обязательномъ посѣщеніи школы уже излишній потому, что врядъ ли найдется здоровый человѣкъ, который не отдалъ бы ребенка въ школу. Даже въ западной Европѣ законъ объ обязательности обученія не отмѣняется, потому что время еще не пришло.

Тѣмъ болѣе у насъ нечего говорить о свободѣ ученія, когда свободой неученія воспользуется слишкомъ много народа. Можно сказать, что еще рано вводить такой законъ за недостаткомъ школъ, а вообще возставать противъ него во имя свободы—значитъ безсознательно играть въ руку ненавистникамъ просвѣщенія.

Не даемъ же мы дѣтямъ свободы не учиться по той простой причинѣ, что они этой свободой воспользуются и останутся неучами. Къ данному случаю примѣнимъ геккелевскій біогенетическій законъ, по которому индивидуумъ переживаетъ всѣ тѣ формы, которыя переживаетъ видъ, къ которому индивидуумъ принадлежитъ. Поэтому обратно къ народу примѣнимы всѣ тѣ педагогическіе пріемы, которые полезны и необходимы для отдѣльнаго человѣка. Но сознательно, безъ принужденія начинаетъ юноша учиться тогда, когда самъ сознаетъ пользу и пріятность ученія. Никто не станетъ утверждать, что нашъ народъ дошелъ до этого юношескаго возраста; слишкомъ, къ сожалѣнію, очевидно, что онъ въ младенческой стадіи своего развитія. Даже на Западѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ первоначальное обученіе (и притомъ какое!) обязательно. А намъ ужъ и Богъ велѣлъ!

Ясно поэтому откуда исходятъ эти вопли о свободѣ. Можетъ

быть, свобода быть безграмотнымъ и на руку тѣмъ, которые рады, что могутъ побряцать оружіемъ своихъ противниковъ.

Обязательности обученія, въ настоящую минуту физически невозможной и состоящей въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ тѣхъ, которые не захотѣли бы подчиниться ей, можетъ и должна бы предшествовать мѣра, и теперь возможная. Я говорю о различныхъ льготахъ окончившимъ народное училище. Эти льготы по отбыванію воинской повинности прежде были льготы реальныя. Теперь же срокъ дѣйствительной службы для имѣющихъ свидѣтельство и для неимѣющихъ одинъ и тотъ же. Разница—въ срокѣ состоянія въ запасѣ, и то разница ничтожная. Мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ, когда я уговаривалъ ихъ доводить дѣтей своихъ до экзамена, что эта разница неощутительная. Одинъ мнѣ даже разъ сказалъ, что я ихъ надуваю и что никакихъ, какъ онъ убѣдился, льготъ нѣтъ.

Между тѣмъ, льготы эти возможны, и не только въ дѣлѣ отбыванія воинской повинности. Напримѣръ, если ужъ окончательно не суждено нашему законодательству освободиться отъ тѣлесныхъ наказаній, то почему не освободить отъ нихъ хоть окончившихъ народныя училища? Я знаю нѣсколько земскихъ собраній, которыя возбуждали это симпатичное ходатайство, но, къ сожалѣнію, оно такъ и осталось ходатайствомъ.

Есть еще и другія льготы, которыя могли бы быть даны окончившимъ сельскую школу, напримѣръ,—право на выборъ въ судьи, старосты, въ волостные выборные, право на безпрепятственное переселеніе въ Сибирь и многое другое, если бы была охота поощрять посѣщеніе школъ.

Но тутъ опять выдвигаются тѣ же доводы, что безнравственно заманивать дѣтей льготами. Въ школу должны-де стремиться сами, а не изъ-за побужденія разными льготами. Нечего говорить, что безусловно желательно было бы, чтобы населеніе само стремилось въ школу не ради льготъ, а ради желанія приблизиться къ свѣту. Ну, а если оно еще не стремится ужъ такъ усиленно къ свѣту?

Вѣдь и мы нашимъ дѣтямъ сплошь и рядомъ говоримъ:

«Вотъ, если ты хорошо будешь учиться эту недѣлю, я въ воскресенье тебя возьму на прогулку», или: «Если ты перейдешь безъ переэкзаменовки, я тебѣ куплю часы» и т. д. Мальчикъ понемногу пріучается хорошо учиться, сознаетъ пользу ученія, а въ университетѣ учатся уже безъ побужденій и обѣщаній.

Думается мнѣ, что никакой бѣды бы не было, если бы и народу сказать: «Учитесь; тѣмъ, которые будутъ учиться, правительство обѣщаетъ такія-то и такія-то льготы».

Не тутъ-то было. Поднимается крикъ о безнравственности заманиванія народа въ школы путемъ обѣщанія льготъ.

А между тѣмъ, скажите ярымъ противникамъ льготъ, что ихъ дѣти, по окончаніи университета, не получатъ ни льготы по воинской повинности, ни по службѣ,—они волкомъ завоютъ. «Да помилуйте; мы сколько лѣтъ ихъ учили, тратились,—и вдругъ уничтожать льготы! Это ни на что не похоже! Мы бы и въ университетъ ихъ не отдали!»

А мужикъ? Вѣдь и онъ тратится на ребятъ, когда они въ школу ходятъ, лишаясь ихъ работы... «О! мужикъ! Онъ долженъ понимать свою пользу! Не изъ-за льготы учиться, а изъ-за науки».

Ясно, откуда идутъ эти вопли! Ясно, что̀ имѣется въ виду! Несмотря на это, мужикъ учитъ дѣтей, учитъ ихъ не ради льготы, а ради науки, т.-е. дѣлаетъ то, что, можетъ быть, не сдѣлали бы для своихъ дѣтей его незванные опекуны.

---

7. Церковно-приходскія школы.

Много разъ я старался уяснить себѣ цѣль учрежденія церковно-приходскихъ школъ. Понимаю я школы различныхъ направленій во Франціи, съ ея свободой преподаванія. Духовенство устраиваетъ свои школы, правительство—свои, частныя лица и общества—еще другія. Но у насъ? Направленіе можетъ, вѣдь,

быть только одно: то, которое дано будетъ свыше. Вѣдь программы правительственныя, положенія о школахъ какого бы вѣдомства онѣ ни были, должны пройти черезъ тотъ же государственный совѣтъ. Надзоръ за школами, будь онъ наблюдательскій или инспекторскій, будетъ таковъ, какимъ ему прикажутъ быть.

Дѣлаю предположеніе, явно несправедливое, хотя часто повторявшееся: земскія школы не церковны и вреднаго направленія. Ну, уничтожьте ихъ и замѣните церковными. Это будетъ логично. Но нѣтъ, эти школы остаются. Слѣдовательно, онѣ не вредны. Такъ зачѣмъ же параллельное наслоеніе церковныхъ школъ съ своей инспекціей, организаціей, со своими двойными расходами?

Дѣлаю другое предположеніе, также явно несправедливое, хотя тоже часто повторявшееся: въ народной земской и министерской школѣ положеніе законоучителя, какъ второго въ школѣ лица послѣ учителя, не соотвѣтствуетъ высокому положенію священника. Это прежде всего неправда, и нѣсколько болѣе или менѣе прикрашенныхъ анекдотцевъ, которые по этому поводу повторяются, не могутъ измѣнить общаго факта, что учителю вездѣ и всегда вмѣняется въ обязанность не только съ почтеніемъ относиться къ священнику, но и давать ему всегда первое въ школѣ мѣсто. Да, наконецъ, если бы положеніе священника въ земской школѣ было дѣйствительно невыносимо, неужели трудно было бы сдѣлать его терпимымъ и даже вовсе хорошимъ? Вѣдь стоитъ инспектору слово сказать,—и учитель что угодно сдѣлаетъ, а то пошлютъ его, несчастнаго, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Нѣтъ, все это не то.

Приходилось слышать и такой доводъ: самъ Христосъ велѣлъ своимъ ученикамъ учить народъ. «Шедше научите вси языци, крестяще ихъ во имя Отца, Сына и Святаго Духа». Да развѣ же про обученіе дѣтей въ школѣ грамотѣ и ариѳметикѣ говорилъ Христосъ, а не про церковное обученіе и обличеніе съ амвона? Вѣдь обученіе грамотѣ—спеціальность довольно узкая, требующая знакомства со всевозможными методиками и спе-

ціальной подготовки. Всего этого нѣтъ у духовенства, а если есть, то въ недостаточной мѣрѣ. Съ другой стороны, пятнадцатилѣтняя практика показала, что авторитетъ, которымъ пользуется въ народѣ духовенство, не содѣйствуетъ успѣшности школьнаго дѣла.

Нѣкоторые въ стремленіи духовенства завладѣть школьнымъ дѣломъ видѣли попытки къ клерикализму. Думаю, что послѣ реформы Петра Великаго говорить про клерикализмъ у насъ, по меньшей мѣрѣ, смѣшно.

Воспитаніе въ духѣ православія—вотъ что́ написано на знамени церковныхъ школъ. Но мы уже говорили и будемъ имѣть впослѣдствіи случай доказать примѣрами, что церковная школа нимало не совершеннѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ школа свѣтская. Больше скажу: она и въ этомъ отношеніи менѣе совершенна.

Гдѣ же raison d'être церковной школы?

Боюсь впасть въ ошибку: post hoc, ergo propter hoc. И скажу: церковная школа теперь оказалась тормозомъ для распространенія другихъ школъ, достигающихъ бо́льшаго развитія народа. Для многихъ, къ сожалѣнію, членовъ общества, пуще всего опасающихся этого развитія, оно является якоремъ спасенія противъ него. Въ самомъ же духовенствѣ или, скорѣе, духовномъ вѣдомствѣ,—такъ какъ и духовенство, какъ и земство, давно превратилось у насъ въ вѣдомство,—есть и другія, болѣе непосредственно матеріальныя соображенія. Для многихъ, благодаря церковнымъ школамъ, открылись новыя, хорошо вознаграждаемыя и почетныя должности. Другіе, при должностяхъ, менѣе хорошо оплаченныхъ, получили возможность отличаться и выдвигаться изъ среды товарищей. Третья,—я говорю о сельскихъ священникахъ,—мечтаютъ о томъ, что усердіемъ въ церковныхъ школахъ они добьются наблюдательнаго мѣста или городского прихода, а то и просто лучшаго мѣста.

Но это все исключенія. Громадная же масса духовенства, простого, сѣраго и полусѣраго, видитъ въ церковныхъ школахъ обузу, несправедливо возложенную на нихъ тягость, цѣпи, въ

которыя они неизвѣстно за что скованы.—Боже, за что же насъ грѣшныхъ наказали?—думаютъ они.

Я по школьному дѣлу былъ близокъ къ духовенству, и мнѣ часто и подолгу со многими изъ нихъ приходилось бесѣдовать «по душамъ». Нѣкоторые священники,—они въ каждомъ уѣздѣ или даже губерніи наперечетъ,—съ любовью, горячо, самоотверженно занимались школой, но такъ же горячо занимались они и въ земскихъ школахъ, когда не было церковныхъ, такъ же самоотверженно занимались бы съ ребятами, не будь ни школъ, ни положеній, ни программъ, ни наблюдателей.

А громадное большинство работаетъ изъ-подъ палки.

Завелись школы церковно-приходскія или грамоты вездѣ почти одновременно, такъ какъ было приказано ихъ завести. А дѣлалось это въ тамбовской епархіи такъ. Къ основнымъ священническимъ обязанностямъ было пристегнуто косвенныхъ обязанностей очень много... кажется, одиннадцать. Таковы были: внѣбогослужебныя собесѣдованія, общества трезвости, церковныя попечительства и т. п. Въ томъ числѣ значилась церковная школа. И вотъ, ежегодно въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» печатался списокъ всѣхъ приходовъ, съ замѣтками курсивомъ: «Все есть». «Исполнено 7, неисполнено 4 требованія». «Ничего нѣтъ» и т. д. Гдѣ «все есть»,—давались скуфьи и камилавки, гдѣ «ничего нѣтъ» или «мало есть»,—выговоры, а то и переводы въ худшіе приходы.

Понятно, что все вездѣ было, были и школы... но какія? Объ этомъ лучше умолчать. Тутъ крылась большая ошибка. Хотѣлось завести все хоть на бумагѣ, разсчитывая постепенно улучшить. Забыли одно очень важное положеніе, что школа должна сразу пріобрѣсти авторитетъ у населенія, тогда дѣло пойдетъ. Лучше ничего не заводить, чѣмъ портить дѣло, сдѣлавши его кое-какъ.

Я говорилъ про священниковъ. Но на нихъ возлагается пріятная, сравнительно, и легкая должность завѣдующаго, и менѣе пріятная, но все-таки терпимая должность законоучителя. А учителя? За отсутствіемъ средствъ учителями назначались

діаконы, которые за труды свои не получали ничего, а при неспособности—вычеты изъ доходовъ приходскихъ! Изъ этого ясно, съ какимъ рвеніемъ они должны были браться за дѣло. Кое-какъ пристегивали и псаломщиковъ.

Изъ этого ясно, что церковная школа для низшаго духовенства была и есть тяжелая обуза.

А сколько смуты внесли онѣ въ тихую жизнь провинціальнаго духовенства!

1) Наблюдатель требуетъ хорошей школы отъ священника, священникъ вину сваливаетъ на діакона,—вотъ вамъ ссора въ приходѣ. Въ двухштатномъ—ссоры еще больше, такъ какъ и тому, и другому священнику хочется школу взвалить на товарища.

2) Наблюдатель и отдѣленіе священникомъ недовольны, аттестуютъ его плохо, требуютъ наказанія, а благочинный представляетъ къ наградѣ, какъ хорошаго пастыря.

3) Консисторія на сторонѣ благочиннаго, епархіальный училищный совѣтъ на сторонѣ наблюдателя... Споры, слѣдствія, требующія вмѣшательства преосвященнаго, споры, почти всегда трудно разрѣшимые. Эта вражда между консисторіей и епархіальными совѣтами почти вездѣ. Консисторіи, привыкшія быть полными распорядителями въ дѣлахъ духовенства, вдругъ видятъ, что у духовенства, кромѣ нихъ, есть другое важное начальство. Пріятно это имъ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.

4) Духовенство, большею частью невольно, по приказанію свыше, должно было вступать въ борьбу съ земской школой. Начались непріятности священниковъ съ учителями, отдѣленій—съ инспекторами и управами, епархіальныхъ совѣтовъ съ дирекціей, при чемъ не оставались часто въ сторонѣ и высшія губернскія и епархіальныя власти!

А корень всего этого одинъ. На духовенство возложены обязанности, ничего общаго не имѣющія съ тѣми, которыя вѣками на немъ лежали, и которыя оно считало неразрывно связанными съ одеждою, которую получали при своемъ посвященіи. Эти обязанности нѣкоторыми изъ нихъ, хотя немногими, испол-

нялись и прежде, но это былъ трудъ добровольный, необязательный, безъ понуканій и наказаній, безъ наблюдателей и вѣдомостей, а потому и безъ лжи и фарисейства.

---

8. Школы грамоты.

Большая часть школъ церковнаго вѣдомства носятъ, въ отличіе отъ церковно-приходскихъ школъ, скромное названіе школъ грамоты. Школу грамоты можно опредѣлить такъ: школа грамоты есть наиболѣе примитивная школа, безъ всякихъ программъ, съ какими угодно преподавателями.

Всѣ школы грамоты должны непремѣнно быть церковнаго вѣдомства,—этого требуетъ законъ. Земство можетъ открывать только школы съ извѣстной программой, съ извѣстной продолжительностью курса, съ закономъ опредѣленными преподавателями и законоучителями. Всѣ школы грамоты состоятъ подъ ближайшимъ надзоромъ приходскаго священника.

Объясняется запрещеніе земству открывать маленькія школы, очевидно, недовѣріемъ къ земству. Думаютъ, что священникъ лучше прослѣдитъ, чтобы въ этихъ школахъ не было того, что принято называть вреднымъ направленіемъ. Такое недовѣріе, сильно тормозящее дѣло развитія земскихъ школъ, совсѣмъ непонятно. Чѣмъ выше по развитію учащіеся, тѣмъ легче проникнуть вредному направленію. Въ университетѣ оно естественнѣе, чѣмъ въ гимназіи, въ гимназіи болѣе вѣроятно, чѣмъ въ низшей школѣ. Тѣмъ болѣе трудно предположить, чтобы оно проникло въ такую примитивную школу, какъ школа грамоты.

Когда съ самаго начала стали прежде всего стремиться къ количественному увеличенію числа церковныхъ школъ, каждый почти священникъ бросился открывать школу. Церковно-приходскія открывали тѣ, которые или хотѣли болѣе отличиться, или болѣе надѣялись на себя, или видѣли въ церковныхъ по-

стройкахъ, церковныхъ средствахъ или иныхъ обстоятельствахъ большую возможность удовлетворительно поставить дѣло. Большинство же открыли школы грамоты.

По закону, школу грамоты открываетъ и закрываетъ священникъ, по своему усмотрѣнію, лишь доводя о томъ и о другомъ до свѣдѣнія отдѣленія. На практикѣ вышло иначе. Счетъ школъ церковныхъ и школъ грамоты велся одинъ. А потому, заботясь о томъ, чтобы это общее число ни въ какомъ случаѣ не уменьшалось, начальство одинаково ревниво оберегало школы грамоты, какъ и церковно-приходскія. Я приводилъ случай школы грамоты, которая много лѣтъ вызывала переписку и непріятности въ трехштатномъ приходѣ, несмотря на сосѣдство громадной земской школы съ шестью учителями. Еще помню небольшой приходъ, гдѣ было двѣ земскихъ школы. Прежде здѣсь же была открыта школа грамоты. Священникъ въ нее никакъ не могъ достать учениковъ и много лѣтъ старался ее закрыть. Переписка была громадная, выговоры сыпались бѣдному священнику со всѣхъ сторонъ, при чемъ и переводъ въ лучшій приходъ по этой же причинѣ оказался невозможнымъ.

И такихъ случаевъ можно указать сколько угодно.

Поэтому первое время качественной разницы между церковными школами и школами грамоты почти не было. На льготу сдавали экзаменъ ученики школъ грамоты наравнѣ съ учениками церковно-приходскихъ школъ.

Современемъ, когда средства церковно-приходскихъ школъ стали увеличиваться, благодаря новымъ ассигновкамъ государственнаго казначейства, разница между двумя типами ихъ стала ощутительнѣе. О церковно-приходскихъ школахъ стали заботиться, начали давать денегъ на спеціальныхъ преподавателей. Требованія, предъявляемыя къ тѣмъ и другимъ, стали различны, и теперь разница между ними повсемѣстно стала гораздо болѣе ощутительной. Горько пришлось раскаяться тѣмъ священникамъ, которые поторопились открыть школы высшаго разряда.

Такова внѣшняя сторона дѣла. Внутренняя постановка тоже далеко не удовлетворительна. Цѣль школъ грамоты, повидимому,

была двоякая: дать дѣтямъ хоть что-нибудь тамъ, гдѣ по той или другой причинѣ имъ нельзя было дать правильно организованной школы, и затѣмъ впослѣдствіи сдѣлать изъ школъ грамоты низшую ступень для церковно-приходскихъ, т.-е. устроить такъ, чтобы всѣ проходили школу грамоты, а затѣмъ уже, полуграмотными, поступали въ церковную школу.

Мысль о томъ, чтобы дать дѣтямъ, если не полный курсъ, хоть что-нибудь,—мысль не новая и часто служила предметомъ обсужденій земскихъ собраній. Можетъ быть школа плохенькая, передвижная, съ короткимъ курсомъ, въ неприспособленномъ помѣщеніи... все это такъ. Но педагогика остается педагогикой, методики — методиками. Можно обѣдъ заказать простой, щи да кашу, но заказать его нужно повару, а никакъ не сапожнику. А именно эту-то ошибку и сдѣлало церковное вѣдомство, допустивъ къ преподаванію въ школѣ грамоты кого угодно, отъ стараго дьячка до ветерана-солдата и просто молодого парня, самого, кромѣ сельской школы, ничего не видавшаго.

Помню какъ сейчасъ: выхожу съ крыльца. У крыльца стоитъ солдатъ на вытяжку, фуражка на вѣсу въ рукѣ. Думаю, пришелъ работы просить.

— Вы что?

— Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, нѣтъ ли у вашей милости мѣстечка по школьному дѣлу?

— Въ сторожа?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—въ учителя-съ!

— Какъ? вы въ учителя?

— Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, два года состоялъ учителемъ въ школѣ (имя рекъ); ребятишекъ во какъ вымуштровалъ. Только жалованьице маловато. Не будетъ ли у вашей милости мѣстечка получше? Я отъ батюшки письмецо привезъ.

И такихъ учителей на Руси тысячи и десятки тысячъ. И получаются такія картинки, какихъ и во снѣ не увидишь.

Пришло ли бы кому-нибудь на умъ, что можно учить дѣтей по соннику? Да, да, по соннику! Но было и это. Да какъ и не быть такимъ явленіямъ, когда школы открывались вдругъ:

безъ помѣщенія, безъ учителя, безъ учебныхъ пособій и безъ денегъ?

Принципъ: лучше что-нибудь, чѣмъ ничего—хорошъ, когда дѣло идетъ о глубинѣ знаній. Такъ, лучше годъ обученія, чѣмъ ничего, если нельзя учить три года. Это такъ. Но нельзя распространять этотъ принципъ на качество обученія. Нельзя, напримѣръ, сказать: лучше обучать по соннику, если нѣтъ первоначальной книги для чтенія. Между тѣмъ, именно эта-то ошибка и была сдѣлана въ очень многихъ мѣстахъ, при открытіи школъ грамоты, и даже въ самомъ законѣ о нихъ.

Вторая цѣль школъ грамоты,—чтобъ онѣ служили подготовительными заведеніями для обыкновенныхъ сельскихъ школъ—кажется очень симпатичной, но врядъ-ли она привьется, даже при правильной постановкѣ школъ грамоты. Тормозомъ служила бы главнымъ образомъ дальность разстояній, которая, какъ мы видѣли, служитъ большимъ препятствіемъ для хожденія. При этомъ, если бы это разстояніе и не мѣшало дѣтямъ ходить къ центру школъ грамоты прихода, то тогда зачѣмъ и школы грамоты? Лучше имѣть одинъ классъ съ 60 учениками, чѣмъ три класса съ 20 учениками каждый, съ 3 учителями и т. д.

При теперешнемъ же качественномъ уровнѣ школъ грамоты (я не говорю объ исключеніяхъ) нечего и думать о нихъ какъ о приготовительныхъ заведеніяхъ для обычныхъ школъ. Всякій учитель знаетъ, что ему менѣе хлопотъ доставляютъ ученики, поступающіе вовсе неграмотными, чѣмъ кое-чему кое-какъ выучившіеся. Переломать такого труднѣе, чѣмъ новичка выучить сызнова.

А между тѣмъ въ школахъ грамоты замѣчается, хотя бы въ чтеніи, именно этотъ недостатокъ, когда ученикъ не умѣетъ сразу сливать звуки, что̀ дается только правильно поставленной звуковой методой,—недостатокъ, столь трудно исправимый впослѣдствіи.

Поэтому нельзя не пожелать, чтобы школы грамоты не оставались пасынками церковнаго вѣдомства, и чтобы на нихъ были распространены тѣ элементарныя требованія педагогики, какія предъявляются во всѣхъ благоустроенныхъ школахъ. Съ другой

стороны, было бы весьма желательно, чтобы право ихъ открывать было дано и земству. Несомнѣнно, дѣло отъ этого бы выиграло во всѣхъ отношеніяхъ, а опасности, само собой, не было бы никакой.

9. Земскія школы.

Далеко нельзя сказать, что всѣ земства одинаково хорошо исполнили возложенную на нихъ задачу удовлетворить потребности народа въ образованіи. Нѣкоторыя земства, какъ московское, вятское, бердянское, почти достигли общедоступности. Съ другой стороны, другія, какъ чернское, елатомское, отнеслись къ этой священной обязанности своей болѣе чѣмъ равнодушно и при случаѣ рады были свалить съ своихъ плечъ эту обузу, передавъ свои школы въ церковное вѣдомство. Громадное же большинство уѣздныхъ земствъ ведутъ дѣло болѣе или менѣе усердно, достигая болѣе или менѣе хорошихъ результатовъ.

Причинъ, почему дѣло идетъ не такъ, какъ было бы желательно, было до сихъ поръ двѣ, а теперь ихъ будетъ три.

Первая причина, это—финансовыя затрудненія земства и право обкладывать почти исключительно землю. Каждый расходъ, который предлагается земскому собранію, вызываетъ въ гласныхъ такой разсчетъ: а насколько этимъ подымется обложеніе десятины? — 0,1 копейки—ну, это куда ни шло. Одна копейка — тогда каждый помножаетъ эту копейку на число своихъ десятинъ и голосуетъ противъ расхода. Въ лучшихъ случаяхъ нѣкоторыхъ удерживаетъ излишнее обремененіе крестьянъ. Московское земство, получающее громадные доходы отъ города Москвы, находится въ исключительномъ положеніи, почему въ исключительномъ положеніи находится у него и дѣло народнаго образованія.

Другая причина, тормозящая развитіе школьнаго дѣла въ земствахъ, это — составъ земскихъ собраній. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительныхъ картинъ, ко-

торыя можно наблюдать въ земскихъ собраніяхъ—это голосованіе школьныхъ расходовъ гласными изъ крестьянъ. Голосуя въ другихъ вопросахъ различно и, замѣчу, всегда сознательно, они стѣной, какъ одинъ человѣкъ, встаютъ, когда дѣло идетъ о расходѣ на народное образованіе. Это одно изъ лучшихъ доказательствъ, какъ народъ смотритъ на школы. Блестящее проявленіе этого стремленія крестьянъ къ свѣту мы видимъ въ такъ называемыхъ крестьянскихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, преобладавшій и при прежнемъ земскомъ уставѣ дворянскій элементъ теперь настолько еще усиленъ, что понятной становится остановка во многихъ мѣстахъ дѣла народнаго образованія, а въ нѣкоторыхъ и замѣтное движеніе назадъ.

Третій законъ, тормозящій работу земствъ въ школьномъ дѣлѣ,—недавній законъ объ ограниченіи увеличенія бюджета тремя процентами. Народонаселеніе увеличивается въ среднемъ на полтора процента, а жизнь идетъ во всемъ мірѣ впередъ такими скачками, что, конечно, остающіеся полтора процента, употребленные на удовлетвореніе культурныхъ продуктивныхъ нуждъ,—а такими являются потребности земскаго бюджета,—далеко не позволяютъ земству идти за жизнью. Этотъ законъ ни въ какомъ случаѣ долговѣченъ быть не можетъ и съ самаго начала будетъ постоянно вызывать необходимость исключительныхъ ходатайствъ и разрѣшеній. Къ сожалѣнію, именно учебная-то часть у насъ и признается наиболѣе допускающею отсрочки. Поэтому во всякомъ случаѣ новый законъ затормозитъ дѣло на довольно длинный промежутокъ времени.

Кромѣ этихъ трехъ причинъ, вредно отзывающихся на дѣлѣ народнаго образованія и кроющихся въ самомъ законодательствѣ о земствѣ, большое вліяніе въ этомъ дѣлѣ,—больше еще, чѣмъ въ другихъ,—имѣетъ вопросъ усмотрѣнія. Въ одной губерніи всѣ земскія мѣропріятія проходятъ безпрепятственно; въ сосѣдней же то и дѣло вызываютъ протесты губернатора; а въ третьей чуть не всякій рубль, ассигнованный на земскія школы, признается непосильнымъ для населенія расходомъ, каковымъ не считается расходъ цѣлыхъ сотенъ рублей, когда дѣло касается

церковныхъ школъ; наконецъ, въ четвертой, искусственно, неутвержденіемъ попечителей школъ, отталкиваются отъ нихъ наиболѣе способные принести имъ пользу мѣстные дѣятели.

Понятно, что общая картина получилась крайне пестрая, и число земскихъ школъ варьируетъ отъ нуля въ Чернскомъ уѣздѣ до 160 въ Бердянскомъ.

Сумма расходуемыхъ на земскія школы денегъ далеко не пропорціональна числу училищъ или учащихся въ нихъ. Происходитъ это отъ различія условій, при которыхъ земство открываетъ новыя школы. Лишь немногія земства берутъ на свое попеченіе все: и зданіе, и учителя, и отопленіе со сторожемъ, и освѣщеніе. Въ такихъ земствахъ открыть школу не такъ легко. Кромѣ ежегодной ассигновки, нужно еще произвести значительный единовременный расходъ на постройку. Поэтому земства часть расходовъ возлагаютъ на тѣ сельскія общества, гдѣ имѣетъ быть построена школа. Обыкновенно на часть крестьянскаго общества возлагается расходъ по постройкѣ зданія и по содержанію его, т.-е. ремонтъ, отопленіе, сторожъ. Земство же на себя беретъ жалованье учительскому персоналу и расходъ на учебныя пособія.

Казалось бы, что при такомъ порядкѣ еще труднѣе наладить дѣло. Въ дѣйствительности же выходитъ легче. Крестьянскія общества, частью вслѣдствіе стремленія къ хорошей школѣ, частью подъ давленіемъ радѣющихъ о школѣ земскихъ дѣятелей, довольно легко даютъ нужные приговоры. Получается сниманіе съ одного вола двухъ шкуръ: крестьяне платятъ на школу, участвуя въ земскомъ обложеніи, и непосредственно. Но къ такого рода сниманію шкуръ эти волы привыкли.

Гораздо было бы труднѣе уговорить земское собраніе взять на себя весь расходъ. Пошли бы разсчеты копеекъ на десятину... Впрочемъ, не надо забывать, что гласные-землевладѣльцы лучше знаютъ ариѳметику, чѣмъ крестьяне...

Но и этого мало: есть земства, которыя помимо расходовъ по постройкѣ и содержанію зданія ставятъ крестьянскимъ обществамъ еще условіе уплачивать въ земства по стольку-то ко-

неекъ съ души или такую-то опредѣленную сумму на покрытіе части его расходовъ на учителя и учебныя пособія. Это уже третья шкура вола... Но вѣдь у него ихъ, кажется, семь!..

Какая система лучше? Очевидно, что когда земство всѣ расходы беретъ на себя, то школа выходитъ лучше, содержаніе ея лучше, всегда есть топливо, керосинъ. Всѣ остальныя школы страдаютъ то тѣмъ, то другимъ недостаткомъ. Возникаетъ масса пререканій, напримѣръ, когда общество отказывается отъ необходимаго ремонта или дастъ служащаго чуть не даромъ хромого или полуслѣпого сторожа. Отъ всего этого, конечно, страдаетъ дѣло. Трудно даже сказать, имѣетъ ли право земство считаться хозяиномъ такой школы? Имѣетъ ли право сельское общество его закрыть или нѣтъ? Можетъ ли общество его передать церковному вѣдомству? Все вопросы, часто повторяющіеся на практикѣ, но хорошо не разрѣшенные. Возникаютъ конфликты между крестьянами и земствомъ, между земствомъ и духовнымъ вѣдомствомъ. Вмѣшиваются, по обязанности, въ эти распри администрація и чины школьнаго вѣдомства. Важную роль играютъ различныя толкованія закона, но еще болѣе важную — личныя отношенія представителей всѣхъ этихъ вѣдомствъ какъ въ деревнѣ, такъ и въ уѣздномъ и губернскомъ городахъ. Доходили эти дѣла и до сената, и мнѣ извѣстны рѣшенія, по-моему, противорѣчащія другъ другу.

Очевидно, что лучше дѣло тамъ обстоитъ, гдѣ въ школѣ одинъ хозяинъ—земство. Слѣдуетъ ли изъ этого, что дурно дѣлаютъ всѣ тѣ, которые придерживаются договоровъ земства съ крестьянами? Не думаю.

Тутъ возникаетъ вопросъ, такъ трудно разрѣшимый: что́ лучше? качество или количество? Конечно, будь въ земскихъ собраніяхъ исключительно люди, для которыхъ дорого дѣло просвѣщенія народа, будь законъ всегда на сторонѣ этого просвѣщенія, не будь въ обществѣ и администраціи противниковъ его, старающихся законными и незаконными способами тормозить дѣло вмѣсто того, чтобы ему содѣйствовать,—о! тогда и разговора бы не было. Но дѣло обстоитъ не такъ. Нужно исключительно благо-

пріятное стеченіе обстоятельствъ, чтобы прошли въ жизнь въ достаточномъ числѣ школы на исключительномъ иждивеніи земствъ. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ вопросъ ставится такъ: школа должна быть устроена главнымъ образомъ на средства крестьянъ, только съ помощью земства, или вовсе не быть.

Тотъ же заколдованный кругъ! И я все-таки скажу: жаль мужика, но пусть будетъ школа. Въ ней, какъ - никакъ, все спасеніе. И пускай отвѣтственность за непосильные расходы мужика падетъ не на тѣхъ, которые вводятъ его въ эти расходы, а на тѣхъ, кто прямо или косвенно преграждаютъ ему болѣе легкій доступъ къ свѣту!

---

10. Расходы губернскаго земства на школы.

Не могу не коснуться вопроса, сильно волновавшаго и до сихъ поръ волнующаго земскія сферы: имѣетъ или не имѣетъ губернское земство право расходовать деньги на школы?

До девяностыхъ годовъ всѣ расходы на народныя школы несли уѣздныя земства. Губернскія земства тратили губернскія средства только на содержаніе среднихъ училищъ и ассигновали лишь гроши на низшее народное образованіе, въ видѣ учрежденія народныхъ чтеній и библіотекъ при школахъ. На сами же школы они не тратились.

Получилась картина пестрая, о которой я уже говорилъ. Въ одномъ уѣздѣ дѣло пошло прекрасно, въ сосѣднемъ вовсе не пошло. Очевидно стало, что не всѣ уѣздныя земства доросли до понятія о необходимости низшаго образованія. Съ измѣненіемъ въ 90 году состава уѣздныхъ собраній къ худшему и здѣсь почувствовался регрессъ. Кое-гдѣ земскія собранія вовсе отказались отъ школъ. Тогда нѣкоторымъ губернскимъ гласнымъ пришло въ голову помочь уѣздамъ изъ губернскихъ суммъ.

Предлагали часть уѣздныхъ расходовъ принять на губернскій счетъ. Выходило такъ, что равномѣрно собираемый губернскій сборъ шелъ на тѣ уѣзды, которые много тратили на школы, въ ущербъ лѣнивымъ уѣздамъ. Губернское земство брало тѣмъ самымъ на себя роль опекуна надъ уѣздами. Это былъ кнутикъ въ рукахъ губернскаго земства для нерадивыхъ уѣздовъ. Поднялся страшный шумъ. Пошли длинныя пренія. Мѣра эта во многихъ земствахъ прошла, хотя почти вездѣ была опротестована губернаторами.

Разберемъ доводы противниковъ.

Губернаторы старались доказать, что такія ассигновки незаконны. Доказательства эти были болѣе нравственнаго свойства, такъ какъ въ законѣ сфера дѣйствій въ дѣлѣ народнаго образованія для губернскихъ и уѣздныхъ земствъ не указана. Но дѣло не въ протестахъ.

Мѣра эта независимо отъ суммъ, которыя предполагали ассигновать губернскія собранія, могла помочь школьному дѣлу и косвенно, заставивъ подтянуться уѣзды. Очевидно, что она не могла быть по душѣ тѣмъ, которые слышать не могутъ про школы. Но прямо они этого высказывать еще никогда не рѣшались. Нужно было найти выходъ. Этотъ выходъ далъ имъ Б. Н. Чичеринъ. Старинный гласный московскаго и тамбовскаго земствъ, фанатикъ земскаго дѣла, онъ посмотрѣлъ на это дѣло такъ: что̀ предлагается?—Извѣстное насиліе губернскаго земства надъ уѣзднымъ! Насиліе болѣе крупной самоуправляющейся единицы надъ мелкой. Да вѣдь это же бюрократическій принципъ централизаціи! Это нарушаетъ самостоятельность уѣздныхъ земствъ! И Борисъ Николаевичъ назвалъ эту мѣру чудовищной!

Къ этому я сейчасъ вернусь. Скажу теперь, что къ этому прицѣпились всѣ затаенные противники образованія. И полились опять рѣчи о свободѣ уѣздовъ въ устахъ людей, готовыхъ задавить не только свободу расходованія денегъ, но и свободу мыслей и губерній, и уѣздовъ, и городовъ, и селеній, и частныхъ лицъ... Имя Чичерина стало произноситься, какъ имя великаго авторитета въ такихъ газетахъ, которыя, кажется, ни-

чего общаго съ Чичеринымъ и свободой имѣть не могутъ. Нужно было знамя для прикрытія лжи. Знамя нашлось. Къ счастію, въ земскихъ собраніяхъ, насколько я знаю, большинство, хотя и небольшое, всегда высказывалось въ пользу участія губерній въ дѣлѣ образованія. Практическое значеніе это имѣло только въ двухъ, кажется, губерніяхъ, а въ остальныхъ, гдѣ этотъ вопросъ поднимался, онъ былъ заторможенъ.

Но тутъ уже земство ни при чемъ.

Возвращаюсь къ доводамъ Б. Н. Чичерина.

Теоретически онъ совершенно правъ. Не дай Богъ, если бы самостоятельность болѣе мелкихъ единицъ самоуправленія была уничтожена. Тридцать лѣтъ говорятъ о необходимости болѣе мелкихъ, чѣмъ уѣздныя, земскихъ единицъ. Попытки обезличить уѣзды дѣлались и въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства, напримѣръ, въ агрономическихъ мѣропріятіяхъ. Несимпатичнымъ съ земской точки зрѣнія является и законъ о дорожныхъ сооруженіяхъ, сосредоточившій въ губернскихъ земствахъ, а не въ уѣздныхъ, дорожный капиталъ. Эту бюрократическую тенденцію губернскихъ земствъ подмѣтилъ Б. Н. Чичеринъ и основательно ея испугался.

Но всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія школы. Школа больше всего на свѣтѣ нужна русской деревнѣ. Уѣздныя земства по составу своему далеко не таковы, какими желательно было бы ихъ видѣть. Да ужъ вполнѣ ли они заслуживаютъ свое названіе, происходящее отъ слова «земля». Земля прежде всего безсословна, а земство сословно. Самоуправленіе предполагаетъ строго проведенное выборное начало, а гласные отъ крестьянъ фактически назначаются. Какъ-никакъ, школъ уѣздныя земства даютъ недостаточно, а нѣкоторыя вовсе не даютъ. Какъ же быть? Вѣдь положеніе, что школы необходимы,—тоже принципъ.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ два борющихся принципа: принципъ свободы самоуправленія и принципъ безусловной потребности школъ. Проведите со всей строгостью первый,—пострадаетъ второй.

Очевидно, надо разобраться, который изъ нихъ для насъ важнѣе. Б. Н. Чичеринъ прежде всего теоретикъ, специалистъ государственнаго права. Свой излюбленный принципъ децентрализаціи онъ ставитъ выше всего. Но правильно ли это?

Всякое управленіе и самоуправленіе не есть цѣль, а только средство. Управленіе нужно потому, что оно даетъ законы, судъ, администрацію, школы. Не будь все это нужно, не было бы нужно и управленіе. Школа есть тоже средство для поднятія нравственнаго уровня, матеріальнаго благосостоянія и т. д., но она вмѣстѣ съ тѣмъ есть сама по себѣ и цѣль, ибо ведетъ къ совершенствованію человѣка, что̀ составляетъ конечную цѣль. Итакъ, между прочимъ, управленіе, а въ данномъ случаѣ самоуправленіе, именно потому и нужно, что оно намъ даетъ школы.

Правильно ли послѣ этого жертвовать школами ради сохраненія самоуправленія? Да на что оно все и нужно намъ, если оно не исполняетъ своего главнаго назначенія? Таково, мнѣ кажется, теоретическое разсужденіе, которое можетъ быть противопоставлено доводамъ Б. Н. Чичерина.

Но надо принять во вниманіе и дѣйствительность. Принципъ всякій хорошъ при условіи, если онъ проведенъ со всею строгостью. А въ данномъ случаѣ врядъ ли современное земство такъ уже образцово организовано, что слѣдуетъ за него во всемъ копья ломать. Какъ это ни больно, но культурный уровень уѣздныхъ земствъ упалъ. Упалъ культурный уровень и губернскихъ земствъ, по причинамъ, внѣ земствъ лежащимъ. Но губернскія собранія все еще больше держатся прежняго дѣлового и независимаго направленія, чѣмъ уѣздныя.

Поэтому къ земствамъ, которыя въ настоящее время не вполнѣ соотвѣтствуютъ идеѣ самоуправленія, нельзя безусловно примѣнять всѣхъ принциповъ, на которыхъ самоуправленіе зиждется. Какъ сейчасъ вижу Бориса Николаевича, горячо и краснорѣчиво ратующаго противъ «чудовищнаго предложенія». Большинство съ уваженіемъ слушало ученаго оратора, хотя голосовало за чудовищное предложеніе. Другое чувство возбуждали многіе гласные, горячо ему апплодировавшіе, хотя при случаѣ

рады были бы провалить его свободу мелкой самоуправляющейся единицы, какъ теперь съ его помощью старались провалить школьное дѣло!

Я счелъ нужнымъ подольше остановиться на этомъ вопросѣ, какъ потому, что въ дѣятельности губернскаго земства одно время видѣли во многихъ губерніяхъ средство сдѣлать большой шагъ впередъ въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ и потому, что вопросъ этотъ похороненъ, можетъ быть, только временно. Дай Богъ увидать его возрожденіе!

11. Частныя школы.

Въ разговорахъ о сельской школѣ, да и вообще о народномъ образованіи слишкомъ большую роль играетъ частная благотворительность. Естественно, что, разъ не находятъ возможнымъ удѣлять больше денегъ изъ суммъ государственнаго казначейства, ожидается пособіе отъ общественныхъ учрежденій, земствъ и городовъ. Но врядъ ли нормально, чтобы вопросъ о томъ, быть школѣ или не быть, зависѣлъ отъ наличности, чисто-случайной, мѣстнаго благотворителя. Естественно, что на благотворительности лежитъ обязанность устроить при высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи общество вспомоществованія бѣднымъ учащимся или купить для народной школы какое-нибудь выходящее за предѣлы смѣты болѣе дорогое учебное пособіе,— но нельзя же самое существованіе учебнаго заведенія ставить въ зависимость отъ щедрости того или другого жертвователя. Между тѣмъ, у насъ сплошь и рядомъ можно слышать.—Вотъ кабы М. пожертвовалъ милліонъ, можно бы построить политехникумъ. Или:—Какъ, Т. всего сто тысячъ пожертвовалъ! Маловато: вотъ Б., такъ тотъ двѣсти тысячъ далъ. Московскія клиники существуютъ благодаря частнымъ пожертвованіямъ.

Въ Америкѣ университеты выростаютъ благодаря жертвова-

телямъ. Такъ, вѣдь, въ Америкѣ всякихъ учебныхъ заведеній много. Новый университетъ является уже роскошью. Естественно, что государство, давъ необходимое, роскошь предоставляетъ частной инціативѣ. Въ Америкѣ университеты строятся, какъ у насъ церкви: это памятникъ, который воздвигаютъ на память о себѣ. А у насъ насущная потребность десятки лѣтъ не удовлетворяется, пока добрый человѣкъ не раскошелится.

Такъ и въ деревнѣ часто слышишь:—Вотъ гдѣ школа бы нужна была; чего стоило бы Р. ее построить? И начинаютъ земскіе дѣятели закидывать удочку этому Р. Не построитъ ли онъ школу? И духовенство тоже смотритъ ему въ карманъ: можетъ, церковную школу построитъ. А Р. ничего не хочетъ строить, и остается деревня безъ школы. Врядъ ли такъ должно насаждаться на Руси образованіе.

Частныхъ школъ далеко не такъ много, чтобы о нихъ такъ много говорилось или чтобы на нихъ возлагались особыя надежды.

Думаю, что исчерпаю главные типы школьныхъ благотворителей, если опишу нѣсколько частныхъ школъ.

У помѣщицы Ш. уже много лѣтъ школа. Ш. самая богатая землевладѣлица уѣзда. Кромѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли въ черноземной губерніи, у нея на Уралѣ желѣзодѣлательный заводъ, дворецъ въ Петербургѣ, вилла въ Ниццѣ. Школа содержится образцово; зданіе прекрасное, съ тремя (это большая рѣдкость) комнатами для учителя; учебныя пособія въ изобиліи, глобусъ, волшебный фонарь, всевозможныя картины по стѣнамъ и даже разборный глазъ изъ папье-маше. Учитель получаетъ отъ экономіи 30 рублей и разныя разности, какъ-то: кормъ для коровы, куръ, гусей, индюшекъ, лошадь, когда вздумаетъ проѣхаться. Назначается туда самый хорошій учитель, чтобы и ребятъ училъ хорошо, и управляющему потрафлялъ. Школьное дѣло идетъ хорошо. Крестьяне, бывшіе крѣпостные г-жи Ш., разоренные. Полъ-села безлошадныхъ.

Въ одинъ прекрасный день получается въ училищномъ совѣтѣ бумага главноуправляющаго изъ Петербурга, что, въ виду рѣшенія владѣлицы сократить расходы по имѣнію, школа съ

конца учебнаго года закрывается, а зданіе переносится на хозяйственную постройку. Начинаются ахи и охи.

— Какъ, помилуйте же... такая школа!..

— Ахъ! что же теперь дѣлать... Егоръ Семеновичъ, вы бы съ мужиками переговорили. Нельзя же безъ школы ихъ оставить.

— Да вы ихъ знаете, мужиковъ-то Ш. Вѣдь это нищіе...

Тѣмъ не менѣе, Егоръ Семеновичъ ѣдетъ. Мужики къ школѣ привыкли и даютъ приговоръ на открытіе земской школы, конечно, плохонькой, съ соломенной крышей, маленькимъ жалованьемъ учителю и безъ глаза изъ папье-маше. Но зато школа прочная. Даже въ случаѣ пожара—выстроится новая...

Другая школа на моихъ глазахъ строилась купцомъ К. въ его богатомъ имѣніи, къ которому онъ ежегодно прикупаетъ земли еще и еще. Вдругъ расходится слухъ, что К. строитъ школу, да еще каменную. Всѣ въ восторгѣ. Земское собраніе вставаніемъ, поклонами и рукопожатіемъ выражаетъ свою благодарность.

— Я что же, господа? Я ничего! Не заслуживаю! Надо же постараться!.. Вотъ, стараюсь... Вѣдь мужики-то нонче бѣдные...

Ѣду разъ какъ-то мимо постройки.

— Что вы ее строите у себя на хуторѣ? Вѣдь дѣтямъ далеко ходить. Вы бы ее построили въ деревнѣ!

— Какъ можно. Тутъ все-таки надзоръ будетъ за ними, да за учителемъ. Потомъ, вѣдь, школа-то моя... Какъ же на деревнѣ...

— Да что вы такія маленькія окна дѣлаете и какъ высоко? Вѣдь темно будетъ.

— Вѣдь морозы-то у насъ какіе бываютъ; большіе пролеты требуютъ большой топки. Ужъ мы знаемъ насчетъ оконъ...

Дѣлать нечего; даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Школа открывается. Идетъ кое-какъ. Учителя заставляютъ присматривать за рабочими. Но какъ-никакъ учатся. Въ установленный срокъ поднимается разговоръ: вѣдь А. нужно представить къ наградѣ. Вѣдь эта награда-то по статуту. Дѣлается представленіе; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ К. получаетъ награду.

Лѣтомъ узнаютъ, что К. школу перестраиваетъ на амбаръ.

— А! такъ вотъ почему онъ строилъ ее въ имѣніи и съ маленькими окнами.

Встрѣчается К. съ медалью на шеѣ.

— Что же вы сдѣлали со школой-то? Вы ее закрываете?

— Нельзя же все одному. Пускай люди постараются; я постарался. Не вѣкъ же одному работать.

Такъ и закрылась эта школа, а членъ управы поѣхалъ переговорить съ крестьянами о постройкѣ земской школы.

А вотъ вамъ еще частная школа.

Разговариваю разъ съ инспекторомъ (инспекторъ былъ вновѣ), со всѣми ли онъ успѣлъ познакомиться школами.

— Да, со всѣми. Во всѣхъ былъ по два раза. Кромѣ, конечно, школы Д.

Д. было имя извѣстнаго помѣщика.

— А у Д. почему вы не были?

— Да тамъ никто не бываетъ. И предмѣстники мои не бывали. Совѣстно. Вѣдь учатъ двѣ дочери Д., и учатъ уже лѣтъ 15. А успѣховъ никакихъ. Да учатъ-то у себя въ домѣ; когда соберутся, а большею частью дѣти не ходятъ. Да всѣхъ-то ихъ четыре человѣка.

— А школа числится?

— Какъ же, числится. И много даже говорятъ про нее, что, молъ, какія Д. трудолюбивыя; всю жизнь возятся, молъ, съ ребятишками.

— А я думаю, заѣду къ нимъ.

— Нѣтъ, не ѣздите. Сконфузите только.

Бываютъ въ деревнѣ частныя школы въ родѣ городскихъ, т.-е. платныя. Когда деревня небольшая, но состоитъ изъ зажиточныхъ домовъ, иногда приглашается учительница съ опредѣленной платой съ каждаго ученика. Школы строить постоянной не стоитъ, потому что черезъ три года всѣ дѣти переучатся и некого будетъ учить. Тутъ же собираютъ всѣхъ, и мальчиковъ, и дѣвочекъ, отъ 7 до 13 лѣтъ. Набирается классъ. Но рѣдко и такія школы долговѣчны, т.-е. выдерживаютъ узаконенные три года. Большею частью происходятъ раздоры между крестьянами

и учительницей изъ-за квартиры, изъ-за платы, изъ-за желанія нашего крестьянина помудрить надъ интеллигентомъ, когда онъ попадется ему въ руки. Естественно, что учительница бѣжитъ, какъ только откроется другое мѣсто.

Думаю, что я исчерпалъ всѣ виды частныхъ школъ. Главный ихъ недостатокъ, это—непрочность. Захотѣлъ благотворитель и... прикрылъ лавочку. А вѣдь школа не лавочка. Лавочку открылъ временно: пошла—хорошо; не пошла—переѣзжай на другое мѣсто. Школа должна быть прочное государственное учрежденіе, какъ церковь, которую стараются выстроить на нѣсколько вѣковъ.

Очевидно, частныя школы—школы временныя, пока не пришло время намъ имѣть вездѣ школы постоянныя.

12. Нормальныя школы.

Большому человѣку нужно много ѣсть, а маленькому—мало. Если человѣкъ женатъ, то ему вдвое больше нужно хлѣба, чѣмъ холостому. Кажется, это ясно. Но не ясно это въ примѣненіи къ сельской школѣ. Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ поднятъ въ кое-какихъ земствахъ вопросъ объ общедоступности обученія, начали говорить о томъ, что такая-то школа своему назначенію не удовлетворяетъ по своей величинѣ. А прежде въ докладѣ управы писалось такъ: «А такъ какъ въ селѣ Ивановкѣ школа есть, то школу открыть въ Петровкѣ». Или такъ: «Богоявленская волость школами обезпечена, такъ какъ есть школы во всѣхъ селеніяхъ ея». А забывали, что въ Ивановкѣ на 5.000 жителей школа, вмѣщающая съ трудомъ 60 человѣкъ. Забывали, что въ Богоявленской волости девять десятыхъ дѣтей школьнаго возраста не находятъ мѣста въ школахъ.

Въ церковныхъ школьныхъ отчетахъ это и теперь есть. Мнѣ не случалось еще нигдѣ, ни на мѣстахъ, ни въ епархіальныхъ совѣтахъ и отдѣленіяхъ ихъ, слышать, что такую-то школу надо

расширить. Священнику будетъ выговоръ только, если «ничего нѣтъ» по школьному дѣлу, а скуфью онъ одинаково получитъ за большую и за маленькую школу. Большая же хлопотъ даетъ гораздо больше. Прямой разсчетъ заводить маленькую, благо и помѣщеніе, караулка или простая крестьянская изба, всегда подъ рукой.

Это на мѣстѣ. А начальство? А начальство разсуждаетъ такъ: на 173 населенныхъ мѣста уѣзда 141 земская школа! Это ли не блестящій процентъ? Или на 1114 приходовъ епархіи 1056 церковныхъ школъ и школъ грамоты! Это ли не красивыя цифры? И вотъ, въ земскомъ собраніи вставаніе, поклоны и рукопожатія управѣ, предводителю, инспектору, членамъ училищнаго совѣта, а за рукопожатіемъ иногда и крестикъ, выхлопотанный черезъ инспектора. Въ церковномъ вѣдомствѣ, кромѣ крестиковъ, можно заслужить еще разныя духовныя награды, до палицы включительно, и играетъ еще роль возможность полученія лучшаго прихода.

И все это дѣлается цифрами! Поневолѣ и о нихъ позаботишься. Но долженъ сдѣлать оговорку. Въ земскомъ школьномъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ картина уже мѣняется. Найдутся гласные, которые спросятъ: — Хорошо, а покажите-ка цифру учащихся и окончившихъ! И, какъ-никакъ, заговоритъ, какое оно тамъ ни есть въ уѣздѣ, общественное мнѣніе. А въ церковныхъ школахъ заговорить некому. Вотъ великая разница между двумя школьными типами...

Все это я говорю по поводу размѣровъ школы. А это вопросъ большой важности и очень современный. На очереди стоитъ возведеніе сѣти общедоступныхъ школъ. Вѣдь какъ ни говори, какъ ни тормози, а жизни не остановишь. И вотъ жизнь-то этого и требуетъ.

Земства, которыя приступаютъ къ этому важному дѣлу, мнѣ кажется, дѣлаютъ ошибку. Они, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, прежде всего вырабатываютъ типъ нормальной школы, а затѣмъ ищутъ, куда эти школы насадить. Нѣкоторые выработали нормальный типъ съ однимъ учителемъ и меньшимъ чи-

сломъ учениковъ, другіе—типъ съ двумя учителями и бо̀льшимъ числомъ учениковъ. Первый типъ удобнѣе тѣмъ, что школы приходится насаждать чаще, разстояніе для дѣтей ходить въ школу меньше. Недостатокъ—что одному учителю приходится заниматься съ тремя отдѣленіями безъ надежды ввести когда-либо четырехлѣтній курсъ.

Другой типъ—большихъ школъ—на каждаго учителя возлагаетъ занятія не болѣе какъ съ двумя отдѣленіями и даетъ возможность безъ малѣйшей затраты перейти въ будущемъ отъ трехлѣтняго курса къ четырехлѣтнему. Но зато этихъ школъ числомъ меньше, и ходить дѣтямъ приходится дальше.

Какъ тутъ быть? И вотъ, жертвуютъ или удобствами преподаванія ради близости хожденія дѣтей, или удобствомъ дѣтей ради легкости преподаванія. А все это для чего? Чтобы соблюдена была норма, выработанная управой и утвержденная собраніемъ. Практика, какъ часто у насъ бываетъ, подгоняется подъ теорію.

А послѣдствія такого образа дѣйствія очень бываютъ печальны. Если выстроена школа слишкомъ маленькая, то съ небольшимъ ущербомъ можно еще кое-какъ ее увеличить, сдѣлавъ къ ней пристройку. А если школа слишкомъ велика, и не ходятъ въ нее ученики деревень, на которыхъ разсчитывали? Не ломать же такую. И выходитъ такъ: надо бы построить другую школу въ деревнѣ, а деревня приписана къ селу. Слѣдовательно, остается деревня вовсе безъ школы.

Позволю себѣ привести примѣръ близкаго мнѣ Козловскаго уѣзда. Общедоступности весь уѣздъ не достигъ, но приблизительно третья часть его уже имѣетъ школы въ достаточномъ количествѣ. Никакой предварительной нормы не вырабатывалось, а строились школы по требованію жизни. Потребность вылилась въ формѣ, по-моему, назидательной.

Когда возникла мысль о томъ, чтобы школы были всѣмъ доступны, дѣло стояло плохо. Были школы только въ большихъ селахъ, да и то недостаточныя. Пришлось подумать о расширеніи ихъ. Вычислить величину школы въ зависимости отъ насе-

ленія можно было, только намѣтивъ пункты школьные и районъ, который будетъ этими школами пользоваться. Построили въ нѣсколькихъ селахъ школы и приписали къ нимъ ближайшія деревни. Сразу обнаружилось, что дѣти изъ деревни, хотя и приписавшейся и участвовавшей въ расходахъ на школу, въ нее не пошли. Къ счастью, оказалось, что разсчетъ былъ неправиленъ, и что школы, пойди дѣти изъ всѣхъ намѣченныхъ деревень, были бы малы. Отписали деревни. Школы вышли какъ разъ. Въ деревняхъ начали строить маленькія школы.

Одно село больше другого, а есть села вовсе громадныя, съ 6—7 тысячами жителей. Пришлось и большія школы дѣлить на разряды, а въ громадныхъ селахъ строить по двѣ, по три школы, если село растянутое, и ребятамъ далеко ходить, или по одной школѣ съ 4, 5, 6 учителями, если село круглое, и въ центрѣ удобно поставить школу. Получилось три, четыре разряда школъ.

Остались крошечныя деревушки. И для нихъ пришлось изобрѣтать самый примитивный типъ школъ—избъ съ соломенными крышами.

Вотъ чего потребовала жизнь и желаніе имѣть учениками всѣхъ дѣтей обоего пола, и при томъ имѣть не на бумагѣ только, а ежедневно, въ классѣ. Думаю, что къ этому придутъ и сторонники нормальной школы. Впрочемъ, и при нѣсколькихъ разрядахъ школъ можно ихъ сдѣлать нормальными. Важно только не вырабатывать сразу бумажной нормы, а нормы-то брать, если не изъ своей практики, такъ изъ практики сосѣдей.

Опытъ показалъ, что дѣти ходятъ хорошо только при слѣдующихъ разстояніяхъ: двѣ версты по селу или одна верста по полю. Это надо имѣть въ виду, и сообразно съ этимъ составить сѣть. Затѣмъ, опредѣливъ по количеству населенія величину школьныхъ зданій, надо подвести школу подъ тотъ или другой разрядъ и сообразно съ этимъ строить.

Большое затрудненіе представляетъ выборъ плана. Есть планы прекрасные въ особой тетради, изданной покойнымъ комитетомъ грамотности, и въ другой тетради, изданной, кажется, обществомъ архитекторовъ. Но главный ихъ недостатокъ—это доро-

говизна. Громадная раздѣвальня, громадные коридоры—все это прекрасно, но что дѣлать, если это не по карману? Приходится изобрѣтать свое, хотя бы худшее, лишь бы было терпимо. Всѣ помѣщенія, не необходимыя, приходится сокращать до минимума, таковы раздѣвальня и коридоръ. Хорошо еще, когда можно дышать въ классахъ, а у учителя приличная квартира.

Думаю, что если положить на ученика $1/2$ кубической сажени воздуха, то это, при хорошей вентиляціи, можетъ быть названо роскошью. А во время перемѣнъ они выбѣгаютъ на улицу, за исключеніемъ дней совсѣмъ невозможной погоды. Не надо забывать, что они и такъ всю жизнь на воздухѣ. А главное надо помнить, какъ дорога въ настоящее время каждая земская копейка.

---

13. Число учащихся.

Между людьми, самыми компетентными въ какомъ-нибудь дѣлѣ, между учеными спеціалистами часто у насъ ходятъ совсѣмъ невѣрныя теоріи объ ихъ же спеціальности. Такъ, лѣтъ 10—15 назадъ было принято считать, что сельская школа должна для общедоступности быть разсчитана на 7 процентовъ населенія обоего пола. Взято это изъ нѣмецкихъ данныхъ, переведенныхъ на трехлѣтній курсъ.

А практика мнѣ показала, что 5—7 процентовъ населенія ходитъ въ школы тогда, когда населеніе къ школѣ относится равнодушно, т.-е. когда многіе мальчики въ школу не ходятъ, а дѣвочки почти-что вовсе не ходятъ. Точно сказать, сколько дѣтей будетъ посѣщать школу, напередъ, конечно, нельзя,—мы уже видѣли, что богатыя государственныя села и бѣдныя бывшія помѣщичьи деревушки относятся къ школѣ различно, — но не будетъ ошибки, если построена будетъ школа на 10 процентовъ населенія. При этомъ оговариваюсь: если бы въ школу

пошли всѣ дѣти школьнаго возраста, и мальчики, и дѣвочки, то въ ней оказались бы и всѣ 12 процентовъ. Но безъ обязательности обученія нечего и думать, чтобы ходили всѣ дѣвочки.

Объясняется эта разница между теоріей и практикой очень просто. Курсъ у насъ считается трехлѣтнимъ, но стоитъ придти хоть на выпускной экзаменъ и спросить ребятъ, сколько лѣтъ они учились, и отвѣты получатся разные—отъ четырехъ до шести лѣтъ. Три же года учатся немногіе, и то въ видѣ исключенія. И это понятно: учебный годъ безобразно коротокъ. Совсѣмъ въ норму входитъ школа не ранѣе 1-го октября, а послѣ Пасхи уже не ученье. А тутъ и праздники, число которыхъ растетъ непомѣрно. Тутъ храмовые праздники, продолжающіеся по три дня. Тутъ вьюги и морозы. Тутъ дни, когда, по хозяйственнымъ соображеніямъ родителей, дѣтямъ въ школу идти нечего. И получается не учебный годъ, а учебная четверть. Прибавьте къ этому ненужныя и непосильныя требованія программы, и вы получите пяти—шестилѣтній курсъ вмѣсто трехлѣтняго. Зданіе школьное должно быть соотвѣтственно увеличено, хотя три четверти года остается пустымъ.

Я уже говорилъ, что вполнѣ достаточнымъ считаю школьное помѣщеніе емкостью въ пол-кубической сажени на ученика. Это, конечно, pium desiderium. Въ дѣйствительности же почти всегда меньше. Знаю мѣста, гдѣ не полъ-сажени воздуха, т.-е. 14 кубическихъ аршинъ, считаются достаточнымъ количествомъ, а 5 кубическихъ аршинъ или 1 квадратный аршинъ пола при 5 аршинной вышинѣ класса. Понятно, каковъ воздухъ бываетъ въ такомъ помѣщеніи послѣ нѣсколькихъ часовъ занятія, да еще при неизбѣжной сырости, которую приносятъ съ собою дѣти на лаптяхъ и на шубахъ.

Это считается хорошимъ помѣщеніемъ!

Что же считается плохимъ?

А плохимъ, недостаточнымъ помѣщеніемъ считается нѣчто ужасное. Такое помѣщеніе, гдѣ непривычному человѣку, т.-е. не учителю и не крестьянскому подростку, и часу не высидѣть. Въ такомъ помѣщеніи, гдѣ посадить можно партію въ 20 — 25

учениковъ, посажено 50! Я говорю посажено, хотя половина не находитъ мѣстъ на партахъ. Прежде пришедшіе занимаютъ парты, при чемъ такъ густо, что прямо сидѣть не могутъ. Затѣмъ слѣдующіе, видя, что парты заняты, размѣщаются на окнахъ, а послѣдніе пришедшіе поневолѣ все время стоятъ и книги или доски ухитряются держать другъ у друга на спинѣ.

Веду я эту рѣчь вотъ къ чему: въ большомъ селѣ, гдѣ мѣста нужно на 200 человѣкъ, школьное помѣщеніе всего на 25 учениковъ. Что дѣлать? Держаться ли нормы въ 25 человѣкъ или принимать сколько влѣзетъ учениковъ, хотя бы нѣкоторымъ пришлось стоять чуть ли не впереди сидящихъ на партахъ?

Вопросъ этотъ большой важности и рѣшается различно. Важенъ онъ потому, что онъ почти вездѣ возникаетъ. Вѣдь немного уѣздовъ, которые могутъ сказать, что у нихъ есть помѣщеніе для всѣхъ желающихъ учиться. А рѣшается вопросъ въ зависимости отъ того, кто руководитъ дѣломъ въ данное время, а то и различно въ разныхъ училищахъ одного и того же уѣзда, глядя по тому, какъ смотритъ на дѣло учитель.

Самое возникновеніе этого вопроса, конечно, непріятно для учителя. Ему, конечно, легче, когда учениковъ меньше и когда они всѣ сидятъ въ порядкѣ. Но, кромѣ бóльшаго удобства занятій, при такомъ порядкѣ легче сохранить расположеніе населенія. Дѣйствительно, положимъ, законныхъ мѣстъ на партахъ 25. Учитель принялъ 25 первыхъ явившихся человѣкъ, а 26-му уже объявляетъ, что нѣтъ мѣста. Пробуетъ другой, третій—тотъ же отвѣтъ. Крестьяне убѣждаются, что полно; и больше не пристаютъ, и на учителя не сердятся.

Другое дѣло, если учитель не такъ строго ограждаетъ свое право не принимать никого сверхъ нормы. Принялъ законныхъ 25, пришелъ 26-й, и этого принялъ, 27-му было отказано, да тотъ упросилъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ оказались какъ сельди въ боченкѣ. Ну, остальнымъ волей-неволей пришлось, скрѣпя сердце, отказать. А тутъ приходитъ мальчишка лѣтъ 12 съ матерью. Въ ноги учителю...

— Примите, Христа ради, малаго-то!

— Да онъ ужъ большой! Что же ты его раньше не учила?

— То-то дѣло-то мое вдовье! Средствъ не было. У богатаго мужика двѣ зимы долгъ заживали. Ужъ ты пожалѣй насъ, горемычныхъ. Еле лаптишки ему справила да зипунишко рваный. Можетъ, думаю, смилуется, приметъ его!

И опять въ ноги. Малый плачетъ. Мать причитаетъ... Подумалъ, подумалъ и принялъ его учитель. Сельдямъ въ бочкѣ еще тѣснѣе стало. Мужики негодуютъ. — Мнѣ отказалъ, а нищаго принялъ.

Пусть этотъ учитель поступилъ не педагогично. Пусть у него будетъ успѣхъ хуже, чѣмъ у сосѣда, который строго держится нормы. Пусть у него воздухъ будетъ отвратительный въ школѣ. Пусть за этотъ воздухъ, за это переполненіе школы ему влетитъ отъ инспектора, отъ предводителя... пусть жалуются на него мужики... а я все-таки предпочитаю этого учителя тому. предпочитаю его за то, что онъ не боится труда и дурного воздуха, за то, что жалѣетъ дѣтей, за то, что внѣ очереди и не справедливо принялъ того сироту, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ крестьянъ и немилость начальства. А вы какъ, читатель?

Сводится дѣло къ старинному вопросу схоластиковъ. Хлѣба у тебя довольно, чтобы насытить одного голоднаго. Не раздѣлить ли его на двоихъ голодныхъ? или на троихъ? и т. д.

Короче, что́ лучше: гигіена или ученье? Оба лучше! А все-таки у меня никогда не хватитъ духу рекомендовать учителю отказывать въ пріемѣ дѣтямъ, которыя лѣзутъ въ школу.

Я взялъ примѣръ добраго учителя, сдѣлавшаго исключеніе для нищаго мальчишки, опоздавшаго съ своимъ ученіемъ. Бываютъ и другіе примѣры — учителей, дѣлающихъ несправедливости, только не въ пользу нищенки, а въ пользу вліятельныхъ жителей села: духовныхъ, лавочниковъ, богачей. Это тоже — и справедливо — возбуждаетъ негодованіе крестьянъ. Сыплются жалобы, земству приходится рѣшать вопросъ о правѣ принимать дѣтей, не принадлежащихъ къ составу общества, въ школу, содержимую наполовину на средства общества.

Вообще, много бываетъ горя, споровъ и всевозможныхъ инцидентовъ... все изъ-за одного: недостаточности школы.

Бываетъ, впрочемъ, и такъ: село большое, школа маленькая, да и въ ту не идутъ... Это бываетъ, когда школа не пришлась по вкусу населенію. Иногда даже фактъ видишь, а до причины никакъ не докопаешься. Послѣ долгихъ разслѣдованій окажется, что учитель (это часто бываетъ съ діаконами и псаломщиками изъ старыхъ) дерется, рветъ дѣтей за уши и т. д. Одну учительницу возненавидѣли за то, что она по средамъ и по пятницамъ ѣла скоромное, и ненависть къ ней распространили на школу, переставъ посылать въ нее своихъ дѣтей!.. Чего-чего еще нѣтъ на Руси?..

14. Внѣшность учениковъ.

Не видавши сцены пріема новичковъ въ сельскую школу, трудно представить себѣ, какихъ дѣтей приводятъ къ учителю. Громадное большинство учительскаго персонала знакомо съ деревней, и потому знаетъ хорошо, съ кѣмъ придется имѣть дѣло. Но я убѣжденъ, что если городского жителя прямо привести ко дню пріема и сказать ему, что черезъ три года эти ребятишки должны держать экзаменъ, да еще на льготу, да еще по воинской повинности, —онъ сбѣжитъ, право сбѣжитъ!

Стоитъ передъ вами мальчишка, босикомъ, несмотря на грязную осень, въ рваной шубѣ, черезъ которую въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣется почернѣвшая отъ грязи посконная рубашка; штаны полосками, синіе: одна штанина опущенная, другая приподнята выше колѣна; крупный мѣдный крестъ на толстомъ шнурѣ, завязанномъ еще болѣе толстымъ узломъ; безъ шапки, съ копной нестриженныхъ бѣлокурыхъ волосъ на головѣ; лицо и руки грязныя, немытыя и красныя отъ холода; пальцы одной руки не то въ носу, не то во рту; другая рука старается почесать спину, но оказывается коротка.

Такая группа стоитъ передъ учителемъ, какъ по командѣ разиня ротъ:

— Ну ты, скажи,—спрашиваетъ учитель,—какъ тебя звать?

— Хведька, — сиплымъ голосомъ и иногда шопотомъ отвѣчаетъ мальчишка.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Ѳедя?

Мальчишка молчитъ. Руки его, гдѣ были, останавливаются. Ротъ открывается еще больше. Не моргая, онъ все смотритъ на учителя.

— Онъ самъ не зная,—отвѣчаетъ за него другой.

— Яму девять годовъ,—вставляетъ сзади стоящій побольше и уже ходившій годъ въ школу.

— А знаешь, Ѳедя, гдѣ у тебя правая рука, гдѣ лѣвая?

Ѳедя правую руку отъ спины отнимаетъ, смотритъ на нее, перебираетъ пальцами, понимая, что дѣло идетъ о рукѣ, но чего собственно добиваются отъ него, онъ въ толкъ не возьметъ.

Таковъ матеріалъ. Видалъ людей, которые надъ такими мальчишками безъ удержу хохотали. А мнѣ всегда хотѣлось плакать. Вотъ до чего доводитъ невѣжество и сопряженная съ нимъ нищета. Люди теряютъ подобіе Божіе. Въ 9 лѣтъ они хуже, чѣмъ наши дѣти въ два года, которыя чувствуютъ потребность высморкаться, вымыть руку. Да и не удивительно, что они таковы!

Все лѣто, въ пыль и въ грязь, въ тепло и въ сравнительно холодное время, когда снѣгъ еще не вездѣ сошелъ, можно видѣть крестьянскихъ дѣтей,—эту будущность Россіи, на улицахъ, ползающихъ съ утра до ночи въ однѣхъ рубашонкахъ и ищущихъ, гдѣ грязь поглубже. И ползаютъ они съ утра до ночи безъ всякаго присмотра потому, что въ хатѣ тѣсно, и что тамъ въ колыбеляхъ лежатъ другія дѣти, такія, что ихъ однихъ никакъ не выпустишь. Домой возвращаются они только, чтобы поѣсть, и то только въ обѣдъ; въ завтракъ и въ полдни имъ даютъ кусокъ чернаго хлѣба, который и грызутъ они на той же навозной кучѣ. Отъ отца, кромѣ подзатыльниковъ, они ничего не видали. Съ матерью кое-когда ходятъ въ церковь, когда дома никто изъ большихъ не остается. И тянется такъ время, пока,

дѣвочку не посадитъ мать за прялку, а сына отецъ не пошлетъ за лошадью въ табунъ.

Является Ѳедька въ школу, какимъ мы его видѣли. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ходитъ коекакъ въ школу съ пропускомъ дней, когда отецъ работать заставляетъ, недѣль и мѣсяцевъ, когда шубы не на что починить, и годовъ, когда отцу приходится отдавать его въ работники за десять пудовъ муки въ годъ. Каковы условія этого обученія,— мы отчасти видѣли, отчасти еще увидимъ. И вотъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, представляющихъ, если считать дни, проведенные Ѳедей въ школѣ, можетъ быть, полтора-два хорошихъ учебныхъ года, нашъ замарашка является на экзаменъ. Онъ одѣтъ бѣдно, часто въ лаптяхъ и посконной рубахѣ, но по возможности чисто; онъ остриженъ подъ гребенку; онъ бодро выступаетъ къ экзаменаціонному столу, кланяется и прямо, не смущаясь, смотритъ въ глаза тому, кто предлагаетъ вопросы; отвѣчаетъ громко; держится просто; рукъ къ лицу не поднимаетъ.

Оказывается, совсѣмъ другой мальчикъ, созданный по образу и подобію Божію. Эту удивительную перемѣну сдѣлала школа. И не какая-нибудь особенная, а такъ, средняя школа, биткомъ-набитая учащимися съ учителемъ не выдающимся, а самымъ что ни-на-есть обыденнымъ... Какая богатая нива, въ которую стоитъ бросить какихъ-нибудь сѣмянъ, чтобы выросло чудное растеніе. Тѣмъ стыднѣе намъ, не брасающимъ эти сѣмена и оставляющимъ ниву невоздѣланною... Впрочемъ, ухитрились же мы такъ, что и при кавказской природѣ лѣса чуть не въ убытокъ.

Статью эту я озаглавилъ: «Внѣшность учениковъ». И дѣйствительно, все время говорилъ о внѣшности. Само собою разумѣется, что перемѣнѣ во внѣшности соотвѣтствуетъ извѣстный подъемъ и во внутреннемъ складѣ человѣка. Человѣкъ, привыкшій и любящій чистоту, пойметъ ея пользу, заведетъ ее у себя въ домѣ; съ самаго начала будетъ такъ же воспитывать своихъ дѣтей; смертность уменьшится и т. д. Можно бы ожидать, что

сынъ Өедьки на пріемный экзаменъ явится уже не такимъ, какимъ явился Өедька, внукъ его уже вовсе былъ бы инымъ, такъ какъ и крошечнаго его не пустили бы въ навозъ... Къ сожалѣнію, картина не такъ блестяща.

Конечно, и при теперешней хромой школѣ есть и общій прогрессъ, но незначительный въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ могло бы быть. Главный тормозъ—бѣдность, удручающая бѣдность. Другой тормозъ—полное отсутствіе средствъ поддерживать зажженный въ школѣ огонекъ. Книги нѣтъ, —ея не даютъ, ея боятся,—нѣтъ бумаги, чернилъ, пера, карандаша,—нѣтъ потому, что не на что купить,—и мало-по-малу нашъ облагообразившійся Өедя снова отпускаетъ волосы, перестаетъ мыться, снова свыкается съ грязью... А тамъ, забывъ писать и читать, а подавно то, что̀ читалъ, снова пускаетъ своихъ голыхъ ребятишекъ на навозныя кучи, снова сынъ его является въ школу такимъ же замарашкой, какъ и отецъ.

Школѣ приходится бороться съ вѣковыми привычками народа, и эта борьба не такъ легка. А тутъ намъ говорятъ про нравственное воздѣйствіе на дѣтей и воспитаніе ихъ. Немного-то ихъ облагообразить—и то не удается, а тутъ перевоспитать.

Очевидно, въ школѣ есть недостатки, требующіе коренного измѣненія. Къ сожалѣнію, эти недостатки-то и считаются главными основами, требующими не измѣненія, а огражденія. Я опять-таки говорю про недостатокъ общаго развитія и о всемъ томъ, чѣмъ этотъ недостатокъ развитія поддерживается.

Не могу не упомянуть, говоря про внѣшность учениковъ, про одну мелочь, и не показать на примѣрѣ, какъ приходится бороться чуть ли не изъ-за каждаго пустяка. Во многихъ мѣстахъ стрижка дѣтей въ школѣ обязательна. Вѣдь длинные волосы нашихъ крестьянъ служатъ обиталищемъ миріадъ совсѣмъ ненужныхъ звѣрей. Обыкновенно ножницы вручаются сторожу. Хотя старшія два отдѣленія уже привыкли стричься, но когда берутся за маленькихъ, поднимается общій ревъ, точно имъ уши стричь собираются, а не волосы. Иногда мѣсяца дватри нужно, чтобы всѣ дались. А то бываютъ случаи, что такъ

и кончитъ курсъ, а остричься не дастся. Это бываетъ больше въ дикихъ государственныхъ селахъ.

— Ну, почему ты не даешься? Вѣдь лучше будетъ! Чище!

— Смѣяться будутъ!—А то: мамушка не велитъ!

А то вотъ какое мнѣніе я узналъ разъ. Задалъ я въ учительской школѣ большимъ грамотнымъ дѣтямъ сочиненіе на тему «Волосы». Многіе при разработкѣ этой темы придали волосамъ мистическое значеніе. Одинъ такъ-таки прямо и написалъ, что въ волосахъ благодать! Привелъ въ примѣръ Авессалома, Самсона и запрещеніе духовнымъ нашимъ стричься.

Не тутъ ли надо искать причину привязанности нашего народа къ длиннымъ волосамъ? Даже изъ солдатъ вернется иной стриженый,—глядь, черезъ два-три года отростилъ волосы и гуляетъ попрежнему. Если онъ и продолжаетъ стричься, то мужиковъ это не смущаетъ.

— Мало ли что! это солдатъ! ему можно! А намъ никакъ нельзя!

Замѣтно, что нелюбовь къ стрижкѣ въ особенности проявляется въ церковныхъ школахъ. Кое-гдѣ церковные ученики волосами и отличаются отъ земскихъ.

А въ одномъ селѣ священникъ мнѣ жаловался, что земскій учитель заставляетъ ребятъ стричься. Онъ, конечно, ссылался не на благодать, а на попираніе исконныхъ обычаевъ!

Какія-какія борьбы ни возникаютъ въ школьномъ дѣлѣ! И если столько разговора изъ-за волосъ бываетъ, что же бываетъ и еще будетъ изъ-за серьезныхъ вещей?

---

15. Внутренній міръ учениковъ.

Если педагога нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній посадить въ сельскую школу, онъ вскорѣ сбѣжитъ, а если не сбѣжитъ, то надѣлаетъ массу глупостей. Боже сохрани пересадить въ народную школу воспитательные методы средней или город-

ской школы. Другой матеріалъ требуетъ и другой обработки. Трудно въ короткой статьѣ исчерпать такую обширную тему. Постараюсь нѣсколькими штрихами охарактеризовать сельскаго ученика, какъ я его понялъ за свою многолѣтнюю школьную дѣятельность.

Первая и главная разница между городскимъ и сельскимъ мальчикомъ—это то, что городской съ самаго начала пріученъ къ критикѣ. Когда онъ возвращается изъ школы первый разъ, его дома спрашиваютъ: а каковъ учитель? а каковъ начальникъ? и т. д. Ученики критикуютъ всѣ школьные порядки между собой, и въ результатѣ является прозвище каждаго учителя, ходящіе про него анекдоты, популярная каррикатура и т. п. Держись, учитель. А то авторитетъ пропадетъ, и плохо дѣло! Современемъ критическое направленіе переходитъ съ учителя на предметъ, имъ преподаваемый, и на способъ преподаванія. Тутъ учитель держись еще крѣпче! Боже избави, соврешь! и себя погубишь, а то и науку свою!

Этотъ критицизмъ есть величайшее благо учениковъ средней школы: онъ поможетъ имъ сдѣлаться людьми, хотя бы преподаваніе было плохо. Они сами съумѣютъ разобрать, что̀ хорошо, что̀ плохо. Другими эта самостоятельность ставится имъ въ вину. Нерѣдки случаи, гдѣ гимназистовъ, а еще чаще семинаристовъ, исключали за критическое отношеніе къ учащимъ и къ преподаваемымъ предметамъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ сельской школѣ. Ученики приходятъ изъ дома въ школу, никогда ничего, кромѣ своей курной избы, не видавши. Само зданіе имъ кажется дворцомъ, а учитель великимъ ученымъ, которому открыты всѣ тайны природы. Они ничего сами не знаютъ, ничего не слыхали. Что вы имъ ни сообщайте, они все примутъ за чистую монету. Довѣріе къ учителю безграничное. Мнѣ приходилось спрашивать учениковъ:

— Что, вашъ учитель добрый?

— Добрый.

— Больно таскаетъ за уши?

— А то нешто?

Учитель больно таскаетъ за уши. Тѣмъ не менѣе онъ добрый, хорошій, умный. Дурнымъ и глупымъ онъ быть не можетъ.

Это отсутствіе критики и это слѣпое поклоненіе учителю дѣлаетъ ребятъ болѣе воспріимчивыми какъ къ добру, такъ и ко злу. Ложь въ преподаваніи въ средней школѣ приноситъ меньше вреда потому, что ее скорѣе раскусятъ ученики; ложь въ низшей школѣ оставляетъ непоправимый слѣдъ на всю жизнь человѣка.

Естественно послѣ всего сказаннаго, какъ велика нравственная отвѣтственность сельскаго учителя, которому дано изъ этой дѣвственной глины лѣпить, что угодно! Понятенъ вредъ, который можетъ принести, драпируясь въ доспѣхи учителя, малограмотный солдатъ или забывшій читать по печатному русскому шрифту старый псаломщикъ!

Вторая разница между школьникомъ деревенскимъ и городскимъ, это—удивительная нравственная чистота перваго. Я не говорю про ту условную нравственность, которую такъ тщательно охраняютъ родители нашего круга въ своихъ дѣтяхъ, въ особенности въ дѣвочкахъ. Въ гимназіи въ 10—14-лѣтнемъ мальчикѣ или дѣвочкѣ вы можете натолкнуться случайно на примѣръ удивительной чистоты помысловъ; а рядомъ въ такомъ же ребенкѣ можете откопать бездну умственнаго, а то и физическаго разврата. Въ деревнѣ нѣтъ ни того, ни другого. Тамъ всѣ знаютъ все и смотрятъ на вещи естественныя, какъ на естественныя. Никого особенно это не прельщаетъ, потому что всѣ знаютъ, что на это свое время, а что теперь это время еще не пришло. Развратный мальчишка въ деревнѣ рѣдкость.

Видѣлъ я, впрочемъ, случаи быстраго распространенія на цѣлую школу зла, посѣяннаго однимъ товарищемъ, случайно имъ заразившимся на сторонѣ. Но не объ этомъ я говорю.

Я говорю о нравственности другой, гораздо высшаго порядка.

Крестьянскій мальчикъ не лжетъ, а городской рѣдкое слово скажетъ правдивое. Чтобы узнать городского мальчика, вамъ надо его долго изучать, и то онъ съумѣетъ васъ провести. Крестьянскаго изучать нечего. Онъ, когда вы хотите, самъ от-

кроетъ себя, какимъ онъ есть. Почему эта разница происходитъ,—сказать не легко.

Крестьянскаго мальчика бьетъ отецъ, бьетъ мать, бьетъ братъ, бьетъ сосѣдъ за всякую мелочь, а то ни за что, ни про что. Казалось бы, скорѣе ему сдѣлаться лжецомъ, чѣмъ мальчику нашего общества, котораго часто никто пальцемъ никогда не касался. Между тѣмъ фактъ таковъ, какъ я говорю. Не отъ того ли это происходитъ, что во всемъ нашемъ жизненномъ складѣ больше лжи, чѣмъ въ жизни крестьянской? Нашъ мальчикъ лжетъ не потому, что кого-либо боится, а потому, что живетъ въ атмосферѣ лжи. Отецъ обманываетъ мать, а мать отца. Отецъ обманываетъ начальство свое, гостей и всѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Прислуга обманываетъ хозяевъ. Мальчикъ это видитъ и тоже съ малолѣтства начинаетъ лгать.

Крестьянскій мальчикъ не лжетъ, потому что не видитъ лжи. Вѣдь такъ естественно говорить правду! А потому и говорятъ ее люди природы.

Итакъ, вотъ второе громадное преимущество сельскаго учителя передъ городскимъ: онъ можетъ довѣрять своимъ ученикамъ. Новое преимущество накладываетъ на него новую обязанность: быть ближе къ своимъ ученикамъ. Но можетъ учитель и испортить все дѣло. Съ самаго начала незаслуженнымъ недовѣріемъ къ ученикамъ показать имъ, что не стоитъ говорить ему правду. Я видѣлъ примѣры такихъ учителей пріучившихъ ребятъ лгать не хуже городскихъ.

Перехожу къ третьему различію между городской и сельской школой. Въ городѣ есть товарищескій духъ въ школѣ, а подавно въ каждомъ отдѣльномъ классѣ. Классъ рѣшаетъ не знать урока, классъ рѣшаетъ сдѣлать скандалъ учителю. Что сдѣлалъ одинъ, остается тайной. Начальство не допытается ни за что, кто провинился... «Не знаемъ». Вотъ и все тутъ. Выдавшій товарища, хотя бы причинившаго сильную боль или убытокъ,—шпіонъ, фискалъ.

У городской школы esprit de corps, который часто поддерживается мундиромъ. Честь мундира заключается, между про-

чимъ, въ томъ, чтобы всѣ были рыцарями болѣе или менѣе, т.-е. товарищей не выдавали, и чтобы грязное бѣлье не выносилось наружу и мылось дома. Школьный мундиръ, какъ и всякій мундиръ, отъ зла ни отъ какого не застраховываетъ и считается незапятнаннымъ, если зло не получило огласки. Это видъ фарисейской лжи, который является послѣдствіемъ обособленности, поддерживаемой мундиромъ. Снизу грязная рубашка, лишь бы мундиръ былъ чистъ,—внутри грязныя дѣла, лишь бы они не всплывали наружу.

Иное дѣло въ сельской школѣ. Никакого школьнаго или классного духа нѣтъ. Есть 20, 100, 200 учениковъ. Сидятъ въ комнатѣ 50 человѣкъ.

— Кто это сдѣлалъ?—спрашиваетъ учитель.

— Хведька,—кричатъ голоса, и къ Ѳедькѣ протягиваются указательные пальцы.

И Ѳедька нимало не сердится на выдавшихъ его. Вѣдь они правду сказали: онъ сдѣлалъ это. За что же тутъ сердиться? И учитель дѣйствуетъ на Ѳедьку, какъ хочетъ и какъ умѣетъ. Между учителемъ и Ѳедькой нѣтъ класса. Оказывается, легче имѣть чистое бѣлье, если выносишь его изъ дому къ опытной прачкѣ. И чище, о! какъ чище въ душѣ бываютъ эти грязные оборванцы, чѣмъ вылощенные городскіе щеголи въ форменныхъ трехуголкахъ, шапкахъ и фуражкахъ!

Когда ѣдешь въ вагонѣ по живописной мѣстности, сплошь и рядомъ хочется крикнуть: «Постой, постой, остановись, дай поглядѣть!» А поѣздъ не останавливается и мчится дальше. То же испытываешь часто, когда пишешь статью и затрогиваешь животрепещущія темы. Хочется на нихъ остановиться дольше и дольше, но размѣры статьи этого не позволяютъ: надо летѣть дальше; впереди еще много важныхъ вопросовъ.

А хороша душа крестьянскаго мальчика! Куда до нея городскому! И не то досадно, что городской хуже самъ по себѣ. Ну, былъ бы хуже,—что же дѣлать? Самъ виноватъ. А то досадно, что зло къ нему искусственно прививается, что зло считается для него доблестью, что его искусственно, преднамѣренно портятъ...

16. Школьная дисциплина.

Странное несоотвѣтствіе замѣчается между значеніемъ корня слова «дисциплина» (discere—учиться, disciplina—ученье) и тѣмъ представленіемъ, которое это слово у насъ возбуждаетъ: «руки по швамъ!», «ѣшь меня глазами!», «ахъ ты, скотина этакая!» и наконецъ... бацъ его въ ухо!

Къ крайнему прискорбію, многіе педагоги забыли первоначальное значеніе и, наоборотъ, усвоили позднѣйшее, связанное съ нимъ понятіе. Но не буду забѣгать впередъ.

Вы заходите въ одну школу на урокъ, просиживаете этотъ урокъ и замѣчаете, что ученики все время были внимательны, не сводили почти глазъ съ книги или съ учителя, очень мало выходили, а то и вовсе не спрашивались выйти. Вы или безъ васъ учитель радъ бы сдѣлать замѣчаніе,—не за что и некому. Заходите въ сосѣднюю школу. Держатъ себя ребята отвратительно, потягиваются, позѣвываютъ, смотрятъ въ окно, переговариваются между собой, то и дѣло спрашиваются выйти, за преподаваніемъ очевидно не слѣдятъ. Учитель то и дѣло замѣчаетъ: «Ивановъ, тише. Петровъ, не говорите». Или на весь классъ кричитъ: «Будете вы внимательны, наконецъ?» Вамъ тоже скучно, и вы кричите: «Если вы не будете тише сидѣть, вы у меня берегитесь!» Но ни крикъ учителя, ни ваши угрозы не дѣйствуютъ: классъ не дисциплинированъ, онъ не привыкъ быть внимательнымъ.

Кто виноватъ?—конечно учитель, скажетъ всякій.—Да, учитель. Но что онъ сдѣлалъ дурного? чѣмъ достигъ такихъ дурныхъ результатовъ?—Распустилъ ихъ. Не съумѣлъ сразу настоять, чтобы слушались. Недостаточно настойчиво требовалъ...—Нѣтъ-съ. Тутъ, извините, я съ вами не согласенъ. Онъ тѣмъ виноватъ, что плохой учитель. А что значитъ хорошій учитель, я вамъ сейчасъ изображу на примѣрѣ.

Это было въ самомъ началѣ моей школьной дѣятельности. Я

видѣлъ учителей хорошихъ и плохихъ, судя по результатамъ ревизій ихъ школъ, но собственно чѣмъ достигаются успѣхи, — я не зналъ. Пріѣзжаю въ одну школу недалеко отъ меня. Дѣло было ранней осенью. Попадаю на первый урокъ съ младшимъ отдѣленіемъ. Учитель, молодой, съ жидкими бѣлокурыми волосами и бородой, голубоглазый, худой, маленькій, объяснялъ звуки. Началъ, какъ водится, со звука *«о»*. Надо было его видѣть. Громко говоря, чрезмѣрно махая руками, подпрыгивая къ доскѣ или отъ доски, иногда извиваясь для большей выразительности, онъ объяснялъ, что кружокъ обозначаетъ звукъ *«о»*. Кружокъ онъ изображалъ на доскѣ мѣломъ, кружокъ дѣлалъ пальцами, кружокъ дѣлалъ ртомъ, и при этомъ вышелъ звукъ *«о»*. Это все дѣлалось долго, съ повтореніями, чрезвычайно громко. Глаза блестѣли у учителя, заблестѣли и у учениковъ, когда они сдѣлали ртомъ кружокъ и вышелъ звукъ *«о»*. То же повторялось съ звуками *«е»* и *«а»*.

Я понялъ, чѣмъ учитель бываетъ хорошъ. Онъ бываетъ хорошъ тѣмъ, что умѣетъ заинтересовать классъ. Никакими приказаніями, требованіями, угрозами, наказаніями класса внимательнымъ не сдѣлаешь. Надо предметъ сдѣлать настолько интереснымъ, чтобы имъ вмѣстѣ съ 8-лѣтнимъ дикаремъ заинтересовался любой образованный человѣкъ.

Когда урокъ кончился, и учитель велѣлъ дѣтямъ прогуляться, мнѣ жалко было, и я съ удовольствіемъ послушалъ бы еще букву. Такъ онъ былъ интересенъ.

Естественно, что и для учениковъ часъ пролетаетъ, какъ пять минутъ. Я замѣчалъ, что у плохихъ учителей дѣти больше утомляются, чѣмъ у хорошихъ. Не отъ того ли у насъ такъ кричатъ о переутомленіи въ среднихъ школахъ? Естественно, у хорошаго учителя и дисциплина хороша: дѣтямъ некогда шалить!

Къ сожалѣнію, такихъ учителей меньшинство, какъ и всего хорошаго на свѣтѣ. А большинство ведетъ дѣло средне. Я говорю про большинство патентованныхъ учителей и не включаю въ ихъ число тѣхъ учителей-добровольцевъ, которыми насъ по-

дарило церковное вѣдомство. Тѣ иногда не только дерутся, но и сквернословятъ въ классѣ.

Система наказаній въ школѣ, къ сожалѣнію, существуетъ повсемѣстно. Въ рѣдкой школѣ не оставляютъ безъ обѣда (!), не ставятъ на колѣни, столбомъ, не выгоняютъ изъ класса и проч. Увы, бываетъ и хуже, бываетъ и рукоприкладство, дранье за уши, за волосы, удары линейкой и т. п. Характерна тамбовская исторія: энергичная, смѣлая дѣвица печатно изобличила учителей народныхъ школъ въ томъ, что они дерутся съ учениками. Учителя ни гу-гу. Но встрепенулось начальство ихъ разныхъ инстанцій: «Стыдъ вашъ—нашъ стыдъ. Оправдывайтесь! Въ судъ ее!..» На судѣ многочисленные случаи побоевъ были удостовѣрены. Дѣвица оправдана при рукоплесканіяхъ публики, при виватахъ прессы. Маленькій скандалъ превратился въ большой скандалъ... Да и вездѣ это есть... Не такъ-то скоро выводится старинушка! Эхъ, да и жизнь учительская! — а тутъ талантишко не Богъ вѣсть какой, ребята не слушаютъ. какъ тутъ не ущипнуть?

Я утверждаю, что всякія наказанія въ сельской школѣ излишни; дошелъ я до этого и практически, и теоретически. Мы видѣли, что ученики видятъ въ учителѣ полубога, довѣряются ему вполнѣ, не лгутъ ему. При чемъ же тутъ наказанія? Не дороже ли слова? Не опуститъ ли наказаніе въ глазахъ дѣтей этого полубога съ его пьедестала? Не перестанутъ ли говорить правду? Палка и ложь всегда будутъ вмѣстѣ. Неужели эту систему заводить въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ и теперь еще безъ нея можно обойтись?

Когда я взялся за школьное дѣло, я, какъ и во всемъ, былъ сторонникомъ наказаній, даже жестокихъ. Очень скоро я убѣдился, что это не полезно, а вредно, и всячески ихъ выводилъ. Были учителя, которые протестовали, говорили, что безъ этого нельзя. Приходилось просто запрещать наказанія. Впослѣдствіи приходилось и учителямъ убѣждаться, что безъ наказаній можно обойтись вполнѣ.

Я ни одного случая не встрѣтилъ въ жизни, чтобы наказа-

нія исправили кого-либо изъ учениковъ. И наоборотъ, ни разу не пришлось сожалѣть, что во-время не употребилъ крутой мѣры. Знаю, что послѣ меня, по введеніи наказаній въ школахъ, гдѣ ихъ не было, пошелъ такой кавардакъ, что Боже упаси! Нѣтъ, безъ довѣрія не можетъ быть какихъ бы то ни было порядочныхъ человѣческихъ отношеній, а въ школѣ и подавно! Правда: шалитъ ли кто, шумъ ли какой,—крикните, накажите виноватыхъ, все какъ будто успокоится, но потомъ зло опять повторится; надо опять усилить наказаніе, и такъ далѣе. Наоборотъ: сдѣлайте спокойно замѣчаніе, объясните, почему шалить дурно,—и шалость не сейчасъ прекратится, но мало-по-малу добро войдетъ въ сознаніе дѣтей, и вы достигнете блестящихъ результатовъ.

Говорятъ намъ: «Въ Англіи сѣкутъ даже, не то что наказываютъ». И скверно дѣлаютъ! Неужели намъ одну гадость отовсюду перенимать, а хорошее оставлять?

Но не скоро выведутся у насъ наказанія въ школахъ, какъ не скоро выведутся они и въ судахъ. Видятъ всѣ, что дѣлается съ преступниками: исправила кого тюрьма? Нѣтъ. Устрашила кого? Нѣтъ! Такъ чего же вы сажаете туда людей?—На это отвѣтъ получается отъ юристовъ такой, какой мы нерѣдко слышимъ отъ крестьянъ, которымъ это извинительно. Да какъ же безъ тюрьмы-то? Безъ тюрьмы никакъ невозможно! Куда же мы воровъ-то дѣнемъ?

То же и въ школахъ. Куда же безпокойныхъ-то дѣвать, коли не ставить ихъ на колѣни или столбомъ? Дѣвать ихъ некуда, а сдѣлайте такъ, чтобы имъ не хотѣлось быть безпокойными.

Конечно, тяжелы условія учительской работы. Иной мнѣ возразитъ: «А какъ это я заинтересую ужъ очень весь классъ, когда у меня три отдѣленія,—съ этими займись чтеніемъ, съ тѣми одновременно рѣшай задачку, а третьи пусть списываютъ съ книги! И всѣ-то лѣзутъ къ тебѣ, всякій съ своимъ дѣломъ.— «Не спорю, господинъ учитель, не спорю, тяжела ваша доля. Можетъ быть вамъ и не подъ силу, хотя чудеса я видѣлъ отъ вашихъ же собратій въ такихъ именно обстоятельствахъ!

Но какъ бы тяжело ни было,—повѣрьте мнѣ, наказанія не помогаютъ. Вѣдь я увѣренъ, что вы не пробовали безъ нихъ обойтись; такъ попробуйте!

О рукоприкладствѣ въ школахъ я больше не говорю, потому что бить дѣтей—это такая вещь, о которой, по выраженію апостола, «срамно есть и глаголати»...

---

17. Отношеніе учителя къ ученикамъ.

Начну издалека.

Нѣтъ слова, которымъ въ Россіи бы болѣе злоупотребляли, чѣмъ словомъ «отецъ». Злоупотребляютъ не въ томъ смыслѣ, что часто употребляютъ зря, когда не слѣдуетъ, и тѣмъ профанируютъ... нѣтъ, а злоупотребляютъ, стараясь увидѣть и насадить отеческія отношенія тамъ, гдѣ никакихъ отеческихъ чувствъ нѣтъ и быть не можетъ. Ну, скажите пожалуйста, какой помѣщикъ отецъ своимъ крестьянамъ былъ или есть? Тѣ норовятъ взять за работы у него подороже, этотъ старается заплатить поменьше. Тѣмъ это не удается, а ему удается, потому что онъ сильнѣе. Прежде тѣ старались его провести, а онъ спалъ и видѣлъ содрать съ нихъ двойной оброкъ, и когда замѣчалъ, что его хотятъ провести, кромѣ оброка старался содрать и кожу со спины.

Ну, священники—отцы духовные; но Боже сохрани, когда они свое отцовское достоинство стремятся провести матеріально. Ничего, кромѣ значительнаго матеріальнаго ущерба дѣтямъ въ этихъ случаяхъ не бываетъ.

Дальше: земскіе начальники должны быть отцами и осуществляютъ это названіе, немилосердно наказуя своихъ дѣтей и заботясь иногда о благосостояніи братьевъ въ ущербъ дѣтей—для пользы, вѣроятно, тѣхъ же дѣтей.

Въ полковомъ командирѣ тоже хотятъ имѣть отца-командира,

при чемъ хорошимъ, добрымъ командиромъ является тотъ, который наименѣе отецъ.

Это ли не профанація слова «отецъ»? Понимается оно большею частью въ смыслѣ нелѣпой поговорки: «Кого люблю, того и бью». Неправда! Не бью я того, кого люблю, а учу! Не въ этомъ смыслѣ понимается у насъ слово отецъ.

Часто называетъ мужикъ барина «батюшкой», но больше въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «пожалѣй, батюшка», «пощади, батюшка», т.-е. тогда, когда ему отъ батюшки плохо приходится. Есть у мужика отецъ и мать, что́ родили его, горемыку. Есть Отецъ небесный, не оставляющій его, есть мать—сыра-земля! А отъ самозванныхъ отцовъ—упаси его, Боже!

Перехожу къ отношеніямъ учителя къ ученикамъ. Нельзя быть отцомъ сорока, шестидесяти человѣкъ. Хорошо, если учитель входитъ въ положеніе учениковъ и внѣ школы, хорошо, если онъ совѣтомъ помогаетъ имъ. Но пускай это дѣлается какъ всякое доброе дѣло, когда человѣкъ помогаетъ человѣку. Пускай это отнюдь не будутъ отношенія отца къ дѣтямъ.

У насъ понятіе о старшинствѣ всегда связывается съ понятіемъ объ особенныхъ правахъ. Объ обязанностяхъ забываютъ. Поэтому, ставъ отцомъ, и учитель начинаетъ помнить свои права: учить, ругаться, таскать за уши; а объ обязанностяхъ отцовскихъ забываетъ и внѣ школы и не думаетъ объ ученикѣ. Вотъ поэтому-то я и предпочитаю, сильно предпочитаю, простыхъ, хорошихъ, добрыхъ учителей, не мнящихъ себя отцами.

Оговариваюсь: я знаю учителей-отцовъ десятковъ учениковъ, знаю учительницъ-матерей своихъ школьниковъ,—но это исключенія, это святые люди. Найдется такой на губернію одинъ—и хорошо! Я не про такихъ говорю, я говорю про середку, которая все лѣзетъ въ отцы или, скорѣе, которую въ отцы производятъ.

Хорошее средство, могущее удержать учителя отъ всякихъ лишнихъ отеческихъ словъ и дѣйствій по отношенію къ ученикамъ, это—замѣна обычнаго обращенія на «ты» обращеніемъ на «вы».

Много, очень много народныхъ школъ я видѣлъ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи и ни въ одной не слыхалъ, чтобы ученикамъ говорили «вы». И посмѣются наши учителя, читая эти строки! Ну, нашелъ, что совѣтовать. Всѣмъ соплякамъ «вы» говорить. Видно, что не имѣлъ онъ съ ними дѣла! Ошибаетесь, господа. Я даже лично этотъ опытъ произвелъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ двухъ школахъ и я, и всѣ учителя и учительницы говорили дѣтямъ, даже маленькимъ, «вы». И думаю, что это полезно, даже очень полезно.

«Ты» должно быть всегда двухстороннее. Если я кому говорю «ты», то и онъ долженъ имѣть право сказать мнѣ «ты». Иначе получается начало тѣхъ именно ложно-отеческихъ отношеній, о которыхъ я говорилъ и которыя имѣютъ склонность постепенно развиваться и доходить до нежелательныхъ явленій. Когда я могу человѣку говорить «ты», а онъ мнѣ нѣтъ, то слѣдующимъ шагомъ является «ты дуракъ», затѣмъ «ты скотина» и наконецъ,—«а, ты такъ-то! подлецъ ты этакій». А затѣмъ уже идетъ затрещина.

Многіе возразятъ мнѣ: «Что вы, что вы? Мы всѣ говоримъ «ты», но не ругаемся и затрещинъ не даемъ». Знаю, знаю, господа. Я и не утверждаю, что всякій, говорящій «ты», проходитъ всѣ ступени этой лѣстницы. Но признайтесь и вы, что это ступеньки одной и той же лѣстницы, и что легче удержаться, не спускаясь и на первую ступеньку. Вдумайтесь и сознайтесь, что я хоть отчасти правъ. Мнѣ пока довольно и этого!

Я нимало не сомнѣваюсь, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ ни одинъ учитель на Руси не будетъ говорить «ты», и что на это будутъ смотрѣть, какъ смотрятъ теперь на порку по субботамъ.

Постоянно возражаютъ противникамъ «ты», что въ Россіи по отношенію къ крестьянамъ «ты» является двухстороннимъ, такъ какъ и крестьяне намъ говорятъ «ты». Это неправда. Одинъ изъ ста скажетъ «ты», и то по ошибкѣ. Они очень чутки къ «вы». Возьмите, напримѣръ, кулаковъ-міроѣдовъ. Имъ говорятъ

«вы» и зовутъ ихъ по батюшкѣ, а намъ ужъ и подавно. Для мальчиковъ это «вы» сначала и дико, но они съ нимъ скоро освоиваются, и незамѣтно для нихъ самихъ развивается въ нихъ чувство достоинства. А это одна изъ задачъ школы.

Я уже говорилъ, что отношенія учителя къ учащимся должны быть пропитаны безусловнымъ довѣріемъ другъ къ другу. Мы видѣли, что ученики уже сами по себѣ идутъ къ учителю съ довѣріемъ. Его дѣло поддержать и развить это довѣріе, вполнѣ заслуживъ его. Говорилъ я, что и ребята заслуживаютъ довѣрія, и что дѣло учителя это понять и на этомъ основаніи обоюднаго довѣрія построить все зданіе ихъ взаимныхъ отношеній. «Вы» этому не препятствуетъ. На «вы» исповѣдуются, а на «ты» по міру пускаютъ и на тотъ свѣтъ спроваживаютъ.

Учитель долженъ постоянно воздѣйствовать на учениковъ, т.-е. укрѣплять ихъ въ добрѣ и отстранять отъ зла. Лучшее средство, по-моему, для этого развить въ дѣтяхъ чувство стыда.

Спѣшу оговориться: въ крестьянствѣ, какъ и у насъ, страшно развито чувство ложнаго стыда: стыдно стричься, стыдно въ троицкую пятницу въ школу идти, стыдно читать, когда всѣ на улицу пошли. Я, конечно, не про этотъ стыдъ говорю. Я говорю про стыдъ сдѣлать дурно—единственный благодѣтельный стыдъ и для крестьянскихъ дѣтей, и для всѣхъ насъ. Если учитель однимъ словомъ въ классѣ или наединѣ: «Петровъ, вы (или «ты»—пусть будетъ по-вашему) сдѣлали дурно», умѣетъ довести мальчика до слезъ,—онъ несомнѣнно хорошій учитель. У него и учиться будутъ хорошо, и вести себя. Разъ струны стыда чувствительны, играть на нихъ не хитро.

Я говорилъ про отношенія учителя къ ученикамъ. Тутъ все въ рукахъ учителя. Гораздо болѣе могутъ учитель и дѣло пострадать отъ окружающихъ его лицъ, съ которыми всѣми ему необходимо ладить.

Боже! что за дипломатъ долженъ быть учитель! Я нѣкоторыхъ инспекторовъ знаю, которые напутствуютъ учителя, отправляющагося на новое мѣсто, такъ: «Главное, ладьте съ народомъ, или съ батюшкой, или съ помѣщикомъ», смотря по

тому, кто тамъ игралъ по школѣ главную роль. И учителю приходится унижаться передъ міроѣдами, измѣнять своимъ правиламъ, чтобы не расположить противъ себя священника, угождать дающему солому на топку училища помѣщику...

Въ глазахъ иного инспектора это важнѣе всего. Ну, еще не велика бѣда, если онъ съ учениками мало преуспѣлъ,—вину можно свалить на учениковъ. Ну, рванулъ какого тамъ за волосы—вѣдь человѣкъ не каменный,—а вотъ помѣщику не потрафилъ! это дѣло дрянь!

— Помѣщикъ даетъ солому на топку, помѣщикъ—гласный, да еще много говорящій, помѣщикъ хорошъ съ предводителемъ,—а вы не съумѣли съ нимъ сойтись; нагрубили ему,—онъ пишетъ. Что, бишь, вы ему сдѣлали?

— Да ничего. Онъ меня держалъ въ передней больше часу. Я и ушелъ, сказавъ человѣку, что я, молъ, сидѣлъ и сидѣть усталъ.

— Ну, вотъ видите. И посидѣть не можете! Такъ, батюшка мой, не служатъ!

И учителя перевели съ пониженіемъ.

18. Ученицы.

Да проститъ меня прекрасный полъ, что я до сихъ поръ ни единымъ словомъ не обмолвился объ ученицахъ. Виноватъ не я, а грамматика, которая даетъ преимущество мужскому роду. Само собою разумѣется, что когда я говорилъ: ученики, я подразумѣвалъ: учащіеся, т.-е. включалъ въ ихъ число и дѣвочекъ. Такъ же, какъ и слово учитель употреблялось мною безъ различія къ полу учащаго.

Теперь необходимо посвятить статью спеціально дѣвочкамъ, присутствіе которыхъ въ школѣ всегда такъ отрадно.

Когда мальчикъ учится, въ будущемъ представляется чело-

вѣкъ грамотный, болѣе развитой, болѣе способный къ борьбѣ за существованіе. И только. На свое семейство онъ не будетъ имѣть того образовательнаго и смягчающаго вліянія, которое будетъ имѣть грамотная и развитая мать семейства. Онъ охотнѣе пошлетъ сыновей, только сыновей, въ школу, но самъ непосредственно на нихъ не повліяетъ. Мать, какъ она ни занята непосильной ежечасной работой, все же большую часть времени проводитъ или можетъ проводить съ дѣтьми. Отецъ на работѣ внѣ дома или въ кабакѣ, скажемъ для благозвучія,—въ будущей чайной, а мать за шитьемъ или за прялкой дома, окруженная дѣтьми, вліяетъ на нихъ непосредственно. Понятно, какую въ семьѣ разницу сдѣлаетъ развитая мать. И вотъ впереди мерещится то время, когда не только отцы, но и всѣ матери будутъ грамотныя, когда поднимется въ крестьянской избѣ образовательный уровень, когда дѣти пойдутъ въ школу, уже получивъ дома элементарную грамотность. А это дастъ возможность повысить и въ народной школѣ уровень даваемаго образованія. Поступаютъ же дѣти въ гимназіи, и мужскія, и женскія, даже въ приготовительные классы уже грамотными. Не будь этого,—на годъ, а то и на два пришлось бы удлинить гимназическій курсъ, что̀ въ народной школѣ не такъ-то легко. Далѣе, ходятъ дѣти въ школу: грамотная мать спрашиваетъ, что̀ они проходили, помогаетъ имъ, насколько возможно... Мало того, даетъ возможность учителю задавать уроки на другой день, что̀ невозможно теперь, когда родители и керосину не дадутъ для вечернихъ занятій. Понятно, какіе горизонты открываются въ перспективѣ, когда видишь въ народной школѣ дѣвочекъ.

Къ сожалѣнію, ихъ очень и очень бываетъ мало. Одна дѣвочка на 5—20 мальчиковъ! Вотъ что значитъ неграмотная мать. Грамотная же всегда пошлетъ дочь въ школу!

Да и тѣ, которыя ходятъ, рѣдко-рѣдко кончаютъ курсъ даже нашей, болѣе чѣмъ элементарной школы. Почему?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ, и отвѣтъ весьма грустный: населеніе если и видитъ пользу грамотности, то только практическую. Прежде эту пользу ви-

дѣли въ томъ, чтобы сына вывести въ писаря. Теперь понятіе о практической пользѣ ученья расширилось (это-то насъ теперь и радуетъ), и крестьянинъ понимаетъ вообще пользу ученья для всякаго, даже и для не писаря. Понимаютъ пользу грамотности и для женщинъ, но далеко не для всѣхъ, а для черничекъ. Это—дѣвицы, не вышедшія замужъ, носящія наполовину костюмъ монашекъ, живущія уединенно въ особыхъ хаткахъ и занимающіяся частью чтеніемъ псалтыря надъ покойными, частью другими, болѣе или менѣе дозволительными промыслами.

Хорошо, т.-е. до конца, учатся дѣвочки съ изъянцемъ, косолапыя, кривыя, которыхъ такъ и готовятъ въ чернички. А когда учатся хорошія дѣвочки (хорошими зовутъ дѣвочекъ нормальныхъ), то учатся годъ, два и довольно. На это много причинъ. Прежде всего, мать ихъ торопится учить прясть. Сколько разъ я матерямъ объяснялъ, что это не уйдетъ, и что пряжей-то онѣ зарабатываютъ въ годъ такую бездѣлицу, что убытку не будетъ никакого, если дѣвочкамъ дать доучиться. Отвѣтъ одинъ: «Чего ей, не въ чернички ей идти. Надо прясть учиться!» Очевидно,—нѣтъ сознанія пользы ученія.

Для мальчиковъ какая ни на есть льгота по воинской повинности, хотя она и равна почти-что нулю, все-таки льготой считается. Для дѣвочекъ льготы нѣтъ. Что имъ свидѣтельство?

А главное, почему дѣвочки бѣгутъ, это—чувство ложнаго стыда. Пуще всего боится народъ нашъ, что надъ нимъ смѣяться будутъ. Смѣху-то и боятся дѣвочки: черничкой задразнятъ ребята на улицѣ. И стоитъ, чтобы разъ дѣвочку подразнили черничкой, и чтобы она, вмѣсто того, чтобы отпоръ дать, испугалась этой клички, стоитъ ей перестать ходить въ школу,—понемногу бросятъ школу всѣ ея сверстницы. Родители же сами не знаютъ цѣны школы настолько, чтобы ихъ до этого не допускать. Поэтому рѣдко приходится экзаменовать на выпускномъ экзаменѣ дѣвочекъ, кромѣ развѣ «черничекъ», да живущихъ въ деревняхъ дочерей иносословныхъ: духовныхъ, лавочниковъ, а изъ крестьянъ—самыхъ выдающихся и уже стремящихся выйти изъ сословія.

А то вправду замужъ не возьмутъ!

Громадное большинство школъ у насъ смѣшанныя. Это и понятно: двойныя школы—двойные расходы. Послѣднее время стали образовываться школы отдѣльно для мальчиковъ, отдѣльно для дѣвочекъ. Но произошло это, такъ сказать, поневолѣ.

Съ громаднымъ распространенiемъ церковныхъ школъ стали появляться въ одномъ селѣ по двѣ школы даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вторая школа вовсе не была нужна. Если есть еще порядочныя церковныя школы тамъ, гдѣ нѣтъ земской, то при конкуренцiи качественный, а потому и количественный перевѣсъ всегда на сторонѣ земской школы. Церковная школа иногда, чтобы восполнить недостатокъ учениковъ, предпочитающихъ идти въ сосѣднюю, начала прибѣгать къ весьма непохвальному переманиванiю учениковъ земской школы. Перейдетъ нѣсколько человѣкъ, прошедшихъ среднее отдѣленiе,—глядь, и есть кѣмъ похвалиться на экзаменахъ. Въ ходъ пускались всевозможные уговоры (а уговоры священника имѣютъ особую силу), до леденцовъ включительно (вѣдь для деревенскаго мальчика и леденецъ убѣдительный доводъ). Возникали и возникаютъ раздоры, не приводящiе никогда къ добру. Кое-гдѣ и раздѣлили сферы дѣятельности: мальчиковъ оставили земской школѣ, дѣвочекъ уступили церковной. Это несправедливо: вообразите у отца съ матерью пять дѣвочекъ, а мальчиковъ нѣтъ. Онъ земскiй плательщикъ и платитъ спецiально школьный налогъ. Несправедливо его дочерей не принимать въ земскую школу. Но лучше эта несправедливость, чѣмъ вѣчные раздоры, гдѣ сила можетъ оказаться на сторонѣ церковнаго вѣдомства. Такъ, во многихъ мѣстахъ образовались спецiально-мужскiя и спецiально-женскiя школы.

Нечего и говорить, что совмѣстное обученiе не представляетъ никакихъ неудобствъ. Дѣти живутъ слишкомъ близко къ природѣ, чтобы совмѣстное обученiе возбуждало въ нихъ какiя бы то ни было мысли. Да наконецъ еще понятно, хотя вѣроятно излишне, раздѣлять полы въ школѣ, куда ходятъ дѣти, за которыми есть и дома присмотръ. А тутъ? Стоитъ ли не допу-

скать сходиться въ школѣ дѣтей, которыя всю жизнь вмѣстѣ безъ всякаго надзора и днемъ, и ночью на улицѣ?

Да въ школьномъ возрастѣ это для нихъ и не опасно. Вотъ на улицѣ или на школьномъ дворѣ во время перемѣны кучка дѣвчатъ... А вонъ... ребята играютъ въ бабки, въ городки и не смотрятъ даже въ сторону дѣвчатъ. Чего же ихъ раздѣлять?

Я долго останавливался на особенностяхъ крестьянскаго мальчика. Относительно дѣвочки этого дѣлать не надо. У нея всѣ добрыя качества мальчика въ еще большей степени. Нѣтъ благодарнѣе задачи, какъ задача учительницы женской школы. Ходятъ дѣвочки аккуратнѣе, невнимательныхъ почти нѣтъ. Всѣ стараются быть лучше, замѣчанія боятся пуще огня. Выговоръ иную доводитъ до истерики.

Съ ними нужно одно: быть ласковымъ и терпѣливымъ, если что-либо имъ не дается. Возвышенный голосъ и тотъ приноситъ вредъ.

И чѣмъ благодарнѣе дѣло обученія дѣвочекъ, тѣмъ досаднѣе, что онѣ не ходятъ или плохо ходятъ. У насъ все дѣлается стихійно. Вдругъ народъ сознаетъ пользу хожденія дѣвочекъ,—тогда всѣ повалятъ такъ, что мѣстъ не хватитъ. Это уже замѣчается кое-гдѣ, даже въ черноземномъ захолустьѣ. Начинается это съ моды, а потомъ переходитъ въ привычку и потребность. Мода учиться не проходитъ.

Есть разница въ результатахъ школьнаго обученія мальчика и дѣвочки. Въ нѣкоторыхъ предметахъ преуспѣваютъ больше мальчики, въ другихъ—дѣвочки. Русское чтеніе, отчасти и письмо даются лучше дѣвочкамъ. Въ ариѳметикѣ дѣвочки не только хуже мальчиковъ, но почти-что абсолютно плохи. Выходитъ на экзаменъ дѣвочка и блестяще, съ толкомъ и чувствомъ читаетъ вамъ стихотворенія. Та же дѣвочка ничего не соображаетъ въ ариѳметикѣ и не знаетъ таблицы умноженія. Мальчикъ наоборотъ: читаетъ плохо, калякаетъ, калякаетъ, а задачу рѣшаетъ мгновенно, очень для его возраста трудную.

Это я замѣчалъ положительно вездѣ. По-моему, это служитъ указаніемъ того, что сообразно съ ихъ способностями и нужно

вести дѣтей. Конечно, это послѣднее замѣчаніе относится не къ народной школѣ, хотя и въ ней не стоитъ особенно по ариѳметикѣ налегать на дѣвочекъ. Потерянное будетъ время.

19. Школьное хозяйство.

Прежде чѣмъ переходить отъ учащихся къ учащимъ и начальствующимъ, хочется сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ, въ которыхъ этимъ учащимъ приходится жить и учить.

Школы называются земскими,—слѣдовательно, и хозяйство школьное должно бы лежать на обязанности земства. Въ дѣйствительности дѣло не такъ.

Мы уже видѣли, что школьное хозяйство лежитъ почти повсюду, по договорамъ земства съ сельскими обществами, на обязанности сихъ послѣднихъ. Это тѣмъ болѣе понятно, что и тамъ, гдѣ всѣ школьные расходы, въ томъ числѣ и хозяйственные, падаютъ исключительно на земство, безъ участія въ нихъ сельскихъ обществъ,—и тамъ практика вынуждаетъ земство, сложивъ съ себя непосредственное веденіе школьнаго хозяйства, тяготу сію переложить на кого-либо изъ мѣстныхъ жителей. Дѣйствительно, что дѣлать земству? У нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ до 160 (больше я не встрѣчалъ) школъ. Что съ этими 160 хозяйствами сдѣлаетъ управа изъ четырехъ членовъ? Очевидно, она безсильна. Мелкой земской единицы нѣтъ. И вотъ поневолѣ ей приходится на мѣстѣ искать людей. Помѣщикъ, священникъ, иногда самъ учитель, а то и старшина или школьный попечитель—вотъ кто ведетъ фактически хозяйство въ школѣ.

Когда хозяйничаетъ земство, назначаютъ обыкновенно достаточныя суммы, чтобы всего было вдоволь—и топки, и керосину, и чтобы сторожъ былъ порядочный, и ремонтъ ежегодно удовлетворительный. Плохо справляется съ дѣломъ человѣкъ,

которому управа поручила школьное хозяйство,—оно отъ него отбирается и передается другому. Къ сожалѣнію, рѣдко такое счастье дается учителю, потому что хозяевами большею частью являются крестьяне. Денегъ обыкновенно назначается въ этихъ случаяхъ мало, такъ что, какъ ни натягивай, къ концу года приходится обращаться къ сходу за дополнительнымъ ассигнованіемъ.

Расходуетъ крестьянскія деньги или волостное начальство, или особый школьный попечитель. И старшина, и попечитель рѣдко когда не стремятся показать свою власть передъ учителемъ. Возьмемъ, прежде всего, вопросъ о сторожѣ. Кое-гдѣ я видалъ, что обязанности сторожа исполняютъ крестьяне поденно или понедѣльно. Чего съ такихъ сторожей спросить и стоитъ ли ихъ къ чему-либо пріучать? Очевидно, нѣтъ. А то дадутъ учителю сторожа такого, который дома работать не годится, съ физическимъ недостаткомъ, хромого, или больного, или слишкомъ стараго. Такой дешево беретъ, а то и задаромъ служитъ. Хорошо! Да легче ли отъ этого учителю. Ну, учитель еще самъ кое-что сдѣлаетъ. А учительница?

Но и это милость. Иногда дадутъ прямо негоднаго работника, который учителя не слушается, грубитъ ему, пьянствуетъ, уходитъ подолгу безъ спросу. Ну, какъ тутъ быть? Жаловаться. Кому? Извѣстно: земскому начальнику. Онъ все въ деревнѣ. А земскій начальникъ, въ большинствѣ случаевъ, конечно, больше повѣритъ своему старшинѣ, который учителя же выставитъ человѣкомъ безпокойнымъ. Инспектору жаловаться? Да есть инспектору время хлопотать по хозяйственнымъ мелочамъ въ полутораста иногда школахъ. Да, наконецъ, рѣдкій инспекторъ, развѣ земскій, будетъ заниматься этимъ, а громадное большинство, казенные, прямо отвѣтятъ: наше дѣло—учебная часть, а съ этимъ обратитесь въ земскую управу. А земская управа отвѣчаетъ, что ихъ дѣло выдать учителю жалованье и выслать учебныя пособія, но что по дѣламъ хозяйственнымъ учитель можетъ обращаться къ обществу.

И вертись учитель, какъ бѣлка въ колесѣ, пока терпѣніе

есть или пока не съумѣетъ сойтись съ кѣмъ нужно, со старшиной или съ попечителемъ, большею частью на почвѣ водки. А начнетъ учитель съ ними такую компанію водить, все пойдетъ хорошо. Въ школѣ всѣ потребности будутъ удовлетворены, сторожъ будетъ изъ молодцовъ-солдатъ стоять передъ учителемъ навытяжку. И будетъ разливное море, и полюбятъ учителя послѣ старшины съ попечителемъ и другіе богачи, а за ними и все село. Зналъ я человѣкъ двухъ учителей, которые съ этого именно и начали, и подъ конецъ окончательно спились и погибли.

Это учитель! А учительницѣ и этого выхода нѣтъ. Да къ тому же и терпѣть ей неподходящаго сторожа не такъ легко. Я зналъ случай, гдѣ учительница умоляла крестьянское и всякое высшее начальство дать ей въ школу сторожиху. Такъ и не добилась. И принуждена была бѣжать. А мы говоримъ, что учителя для пользы дѣла должны быть прочны въ мѣстахъ.

Не съ однимъ сторожемъ трудно приходится иногда учителю, трудно приходится и съ топкой, и съ освѣщеніемъ. Что подѣлаешь, когда топки не везутъ? Хоть замерзай. Ну, положимъ, безъ топки вовсе не оставляютъ школу, а то вѣдь и ребятъ поморозятъ, а безъ керосину сплошь да рядомъ сидятъ учителя. Крестьяне въ 7 часовъ зимой ужинаютъ и ложатся спать. Въ 8 ни одной коптилки не горитъ. А тутъ какъ на грѣхъ, свѣтится лампочка у учителя. Ну, не безобразіе ли это? Жечь добро, когда добрые люди спятъ. И не даютъ керосину. А вѣдь надо, наконецъ, тетрадки поправить, ужъ не говоря про книжку, которая какими-то путями забрела въ учительскую комнату. А какъ бы хотѣлось почитать! Брось, учитель! Что за глупости лѣзутъ тебѣ въ голову!..

Опять, повторяю, есть и школы, гдѣ учитель чувствуетъ себя прекрасно, гдѣ все дается щедрымъ и разумнымъ попечителемъ-помѣщикомъ; есть школы, гдѣ учитель всегда найдетъ защиту и помощь въ сочувствующемъ школамъ земскомъ начальникѣ; есть школы, которыми, какъ зѣницей ока, дорожатъ сами крестьяне; есть земскія школы, гдѣ помощь приходитъ отъ

священника. Все это есть,—но общій типъ сельскихъ школъ таковъ, какимъ я его сейчасъ изобразилъ.

Великій грѣхъ на душѣ у земствъ, что они не вездѣ берутъ на себя школьное хозяйство, а предоставляютъ его крестьянамъ. Только тогда оно пойдетъ какъ слѣдуетъ.

Въ церковныхъ школахъ хозяйство все въ рукахъ священника. Ему гораздо легче добиться, чего хочетъ отъ крестьянъ, чѣмъ учителю. Поэтому бываетъ хорошо и плохо, смотря по усердію священника.

Вотъ два примѣра, мнѣ извѣстныхъ. Заѣзжаетъ ко мнѣ предсѣдатель отдѣленія... сердитый.

— Что съ вами, отецъ протоіерей, вы сердитый какой-то?

— Да что! Я изъ села Старыхъ К. Можете себѣ представить: діаконъ-старикъ ребятъ распустилъ, а въ школьное помѣщеніе свиней своихъ посадилъ... Положимъ, оно того и стоитъ... а всетаки... діаконъ-то недурной, хозяйственный...

Второй примѣръ: дѣло было, когда только-что введены были церковныя школы. Построилъ и я одну въ двухъ верстахъ отъ моего имѣнія. Я былъ и попечителемъ школы. Священникъ былъ хорошій старикъ, любимый мужиками... безсребренникъ... простой.

Учениковъ въ школѣ было человѣкъ 40. Учительница жалованье получала отъ меня. Разъ пріѣзжаетъ она ко мнѣ.

— Ну, что у васъ дѣти? Ходятъ хорошо?

— У меня ихъ осталось всего 18. Вы прислали соломы на топку 10 возовъ; такъ у насъ сарая для топки нѣтъ. Мы и сложили солому въ школьную комнату, а дѣтей перевели въ караулку. Кстати одной печкой меньше топится. Мы младшее отдѣленіе распустили и занимаемся съ двумя старшими.

Лучше бы она меня обухомъ ударила.

— Ну, а батюшка знаетъ про это?

— Какъ же! Онъ и распорядился.

А священникъ былъ хорошій... очень хорошій! Солому мы вытащили, ребятъ вернули. Архіерей—умный былъ человѣкъ— когда я ему это разсказалъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и только

посмѣялся. А другой бы наказалъ священника... и напрасно... Не онъ виноватъ!

Есть, наоборотъ, священники, радѣющіе о школѣ, любящіе школу и понимающіе, какъ со школой обходиться; есть, наконецъ, священники, бывшіе сами учителями. Тамъ хорошо: и тепло, и свѣтло, и чисто...

Но немного хорошихъ, немного и никуда негодныхъ. Большинство ведетъ дѣло чужими руками, а сами стараются, главнымъ образомъ, себя не обременять излишней работой. Лишь бы отъ начальства не попало. Къ пріѣзду начальства все бываетъ въ порядкѣ. Уѣдетъ начальство...

Къ чему,—спроситъ читатель,—разсказалъ онъ про священника, прогнавшаго дѣтей, чтобы помѣстить солому? И про діакона, расположившагося со свиньями въ классной комнатѣ? Вѣдь это, по его же словамъ, единичные случаи...

А привелъ я эти случаи вотъ почему.

Драматизмъ заключается въ противорѣчіи. Такъ и тутъ.

Священникъ хорошій... а въ школѣ кладетъ солому. Діаконъ хорошій... а въ школѣ разводитъ свиней. Ихъ нельзя прогнать—жестоко, нельзя даже наказать или поругать,—не за что. Они себя считаютъ правыми. Хорошій священникъ, хорошій діаконъ, а въ школу не годятся. Между тѣмъ, школа имъ поручена.

Вотъ гдѣ драматизмъ положенія.

Вотъ почему я и разсказалъ про нихъ.

---

20. Школьная гигіена.

Конечно, желательно бы было, если бы школа наша не только пріютила, но и согрѣла и даже накормила нашу бѣдную дѣтвору. Часто, къ сожалѣнію, она не только не исполняетъ этихъ назначеній, но и служитъ источникомъ простуды и заразы.

У дѣтей часовъ нѣтъ дома. А учитель ругается, когда опазды-

ваютъ, наказываетъ... Надо поспѣвать во-время... Вотъ и собираются дѣти спозаранку. Нѣкоторыя прямо приходятъ ни свѣтъ, ни заря. Холодъ, сырость... Въ классъ не пускаютъ. Вѣдь они до ученья все загрязнятъ, все вверхъ дномъ поставятъ. Коридора, рекреаціонной комнаты, раздѣвальни порядочной нѣтъ,— все это роскошь, не по карману сельской школѣ... И приходится дѣтямъ стоять снаружи и грѣться, какъ грѣются русскія дѣти, перетаптываясь съ ноги на ногу и надувая себѣ руки. Бываетъ это и въ 20-градусные морозы. Во вьюгу ихъ впустятъ и въ классъ... да во вьюгу рѣдкій и приходитъ...

Наконецъ, когда дѣти, несмотря на свою гимнастику и на свое дуновеніе, почти что начинаютъ замерзать... ихъ впускаютъ. Хоть въ классѣ бы имъ, бѣднякамъ, отогрѣться, подышать здоровымъ воздухомъ! Не тутъ-то было. Я не видалъ сухой школы, кромѣ изъ ряда вонъ выдающихся по своей роскоши или кромѣ такой, гдѣ почему-либо особенно мало учениковъ. Но обыкновенная сельская школа всегда сыра: это правило. Въ углахъ, если она деревянная, часто снѣгъ лежитъ. Если же она каменная и изнутри оштукатурена, то всѣ стѣны черныя, и по нимъ течетъ. Съ оконъ же и въ тѣхъ, и въ другихъ льетъ немилосердно.

Да и какъ быть сельской школѣ сухой?

Какъ вбѣгутъ въ нее человѣкъ 50—100 зазябшихъ дѣтей, такъ и сядутъ, въ чемъ они есть. Калошъ ни у кого никогда въ заводѣ нѣтъ, а сидятъ въ классѣ въ той обуви, что и на дворѣ носятъ—сапогахъ или лаптяхъ. Сыро на улицѣ,—они притащятъ прямо сырость. Холодно,—они притащятъ снѣгъ. Снѣгъ растаетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ въ классѣ болото. Можетъ ли быть сухо въ сельской школѣ?

Въ классѣ было тепло. Пришли дѣти,—и, въ особенности если ихъ много, вдругъ похолодѣло. Они и въ обуви той же, что и наружу, въ той же и одеждѣ. Я старался отучить ихъ отъ этого и пріучить къ тому, чтобы они шубы снимали въ прихожей. Кое-гдѣ это удалось. Помню одну даже очень многочисленную школу, гдѣ всѣ на урокахъ сидѣли въ кумачныхъ

рубахахъ—точно въ мундирахъ. Это удается въ богатыхъ селахъ. А въ бѣдныхъ, въ особенности въ помѣщичьихъ, никакъ не уговоришь ихъ снять шубы. А объясняется это очень просто. Подъ шубой у нихъ отъ бѣдности такія рубашки, что сами владѣльцы ихъ давно забыли, какого онѣ цвѣта. Отъ этого стыда показать грязное бѣлье и образовалась мода—не снимать шубъ въ комнатѣ.

Понятно, что эта масса шубъ холодныхъ и сырыхъ не способствуетъ оздоровленію школьнаго воздуха.

Воздухъ сильно испортился, сыро; надо провѣтрить комнату; ребята устали; пора быть перемѣнѣ. Куда выйти? Да опять туда же, наружу. А то въ комнатѣ дышать нечѣмъ. Ребята бѣгутъ въ перемѣну и начинаютъ играть въ снѣжки.

Классъ въ это время провѣтривается, т.-е. открывается форточка. На этомъ опять стоитъ остановиться. Русскій народъ, даже въ полуобразованныхъ сферахъ, форточекъ не признаетъ. Въ народѣ и подавно. Поэтому, если школу строила не управа и не образованный человѣкъ, то строится она безъ форточки. Учитель съ самаго своего пріѣзда начинаетъ хлопотать объ устройствѣ таковой, и такъ или иначе добивается своего: форточку дѣлаютъ. Не открывать ее, это—отравляться, мало того—рисковать задохнуться.

Не такъ смотрятъ на это крестьяне. Когда въ морозъ открываютъ форточку, и холодъ густыми клубами валитъ въ комнату, они на это всегда смотрятъ неодобрительно. «Что же мы, для того, что ли, топку-то покупаемъ, чтобы окна отворять въ холодъ такой. Божьяго свѣта не натопишь!» Рѣдкій, я думаю, учитель, попавъ на новое мѣсто, гдѣ крестьяне не привыкли къ школьнымъ порядкамъ, не слыхалъ этихъ рѣчей. Да и гдѣ привыкли,—открывай форточку, но умѣренно. Я зналъ село, гдѣ крестьяне, съ попечителемъ школьнымъ во главѣ, приходили заколачивать форточку. Пришлось начальству убѣждать ихъ, что есть звѣрь, именуемый гигіеной. Этотъ, молъ, звѣрь требуетъ этой жертвы!

Двѣ, три такихъ перемѣны, четвертый урокъ и—маршъ по

домамъ! Вотъ вамъ гигіена зданія и гигіена одежды. Нѣсколько переходовъ съ мороза въ удушливую комнату, гдѣ только учитель да ребята могутъ дышать по привычкѣ,—переходовъ въ одномъ и томъ же костюмѣ съ—20° въ + 20° (бываетъ, сторожъ отъ доброты нажаритъ до банной температуры). Продѣлай-ка эту штуку наши дѣти хоть одйнъ разъ,—что̀ бы было?

Не лучше гигіена и чистоты. Не говоря уже объ одеждѣ,— а одежду и нижнюю, и верхнюю мы уже видѣли,—попробуйте ввести хоть чистоту рукъ и лица. Вѣдь нужны приспособленія, нужно мѣсто, чтобы умыться ста человѣкамъ, а кромѣ маленькой прихожей и ведра съ кружкой для питья ничего нѣтъ. И приходится учителю ограничиваться совѣтомъ, чтобы дома мылись чище и держали бы и руки, и лицо въ чистотѣ. А смой-ка дома чернила съ пальцевъ! Дома мыла отродясь не было.

Процедуру со стрижкой, тоже относящейся къ гигіенѣ чистоты, я уже описалъ.

Что удивительнаго, что дѣти кашляютъ, что у дѣтей насморкъ частый? Что удивительнаго, что вдругъ ученикъ перестаетъ ходить и записывается учителемъ больнымъ, пока въ одинъ прекрасный день его сосѣдъ, входя въ классъ, не скажетъ:

— А Хведька-то померъ! Внутри воспаленіе въ немъ было!

Такъ живутъ, такъ простужаются, такъ умираютъ и въ лучшихъ школахъ. А находятся радѣтели земской копейки, которые только и говорятъ:—«Ну, роскошничайте больше, вѣдь у себя дома они еще хуже живутъ»...—Даже слушать не хочется...

Понятно, что школа другого провѣтриванія, кромѣ форточки, другой дезинфекціи, кромѣ побѣлки лѣтней, не знаетъ.

Сплошь да рядомъ школа-то и является главнымъ очагомъ заразительныхъ болѣзней. Часто, слишкомъ часто для учебнаго дѣла, ее приходится закрывать. Къ сожалѣнію, и это «часто» дѣлается не своевременно. Виною тому—дальность разстояній, медленность почты, земская централизація.

Обыкновенно право закрывать школы оставляютъ за собой земскія управы. Это ведетъ къ такимъ проволочкамъ, къ такимъ перепискамъ учителя, сельскаго и волостного начальства, док-

тора и управы, что часто школа закрывается, когда эпидемія уже прошла, и слѣдовало бы вновь открыть школу.

У насъ, въ Козловскомъ уѣздѣ, дѣло дѣлается нѣсколько проще: закрывать школу предоставлено участковому земскому врачу. Но и тутъ дѣло иногда затягивается перепиской и недосугомъ врача немедленно пріѣхать, чтобы констатировать болѣзнь.

Въ церковныхъ школахъ это дѣло вовсе не организовано, такъ какъ нѣтъ связи между школой и медицинскимъ персоналомъ. Укажу двѣ крайности. Школа закрывается самимъ завѣдывающимъ, потому что ему показалось, что на селѣ эпидемія, когда никакой эпидеміи нѣтъ. Другая крайность: переписка затянулась настолько, что пришло вакаціонное время, а вопросъ все еще не былъ окончательно рѣшенъ.

21. Школьные попечители.

Законъ, повидимому, отводитъ школьнымъ попечителямъ довольно высокое мѣсто въ школьной іерархіи. Дѣйствительно, учитель назначается уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, а попечитель утверждается губернскимъ совѣтомъ по представленію уѣзднаго земскаго собранія. Независимо отъ того, что дѣломъ назначенія школьнаго попечителя занимается многочисленное земское собраніе, и что окончательное рѣшеніе вопроса доходитъ до губернскаго учрежденія, потребное на это время иногда бываетъ гораздо больше года, ибо земское собраніе въ очередныхъ засѣданіяхъ собирается только разъ въ годъ.

Сперва трудно себѣ представить, что дѣло топки и освѣщенія школы считается болѣе серьезнымъ, чѣмъ преподаваніе. Однако, практика нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., Тверской губерніи, показываетъ, что назначенію того или другого лица на должность школьнаго попечителя придается иногда такое значеніе, котораго оно врядъ ли заслуживаетъ. Ничто такъ старательно

у насъ не обезличивается, ничто не придерживается такъ близко къ разъ установленной нормѣ, какъ школа. А школа-то и боится нормировки! Плохой учитель тотъ, который не вноситъ ничего своего въ своемъ общеніи съ классомъ. Извѣстны блестящіе результаты преподаванія въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ школахъ, гдѣ стоящіе во главѣ не связаны никакой трафареткой.

Я возьму такой примѣръ: въ учителя сельской школы поступаетъ университантъ изъ любви къ дѣлу. За преподавателемъ изъ учительской семинаріи, изъ старыхъ дьячковъ, изъ черничекъ или изъ солдатъ надзора никакого не будетъ. А за университантомъ двойной—школьный и внѣшкольный. Удивляйтесь послѣ этого, что интеллигентъ бѣжитъ изъ деревни. Нѣтъ, не одно марксистское доктринерство погнало молодежь въ города!

А между тѣмъ, какъ много пользы приноситъ школѣ дѣйствительно интеллигентный попечитель! Сейчасъ онъ сходится съ учителемъ, помогаетъ ему переносить одиночество, иногда въ деревнѣ невыносимо тяжелое, даетъ ему книгъ, а главное—вмѣстѣ съ нимъ вырабатываетъ общій планъ дѣйствій въ школѣ и совѣтомъ поддерживаетъ въ каждомъ отдѣльномъ затруднительномъ случаѣ.

Но такая, повидимому, благотворная дѣятельность оказывается въ высокой мѣрѣ противозаконной. Попечитель, если онъ имѣетъ извѣстный образовательный цензъ, можетъ быть назначенъ предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи въ своей школѣ, но въ теченіе года онъ знай свою топку да прочее хозяйство... и больше ничего. А въ школьное дѣло отнюдь не смѣй вмѣшиваться. А вѣдь дорого-то преподаваніе...

Многія земства старались выработать инструкціи школьнымъ попечителямъ. Нѣчто кое-гдѣ и было написано, но врядъ ли это написанное принесло какую-либо пользу. Мы въ Козловѣ откровенно доложили земскому собранію, что въ виду разношерстности попечителей—общей инструкціи составить нельзя. Есть попечитель-богатый человѣкъ. Онъ всѣ вопросы рѣшаетъ тѣмъ, что при надобности выдастъ потребную сумму денегъ. Есть попечитель-священникъ, добрый крестьянинъ и маленькій интел-

лигентъ, записывающій каждую копейку и заботящійся о малѣйшей школьной потребности. Есть попечитель-міроѣдъ, требующій отъ учителя поклоновъ и совмѣстнаго «гулянья» и старающійся изъ веденія школьнаго хозяйства выгадать сколько-нибудь для своего собственнаго. Очевидно, что для всѣхъ нихъ общей инструкціи не составишь.

Для школы земской, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ учителя и сторожа, очевидно, нуженъ попечитель. Не всякій учитель съумѣетъ исполнять и попечительскія обязанности; а затѣмъ деньги—крестьянскія. Крестьяне же и имѣютъ право выбирать то лицо, которое эти деньги расходуетъ. Поэтому земскія собранія и передаютъ въ такихъ случаяхъ право выбора сельскимъ сходамъ, сами же только представляютъ выбранныхъ сходами попечителей на утвержденіе губернскаго училищнаго совѣта. Въ рѣдкихъ случаяхъ учитель можетъ вести хозяйство. Нельзя же, напримѣръ, возлагать эти обязанности на учительницъ: онѣ не справятся. Поэтому во всѣхъ земскихъ школахъ есть попечитель, хотя часто эта должность такъ замѣщена, что лучше бы оставалась вакантной.

Мелкой земской единицы до сихъ поръ нѣтъ, и не видать еще, когда она будетъ. А потребность въ мѣстныхъ хозяйственныхъ органахъ очевидна. На этой почвѣ возникла въ послѣднее время мысль замѣнить школьныхъ попечителей попечительными совѣтами изъ нѣсколькихъ лицъ. Очевидно, въ эти совѣты пошли бы лица, которыя теперь боятся взять на себя единоличную отвѣтственность за веденіе школьнаго хозяйства. А отвѣтственность эта иногда бываетъ очень щекотлива, тѣмъ болѣе, что приходится отвѣчать передъ цѣлымъ сходомъ, гдѣ иногда большую роль играютъ личныя отношенія.

Въ школьный совѣтъ предсѣдателемъ пошелъ бы докторъ, иногда мѣстный помѣщикъ, котораго не испугала бы перспектива собрать у себя членовъ совѣта нѣсколько разъ въ году. Членами совѣта были бы священникъ, фельдшеръ, старшина, лавочникъ, нѣсколько крестьянъ. Одинъ честный и убѣжденный голосъ въ такомъ совѣтѣ можетъ остановить разныя безобразія

и упущенія, возможныя при единоличномъ веденіи дѣла. Хорошаго попечителя совѣтъ не свяжетъ, плохого замѣнитъ съ большою для дѣла пользой.

Къ этому направлены теперь многочисленныя ходатайства земствъ и учительскихъ съѣздовъ. Въ высшей степени желательно, чтобы эти ходатайства увѣнчались успѣхомъ.

Какъ въ земскихъ школахъ въ рѣдкихъ случаяхъ можно обойтись безъ попечителя, такъ въ церковныхъ эта должность весьма рѣдко замѣщается, и почти всегда излишняя. Дѣло въ томъ, что въ церковной школѣ, въ лицѣ священника, имѣется завѣдывающій, который является полнымъ хозяиномъ школы какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части. Къ чему же тутъ еще выбирать попечителя-крестьянина?

Выбираютъ иногда и въ церковныхъ школахъ попечителей; но это званіе болѣе вызываетъ представленіе о почетѣ, нежели объ обязанностяхъ, сопряженныхъ съ нимъ. Такими попечителями являются исключительно жертвователи или лица, отъ которыхъ надѣются получить жертву. Ограничиваются они тѣмъ, что жертвуютъ денегъ или матеріаловъ какихъ-нибудь, не вникая въ то, какъ эта жертва будетъ использована. Иначе возможны столкновенія съ отцами завѣдывающими.

Думаю, что въ церковно-приходскихъ школахъ попечительные совѣты немыслимы. Поставить ихъ въ полную зависимость завѣдывающихъ невозможно, потому что это несовмѣстимо съ достоинствомъ коллегіальнаго учрежденія. Съ другой стороны, предоставить совѣту хозяйственную часть въ полное распоряженіе тоже нельзя, ибо это сейчасъ же вызоветъ пререканія съ священникомъ. А этихъ ссоръ и жалобъ, слава Богу, довольно и безъ этого. Лучше ужъ оставить школьное хозяйство всецѣло въ рукахъ священника, хотя бы отъ его безконтрольности, а потому и произвола и возникали неудобства и даже злоупотребленія—эти спутники произвола.

22. Требованія, предъявляемыя къ учителю.

Когда юноша или молодая дѣвица хотятъ поступить въ преподаватели сельской школы, первое, что отъ нихъ требуется, это—аттестатъ, и аттестатъ не маленькій. Хорошіе земскіе учителя и учительницы имѣютъ въ своемъ дѣтствѣ лѣтъ десять ученія, кончили ли они въ женской гимназіи или епархіальномъ училищѣ, въ учительской семинаріи или четыре класса духовной семинаріи. Есть, конечно, и такіе, которые меньше учились, но на тѣхъ и смотрятъ искоса, и мѣста получаютъ они самыя послѣднія.

Я сказалъ: юноша или молодая дѣвица, потому что кто же начнетъ учительскую карьеру въ зрѣломъ возрастѣ? Для этого нужны еще крѣпкіе и незатронутые жизнью идеалы.

Итакъ, отъ юноши или дѣвицы потребовали десятилѣтней школьной подготовки съ тѣми физическими лишеніями и нравственными мученіями, съ которыми обыкновенно соединяется для бѣдныхъ людей ученіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— А вы школьное пѣніе вести умѣете?—слѣдуетъ вопросъ.

Лицо начальства проясняется при утвердительномъ отвѣтѣ, хмурится при отрицательномъ.

— И въ церкви можете регентовать?

Дѣвицы обыкновенно отъ регентства отказываются, юноши смѣлѣе—берутся регентовать.

— Ну, а на счетъ садоводства? Хорошо бы вотъ въ Голобовкѣ развести садъ, какъ въ Вышневомъ...

Юноша берется и за садъ, дѣвица отказывается. Юноша дѣлается милѣе, шансы дѣвицы, наоборотъ, уменьшаются.

— Вы, надѣюсь, ознакомились съ ручнымъ трудомъ?

Отвѣтъ почти всегда отрицательный.

— Какъ же такъ? Вѣдь ручной трудъ предполагается у насъ сдѣлать обязательнымъ. Ну, впрочемъ, надо будетъ устроить лѣтомъ курсы ручного труда для учителей... Да, я забылъ—

вопросъ обращается къ юношѣ—при садѣ надо непремѣнно устроить пасѣку. Өедоръ Андреевичъ желаетъ, чтобы разводили пчелъ при школахъ. Вы умѣете?

Юноша мнется. Оказывается, онъ пчелъ видалъ.

Я ужъ не спрашиваю: завѣдывать библіотекой, вести народныя чтенія, воскресныя занятія, повторительные курсы—это все у насъ обязательно.

Просители молча кланяются.

— Вы, конечно, и рукодѣліемъ будете заниматься съ дѣвочками?

Вопросъ этотъ обращенъ къ дѣвицѣ, которая, краснѣя, радуется, что можетъ дать утвердительный отвѣтъ.

Экзаменъ конченъ. Юноша направленъ въ Гололобовку, гдѣ надо разводить садъ; дѣвица—въ деревню Юрловку, гдѣ церкви нѣтъ, и пѣнье не такъ нужно.

— Да помните: надо прежде всего ладить съ населеніемъ и съ батюшками. А вамъ и съ помѣщикомъ...

Юноша и дѣвица уже бѣгутъ. Они учителя. Ихъ мечта исполнилась. Они будутъ способствовать распространенію свѣта на Руси. Они счастливы...

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Къ гололобовской школѣ подъѣзжаютъ сани съ колокольчикомъ. Входитъ инспекторъ.

— Что вы тутъ накуралесили? Разскажите-ка!

— Я ничего не знаю... Позвольте узнать...

— Позвольте узнать! Позвольте узнать!... А это что? Цѣлый листъ батюшка исписалъ. А я за васъ краснѣй въ училищномъ совѣтѣ.

— Да за что же краснѣть, коли я ничего не сдѣлалъ?

— Прошу не разговаривать со мной! Кабы ничего не сдѣлали, не сталъ бы батюшка писать цѣлый листъ про васъ. Что вы крестьянъ располагаете противъ него въ дѣлѣ постройки церкви, что вы съ нимъ такъ грубо обходитесь, что онъ въ школу ходить не можетъ...

— Но вѣдь это же неправда!

— Нѣтъ-съ, правда! А если и неправда, то я требую, чтобы

этой неправды въ училищномъ совѣтѣ больше не было. Я вамъ говорилъ, что съ батюшкой надо ладить. И еще разъ повторяю. Если это еще хоть разъ повторится, я васъ въ низшій разрядъ переведу, а то вовсе вонъ попрошу. Вашего брата теперь сколько угодно шляется...

На этомъ инспекторъ уѣхалъ, оставивъ учителя размышлять, какъ ладить съ батюшкой... Его идеалы сильно пошатнулись...

Не легче предъявлялось къ учителю требованіе ладить съ народомъ. Это тѣмъ болѣе трудно, что ладить приходится различно. Одни требуютъ одного, другіе другого. Напримѣръ, крестьяне требуютъ партеснаго пѣнія съ возможностью всѣмъ, въ особенности басамъ, кое-гдѣ дернуть во всю на верхахъ—иначе пѣвчіе не только на спѣвку не придутъ, но и вовсе на клиросъ не станутъ; а батюшка требуетъ, согласно циркуляру преосвященнаго, обиходнаго пѣнія, на гласы и притомъ возможно тихаго—иначе, говоритъ, велитъ пѣть дьячку, а пѣвчихъ съ клироса прогонитъ...

Крестьяне требуютъ отъ учителя примѣрной жизни: къ женщинамъ близко не подходи; посты всѣ соблюдай, хотя бы у тебя началась чахотка; въ церковь ходи не только къ обѣднѣ, но и къ заутрени; пой въ церкви и на спѣвкахъ. Одно послабленіе готовы сдѣлать учителю крестьяне—это въ выпивкѣ. Они готовы всегда и сами съ нимъ выпить. И за грѣхъ это не считаютъ, даже когда батюшка выпиваетъ лишнее, не то что учитель...

Зато къ вину страшно строго относится начальство, и если, не дай Богъ, узнаетъ, что учитель былъ выпивши,—ему плохо бываетъ. Надо, впрочемъ, оговориться; крестьяне не осудятъ, если учитель напьется, при двухъ условіяхъ: чтобы къ утру онъ былъ на дѣлѣ и занимался съ ребятами, и чтобы онъ пилъ съ ними, не гнушаясь ихъ. Если же онъ будетъ пить съ духовенствомъ, помѣщикомъ, писаремъ, избѣгая крестьянъ,—они ему этого не простятъ. Начальство же требуетъ абсолютной трезвости.

Итакъ, отъ учителя требуется комбинація качествъ, которой

не найти ни въ комъ другомъ. Учитель долженъ при ужасной обстановкѣ добиться прекрасныхъ, сравнительно, успѣховъ. Учитель долженъ знать многое, прямо къ его учительству не относящееся. Учитель долженъ быть человѣкомъ высокой нравственности и очень твердаго характера. Учитель долженъ быть искуснымъ дипломатомъ... И что удивительно,—это то, что всѣ эти рѣдкія свойства часто встрѣчаются въ учителѣ. Еще чаще умудряется все это комбинировать учительница. Невольно напрашивается вопросъ: многіе ли изъ многочисленнаго начальства учителя годятся въ учителя?

Чуть-чуть было не забылъ еще пристяжныхъ обязанностей. Земское собраніе. Предстоитъ перепись. Возникаетъ вопросъ: будутъ ли въ достаточномъ числѣ счетчики? Гласный обращается къ управѣ:—Вы бы написали учителямъ, чтобы они въ отпускъ не ѣздили нынѣшній годъ, въ виду переписи.—Ну, что-жъ, напишемъ.—И учителя въ отпускъ не ѣдутъ и занимаются переписью.

Или голодъ. Затрудняются провѣрять списки нуждающихся (я сознательно допустилъ маленькій анахронизмъ). Гласный:

— Константинъ Гавриловичъ, вы бы приказали учителямъ помогать членамъ управы.

— Ну, что-жъ? Я прикажу.

Другой гласный:

— Освободить ихъ, значитъ, отъ ихъ прямыхъ обязанностей на это время?

— Что вы?! что вы?! Развѣ можно. Они это какъ-нибудь по вечерамъ...

Кстати: я не помню случая, чтобы собраніе благодарило учителей за произведенную ими необязательную работу. Отказываться они ни отъ чего не смѣютъ.

Въ церковныхъ школахъ дѣло обстоитъ проще. Я не говорю про незначительность требованій, предъявляемыхъ къ учителямъ школъ грамоты,—я говорю про всѣхъ учителей церковныхъ школъ. Насколько низокъ ихъ образовательный уровень,—много разъ выводилось цифрами. Но главное, что́ составляетъ разницу

между ними и земскими учителями, это то, что у нихъ одинъ прямой и близкій начальникъ—завѣдывающій. Земскій учитель имѣетъ различное начальство, и притомъ далеко. Земскій учитель долженъ ладить и съ священникомъ, и съ помѣщикомъ, и съ попечителемъ, и съ крестьянами. Всѣмъ имъ онъ долженъ нравиться. Церковно-приходскій учитель долженъ нравиться одному завѣдывающему. Онъ его и отъ наблюдателя защититъ. Тѣмъ хуже для учителя, если онъ съ завѣдывающимъ не сошелся,—пиши пропало, собирай пожитки и переѣзжай въ другое мѣсто. Зато, если понравился завѣдывающему, все ему простится, даже безграмотность, даже винопитіе. Мѣсто его будетъ очень прочно.

Не правда ли въ церковной школѣ легче учительствовать, чѣмъ въ земской?

23. Условія учительской работы.

Въ предыдущей главѣ я изложилъ требованія, предъявляемыя къ учителю. Это, такъ сказать, ихъ debet. Теперь посмотримъ каковъ ихъ credit. Я больше остановлюсь на нравственныхъ условіяхъ учительской работы, чѣмъ на матеріальныхъ. Ибо что сказать о матеріальныхъ условіяхъ ихъ жизни, что̀ не было бы тысячу разъ сказано и пересказано?

Учитель (буду опять употреблять это слово въ общемъ родѣ) получаетъ отъ подлежащаго вѣдомства жалованье и квартиру. Подъ квартирой подразумѣвается помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и подобіе слуги, въ видѣ сторожа. Иногда квартиры нѣтъ. Одно жалованье. Не говорю про шуточное жалованье въ 5 руб. въ годъ, выдаваемое въ нѣкоторыхъ школахъ грамоты. Это дается, очевидно, не настоящимъ учителямъ. Но и настоящіе есть,—то-есть такіе, которые исключительно учительскимъ жалованьемъ живутъ, — получающіе отъ 10 до 12 руб. въ мѣсяцъ.

Такіе есть и въ земскихъ, и въ церковныхъ школахъ. Разница въ томъ, что въ земскихъ такихъ меньшинство, даже маленькое, въ церковныхъ большинство, и притомъ большое. Но за грѣхъ давать такое жалованье не считаетъ ни то, ни другое вѣдомство.

Такъ вотъ: когда учитель получаетъ рублей 120 въ годъ, да безъ квартиры (въ такихъ-то школахъ квартиръ часто и не бываетъ), происходитъ весьма естественное явленіе: онъ умираетъ съ голоду. Это смерть не патологическая, а физіологическая. Впрочемъ, виноватъ, это смерть патологическая, ибо онъ не непосредственно умираетъ отъ голода, а голодомъ пріобрѣтаетъ разныя болѣзни, отъ коихъ и умираетъ.

Фактъ грубый, но фактъ.

Оттого вы рѣдко встрѣтите стараго учителя. И не то, чтобы очень бѣжали (бѣгутъ, да не очень) на другія службы, а больше умираютъ отъ чахотки, отъ катарровъ, отъ помѣшательства... одно слово—умираютъ и... открываютъ вакансіи другимъ. Такова обстановка матеріальная, всѣмъ извѣстная, но, видимо, мало смущающая совѣсть насадителей народнаго образованія... Иначе они поспѣшили бы исправиться...

Перехожу къ условіямъ нравственнымъ учительской жизни.

Пріѣзжаетъ учитель въ школу. У него полна голова идеаловъ. Это носитель свѣта, другъ юношества, работникъ на пользу родины. Онъ знаетъ кое-какъ, больше теоретически, первоначальныя методики, иногда онъ предвкушаетъ возможность дѣйствовать и на развитіе дѣтей. На первомъ же урокѣ его какъ обухомъ ударяетъ дѣйствительность. Онъ думалъ, что будетъ говорить съ классомъ въ теченіе часа, что классъ его будетъ слушать и будетъ отъ него поучаться. Не тутъ-то было. У него три отдѣленія.

Въ заведеніи, гдѣ онъ учился, онъ на пробные уроки ходилъ, но тамъ было три или, по крайней мѣрѣ, двѣ комнаты и три или два учителя одновременно. Такъ было съ епархіалками, съ гимназистками, съ семинаристами. Въ рѣдкихъ учительскихъ семинаріяхъ дѣлаютъ искусственно классъ изъ трехъ отдѣленій. Это какъ бы представленіе сельской школы. Но это не сельская

школа. Дѣти сидятъ передъ цѣлымъ классомъ семинаристовъ и передъ учителемъ методики. Здѣсь другая атмосфера, чѣмъ въ сельской школѣ. Все заготовлено: бумага, карандаши, перья — все есть. Ученикъ даетъ пробный урокъ старшему отдѣленію, а кто-нибудь изъ товарищей его шепчетъ младшему, когда оно невнимательно относится къ своей самостоятельной работѣ: — «Тише, тише, не мѣшайте»...

Совсѣмъ не то въ сельской школѣ. Кое-какъ размѣстилъ дѣтей учитель, кому задалъ самостоятельную работу, съ кѣмъ самъ занимается. Только ротъ открылъ, а ужъ бѣжитъ какой-нибудь мальчуганъ изъ другого отдѣленія.

— Петръ Ивановичъ, у меня карандашъ сломался!...

За нимъ другой, третій, десятый...

— Петръ Ивановичъ, выйти позвольте!..

— Петръ Ивановичъ, я доску забылъ дома...

— Петръ Ивановичъ, у меня голова болитъ...

И долженъ Петръ Ивановичъ этому очинить карандашъ, этому доску дать, этого выпустить, у этого голову пощупать, нѣтъ ли жару... Кого пожурить, кому напомнить что, кого похвалить...

И въ этихъ мелочахъ проходитъ урокъ. И онъ ничего не успѣлъ сказать. И успѣхи-то плохи. И ничего-то онъ имъ не внушилъ. А о развитіи дѣтей и думать надо перестать. И идеалы улетаютъ куда-то туда... далеко... остается будничная жизнь... и тяжелая какая!

Это я только такъ говорю: три отдѣленія. А въ дѣйствительности съ отсталыми въ каждомъ отдѣленіи ихъ образуется цѣлыхъ шесть. Если взять отъ перваго ученика старшаго отдѣленія до послѣдняго ученика младшаго, получится непрерывная цѣпь. Дѣли ихъ тутъ на группы!

Это отсталые! А дикіе въ классѣ, т.-е. такіе, которые ни по ученію, ни по поведенію никуда не годятся? Они только мѣшаютъ все время. А исключить ихъ иногда нельзя. Родители обидятся, а за ними все село...

И учителю неимовѣрно тяжело. Нравственныя страданія при-

соединяются къ матеріальнымъ недостаткамъ, и получается усиленіе чахотокъ и неврастеній... Хуже того!—получается упадокъ духа. Да и какъ не упасть духомъ, когда учитель прекрасно знаетъ отношеніе къ нему народа?

Народъ не понимаетъ трудности учительской задачи. Онъ въ разсчетъ нравственныхъ страданій не принимаетъ; онъ видитъ только физическій трудъ. А физическій трудъ понимаетъ только въ смыслѣ мускульномъ.

— Ему что?—услышите вы сплошь да рядомъ про учителя,—ему легко. Соберутся ребята: онъ съ ними только зубы почешетъ, и все тутъ. А лѣто свободное! Да онъ всего полгода работаетъ и языкомъ-то... Нѣтъ, попробовалъ бы онъ покоситься рабочую пору, да попахаться...

Что говорить! Трудно косить и пахать, въ особенности, когда кромѣ хлѣба пищи нѣтъ другой... но учительскій трудъ еще тяжелѣе. По крайней мѣрѣ, судя по ихъ испитымъ лицамъ и по числу чахоточныхъ... И если что̀ примиряетъ съ числомъ всероссійскихъ праздниковъ, то развѣ мысль о томъ, что сегодня, молъ, отдыхаютъ бѣдныя учительскія легкія! Да, не будь праздниковъ, да лѣта свободнаго, на второмъ году они бы лопнули! Это я не преувеличиваю. Стоитъ вамъ посмотрѣть на учителя весной и подумать, что̀ бы стало съ нимъ черезъ годъ, не будь лѣта и праздниковъ.

А начальство? Казалось бы, послѣ немалаго числа лѣтъ ученья и при предъявляемыхъ къ учителю требованіяхъ, что онъ въ правѣ разсчитывать, если не на матеріальную обезпеченность, то хотя бы на внѣшнее уваженіе начальниковъ и общества. Не тутъ-то было!

Учитель не въ томъ приниженномъ положеніи, какъ волостной писарь. Всѣ не считаютъ себя обязанными его «тыкать»... нѣтъ. Но и немногимъ лучше положеніе учителя... Не каждому начальство подаетъ руку, не всякаго сажаетъ иной малограмотный помѣщикъ, въ особенности при гостяхъ... Я знаю людей высокообразованныхъ или, по крайней мѣрѣ, считающихся таковыми, которые требуютъ, чтобы учительница повязывалась

платочкомъ. Они забываютъ, что эти учительницы учились, что онѣ ведутъ народъ русскій къ свѣту, что сними онѣ шляпки, съ ними каждый съ удовольствіемъ начнетъ обращаться какъ съ горничными. Вспомните земскаго начальника, не только «тыкавшаго» учителей своего участка, но и заставлявшаго старостъ говорить имъ «ты». Вспомните старшину, сажающаго учителя въ тигулевку, когда этотъ учитель изъ крестьянъ. Вспомните «дурака», отечески слетающаго съ устъ недовольнаго инспектора,—и вы увидите, что я правъ... А ужъ больше двухъ пальцевъ ему рѣдкій подастъ...

Да! А запрещеніе жениться или замужъ выходить вамъ извѣстно? Это, конечно, не вездѣ. Но хорошо, что это бываетъ и кое-гдѣ. Ну, что женщина не человѣкъ—мы это слыхали, что дѣторожденіе мѣшаетъ правильнымъ занятіямъ... пусть! А мужчинамъ не давать жениться? Развѣ это не издѣвательство надъ человѣческой личностью? И они молчатъ... и несутъ крестъ... Между тѣтъ вдвоемъ лучше нести свой крестъ. Мужъ—учитель, жена—помощница,—право, чудная картина, даже при маленькихъ дѣтяхъ! А запрещающій?... у него не одна, а двѣ семьи... но и знаки наплечный, нагрудный, пуговицы, кокарды,—все это есть, а у учителя ничего! Да и семинарія-то его считается низшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Я никакъ не могу согласиться съ тѣми, которые этотъ крестъ считаютъ для учителя обязательнымъ. Можно ожидать подвига отъ одного, двухъ, десяти человѣкъ, а требовать ихъ отъ цѣлаго класса людей нельзя. Неизбѣжно уровень класса понизится. И кто будетъ виноватъ? Учителя? Нѣтъ-съ. Виновато общество фарисеевъ, пьющихъ, развалясь, ликеръ послѣ обѣда и требующихъ съ другихъ подвига голоданія, подвига уничиженія, подвига дѣвства. Горе имъ, книжникамъ и фарисеямъ-лицемѣрамъ!

---

24. Учителя и учительницы.

Женщина, обиженная природой и на каждомъ шагу обижаемая людьми, только въ одной сферѣ пріобрѣла себѣ права гражданства (и то неполныя, какъ мы увидимъ), это—въ сферѣ народной школы. Боюсь даже, не кажущееся ли это явленіе. Не потому ли примиряются съ господствующимъ положеніемъ женщины въ народной школѣ, что положеніе учительское такъ плохо, что не жалко пустить туда и женщину? А вѣдь признаться въ этомъ нельзя. Надо занять у кого-нибудь доспѣхи. И вотъ тутъ, и только тутъ, мы дѣлаемся феминистами и признаемъ разныя преимущества женщины въ веденіи школьнаго дѣла.

Но посмотримъ на вопросъ объективно.

Опытному руководителю школами уѣзда, гдѣ таковыхъ много, необходимо имѣть и учителей, и учительницъ. И тѣ и другія имѣютъ свои преимущества и свои недостатки. Умѣло распредѣлить учащій персоналъ—одна изъ важныхъ задачъ руководителя. Принимать во вниманіе при опредѣленіи учителя на мѣсто нужно не только его личныя качества и способности, но и свойства жителей того села, отдѣльныхъ лицъ, живущихъ тамъ, помѣщика, или священника, или старшины, даже мѣстной дѣтворы, иногда отличающейся отъ дѣтворы сосѣдняго села.

Бываютъ изъ числа вліятельныхъ жителей села, напримѣръ, изъ числа священниковъ, такіе, что имъ ни капельки нельзя уступать. А то доймутъ жалобами и разными интригами какъ по начальству, такъ—что́ иногда еще опаснѣе—и между мѣстными жителями. Сюда надо послать тактичнаго, исполнительнаго учителя, вѣжливаго съ другими, но и такого, что не дастъ и себѣ на ногу наступить.

Есть, наоборотъ, мѣста, гдѣ крестьяне способны на проявленія совершенной вѣжливости и привязанности къ самымъ тихимъ, скромнымъ, иногда недалекимъ учительницамъ, кромѣ слезъ не

имѣющимъ другого орудія борьбы. Тутъ учитель, пожалуй, будетъ меньше подстать, чѣмъ учительница. Я зналъ поразительный случай дружбы крестьянъ захолустной деревни съ ихъ учительницей. Она имъ писала бумаги, къ ней ходили за совѣтами всякаго рода.

Когда она уѣзжала, плакали дѣти, бабы и мужики. А учительница была, повидимому, изъ обыкновенныхъ и успѣхами не отличалась. Такихъ близкихъ отношеній къ учителю я не видалъ.

Въ селахъ учитель болѣе подходящъ, а въ деревняхъ учительницы. Во-первыхъ потому, что въ селахъ школъ больше, больше учениковъ, а у учителя, какъ-никакъ, больше силы, голосъ громче; а во-вторыхъ, потому, что съ учительствомъ въ селахъ связано часто регентство въ церкви. Есть мѣста, гдѣ крестьянъ сильно въ этомъ отношеніи избаловали, конечно, въ ущербъ здоровью и правъ учителя. Въ такихъ мѣстахъ, кого ни пошли, лишь бы регентовалъ. Пробовали ихъ отучать отъ дарового регента, посылали учительницъ, такъ приговоръ летѣлъ за приговоромъ: перемѣните учительницу, дайте съ пѣніемъ. Во избѣжаніе скандаловъ, часто имъ уступали. Есть, впрочемъ, и учительницы съ пѣніемъ, и при томъ не только въ школѣ, чего крестьяне не цѣнятъ, но и въ церкви на клиросѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ чисто женскихъ школахъ учительница лучше учителя. Говоря о дѣвочкахъ, я уже упоминалъ, что это матеріалъ замѣчательно благодарный. Строптивости въ нихъ очень мало. Слезы и истерическія всхлипыванія,—другого орудія сопротивленія онѣ не имѣютъ. Тутъ мужчина слишкомъ грубъ, нужны женскія руки, женская рѣчь. У насъ въ женскомъ училищѣ одно время преподавалъ ариѳметику учитель. Прекрасный, опытный учитель. Такъ нѣтъ же: не годился! И почему? Потому что слишкомъ громкимъ разговоромъ пугалъ учениць. Не то, что онъ на кого-либо сердился... нѣтъ. А такъ, увлечется объясненіемъ предмета, раскричится, самъ себя не помня, и вдругъ... о, ужасъ! классъ плачетъ. Самъ, бывало, испугается, успокаиваетъ ихъ, завѣряетъ, что не сердился,

что это у него дурная привычка... Тутъ одно остается: взять учительницу, хотя бы она была хуже.

А что по ариѳметикѣ учительница хуже учителя, это несомнѣнный фактъ. Я ужъ говорилъ, что дѣвочки хуже усваиваютъ ариѳметику, чѣмъ мальчики. То же можно сказать и про учителей. Коли входите вы въ школу, гдѣ учительница, вы почти безошибочно можете сказать, что тутъ ариѳметика хромаетъ! Я это говорю и утверждаю не по одной Тамбовской губерніи. Да проститъ меня память Софіи Ковалевской! Да простятъ меня многія учительницы, въ этомъ не признающіяся. Мало имъ, что я отдаю имъ пальму первенства въ русскомъ чтеніи. А это вѣдь главное!

Съ замѣтнымъ, за послѣднее время, теченіемъ, что дѣвочки переходятъ въ школы церковныя, а мальчики остаются въ земскихъ, какъ будто и преподавателямъ назначается свое вѣдомство. Оно и естественно. Вы рѣдко найдете учителя въ церковно-приходской школѣ. Содержаніе слишкомъ незначительно. Затѣмъ. учительница скорѣе способна подчиниться завѣдывающему. Затѣмъ, завѣдывающій часто имѣетъ взрослую дочь, которую помѣстить надо, сыновья же идутъ на лучшія дѣла, даже неудачники. Я говорю, конечно, о настоящихъ школахъ, а не о школахъ грамоты, гдѣ и пьяный солдатъ сходитъ за учителя.

Я лично стою за учительницъ и въ мужскихъ школахъ. И вотъ почему:

Возьмите вы массу учительницъ и посмотрите, откуда онѣ: гимназистки, епархіалки, рѣдко прогимназистки, еще рѣже преподающія по свидѣтельствамъ на званіе учительницы. Возьмите массу учителей. Изъ окончившихъ среднее образованіе—единицы—окончившіе духовныя семинаріи и чающіе священническаго мѣста. Изъ остальныхъ большинство неудачники изъ духовныхъ училищъ и семинарій (а неудачникъ—все-таки неудачникъ, да простятъ меня исключенія!); затѣмъ окончившіе учительскія семинаріи—ихъ ужъ не такъ много, какъ нужно бы. Къ тому же за послѣдніе годы замѣчается—наблюденіе сдѣлано не мною однимъ—упадокъ въ развитіи воспитанниковъ учитель-

скихъ семинарій. Наконецъ, многіе учителя по свидѣтельству, что уже весьма плохо.

Что же мы изъ этого можемъ заключить? Громадное большинство учительницъ—съ среднимъ образованіемъ. Громадное большинство учителей—средняго образованія не имѣютъ. Это понятно: трудъ женскій дешевле; на одно и то же мѣсто идутъ женщины съ бо́льшимъ развитіемъ, чѣмъ мужчины.

Мнѣ кажется такъ: если мужчина имѣетъ искорку, если онъ идетъ въ учителя не только ради куска черстваго хлѣба, а ради пользы, которую намѣренъ приносить, то онъ путемъ саморазвитія догонитъ и перегонитъ учительницу со среднимъ образованіемъ. Онъ къ тому сильнѣе физически. Поэтому я думаю, что выдающійся учитель еще выше выдающейся учительницы. Но средняя учительница безусловно гораздо выше средняго учителя. А такъ какъ правило надо выводить, основываясь не на исключеніяхъ, а на большинствѣ среднихъ людей, то... извините, господа учителя, но я обѣщался говорить правду!

Спѣшу оговориться: это мое личное наблюденіе, и его я никому не навязываю. Въ обществѣ же существуютъ самыя различныя воззрѣнія на этотъ предметъ. Есть и между земцами, и между спеціальными педагогами еще такіе, которые принципіально смотрятъ на женщину, какъ на существо низшее, и eo ipso предпочитаютъ учителей. Есть и ничего не наблюдавшіе и стоящіе за мужчинъ, если считаютъ это болѣе приличнымъ, а иные за женщинъ, чтобы показаться болѣе передовыми.

Не могу подъ конецъ не обратить вниманія на возмутительное, по-моему, и нелѣпое явленіе.

Есть земства, гдѣ жалованье связано съ мѣстомъ. Въ такомъ-то селѣ былъ учитель, получалъ столько-то. На его мѣсто назначается учительница; она получаетъ столько же. Но есть земства, гдѣ жалованье связано съ лицомъ, его получающимъ. Учитель съ такими-то правами, въ какой бы школѣ онъ ни былъ, получаетъ столько-то, съ другими правами получаетъ больше или меньше. Ну, это еще понятно. Предполагается, что качество работы иное. Но при этомъ женщина получаетъ всегда меньше

мужчины. Вѣдь никто не скажетъ, что учитель, со свидѣтельствомъ уѣзднаго училища, лучше учительницы, прошедшей семь классовъ гимназіи.

Выходитъ такъ: одинъ и тотъ же трудъ оплачивается различно не по качеству труда, а по тому, кто его исполняетъ. Никому не придетъ въ голову, когда онъ покупаетъ какую-нибудь вещь, спросить, кто ее сдѣлалъ, съ тѣмъ, чтобы заплатить дороже, если ее сдѣлалъ мужчина, и дешевле, если работа женская. А въ учительскомъ трудѣ, —да и не въ немъ одномъ—это именно такъ.

Ну, не нелѣпо ли это? Не безбожно ли?

---

25. Подготовка учителей.

Одной изъ причинъ медленнаго развитія школьнаго дѣла иногда выставляютъ недостатокъ учителей.

— Да что вы все толкуете про школы?—говорятъ намъ.— Не торопитесь. Приготовьте сначала хорошихъ учителей, а затѣмъ открывайте школы. А то кричатъ про общедоступность да про обязательность, а главнаго-то не подготовили—учителей!

— Не вѣрьте говорящимъ это,—возражу я.—Невѣрно говорятъ они, да и не искренно.

Не искренно говорятъ это потому, что вы возраженіе это услышите именно отъ тѣхъ, которые имѣли бы власть и возможность заняться массовой подготовкой учителей, и что адресуется оно тѣмъ, которые сей власти и возможности не имѣютъ, какъ бы ни было велико ихъ желаніе.

Но возраженіе это мнѣ кажется не только не искреннимъ, но и не вѣрнымъ. Боюсь, что многіе педагоги меня упрекнутъ въ ереси. Но дѣло въ томъ, что я не вѣрю ужъ очень въ эту спеціализацію преподавателей. Въ модѣ учитель-спеціалистъ, а по-моему долженъ быть въ модѣ учитель, получившій достаточ-

ное общее развитіе. Это несравненно дороже для школьнаго дѣятеля. Поясню это.

Мы видѣли, что число учителей изъ спеціально-педагогическихъ заведеній невелико. Громадная масса или изъ заведеній обще- и спеціально-образовательныхъ, какъ гимназіи, епархіальныя училища, духовныя семинаріи, или со свидѣтельствами, т.-е. неудачники, или со стороны пожелавшіе быть учителями, иногда полуграмотные люди. Мы получили три группы:

1) Учителя-спеціалисты.

2) Учителя общеобразованные.

3) Учителя со свидѣтельствами.

Начну съ послѣднихъ. Кто знаетъ, чего стоитъ это свидѣтельство, тотъ долго на этой категоріи останавливаться не будетъ. Держатъ экзаменъ при такихъ-то и такихъ-то училищахъ. Программа ничтожная. Къ тому же держатъ преимущественно не при всѣхъ училищахъ одного наименованія, а при опредѣленныхъ, т.-е. въ такомъ-то городѣ, а не въ другомъ. Почему это такъ, я не знаю, или, скорѣе, знать не хочу, читатель же, вѣроятно, догадывается. Смѣшно сказать: и для такихъ въ программѣ есть пробные уроки. И они ихъ даютъ. И кто-то что-то объ этихъ урокахъ пишетъ по начальству. Идутъ давать эти уроки люди, которымъ иначе дѣваться некуда. Страшно сказать, но и это фактъ. Школьная работа настолько плохо оплачивается, что на нее идутъ и такіе люди, которые ни на что иное не годны. Послѣднее время появился еще контингентъ людей, которымъ приходится держать экзаменъ на свидѣтельство, это—окончившіе второклассныя школы,—но о нихъ послѣ.

Что сказать про этихъ учителей со свидѣтельствами? Да то, что лучше бы ихъ и не было. Только недостатокъ хорошихъ учителей можетъ заставить прибѣгнуть къ таковымъ. Послѣднее время въ земскихъ школахъ они выводятся, потому что предложеніе интеллигентнаго, въ особенности женскаго труда, настолько велико, что и при смѣхотворномъ содержаніи учителей оказываются охотники и съ достаточнымъ образованіемъ. Въ церковныхъ школахъ учителей со свидѣтельствомъ прини-

маютъ съ восторгомъ, такъ какъ масса еще и свидѣтельства-то неимѣющихъ.

Перехожу ко второй категоріи: учителя со спеціальнымъ образованіемъ. Я подъ этимъ терминомъ подразумѣваю только учителей изъ учительскихъ институтовъ и семинарій министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ о церковно-учительскихъ и второклассныхъ школахъ считаю нужнымъ поговорить особо, да къ тому же это молодое учрежденіе еще не вошло какъ слѣдуетъ въ жизнь.

Сколько лѣтъ ученья для такого юноши? Минимумъ—девять: 5 лѣтъ двухклассной школы (требованія при вступительныхъ экзаменахъ настолько, вслѣдствіе конкуренціи, возвышаются, что и 5-ти лѣтъ скоро будетъ мало) и 4 года семинарскихъ, включая приготовительный классъ. Итого девять. Въ женской гимназіи нужно десять лѣтъ: два года домашняго приготовленія и 8 лѣтъ гимназическихъ, включая сюда приготовительный и педагогическій классы. Вмѣсто 10 лѣтъ получимъ и здѣсь 9, если отбросимъ педагогическій классъ.

Сначала поставлю вопросъ такъ: Гдѣ получается бóльшее общее развитіе? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ женской гимназіи, хотя бы мы брали только шесть, а не всѣ семь классовъ. Почему? Да именно потому, что получается въ гимназіи то, чего хотятъ, т.-е. общее развитіе, за которымъ въ семинаріи не гонятся. Въ семинаріи съ самаго приготовительнаго класса вырабатывается не развитой человѣкъ, а хорошій учитель. Прежде чѣмъ ему сказать что-либо, воспитатель себя спрашиваетъ: а нужно это учителю? Нѣтъ, Боже сохрани! И воспитатель молчитъ.

Зато и пичкаютъ же ихъ педагогиками до вреда жеванной соски и зеленыхъ обоевъ включительно. И методики всѣ проходятъ до конца, теоретически и практически, хотя въ нѣсколько искусственной обстановкѣ. А спросите молодого, вновь испеченнаго учителя, какъ онъ чувствуетъ себя въ настоящей школѣ?—Какъ въ лѣсу.—Какъ? несмотря на педагогики? — Да, да, несмотря на педагогики!—И путается?—И путается, да еще какъ!

А путается онъ точь-въ-точь такъ, какъ гимназистка. Такъ неужели же педагогики и методики не нужны?—Боже сохрани! Педагогика нужна въ любомъ семействѣ, а то мы по старой памяти возьмемъ сына или ученика, разложимъ да и выпоремъ. Педагогика, и въ особенности школьная, крайне нужна и учителю.—А методика?—А методика тѣмъ болѣе! Не по азамъ да букамъ учить ребятъ.—Такъ въ чемъ же дѣло?—А въ томъ, что методикѣ долженъ учитель самъ учиться, готовясь къ уроку. Такъ будетъ первый, второй годъ. А затѣмъ и усвоитъ методики, когда ихъ на дѣлѣ прочувствуетъ.

Ошибаются и заблуждаются господа директора и воспитатели учительскихъ институтовъ, думая, что они дѣлаютъ учителей. Они ихъ дѣлаютъ постольку, поскольку не внушаютъ имъ дурныхъ привычекъ и поскольку они ихъ развиваютъ, т.-е. дѣлаютъ людьми. А учителей дѣлаетъ народная школа и любовь къ дѣлу, а главное условіе этой любви не то или другое зубреніе, а общее развитіе и желаніе приносить пользу обществу.

Есть педагогика и пробные уроки и у гимназистокъ и воспитанниковъ духовныхъ семинарій и епархіальныхъ училищъ; но это все равно, что медицина въ семинаріяхъ,—не стоитъ и разговора. Отведутъ ихъ десятокъ разъ въ образцовую школу—вотъ и все.

Хорошо вотъ что̀ дѣйствуетъ: это когда прогимназистокъ прикомандировываютъ къ хорошимъ учителямъ, въ большія школы для практическаго ознакомленія съ дѣломъ. Это не пробные уроки! Тутъ онѣ нѣсколько мѣсяцевъ, ежедневно, въ школѣ съ хорошимъ мастеромъ своего дѣла прислушиваются, переживаютъ все сами и мало-по-малу имъ допускаются къ самодѣятельности. Конечно, это должно поручаться самымъ испытаннымъ и, скажу, умнымъ учителямъ и учительницамъ. Жаль, что этихъ дѣвицъ прикомандировываютъ къ городскимъ школамъ. Еще полезнѣе была бы ихъ практика въ сельской школѣ.

Для меня идеальной учительницей была бы гимназистка, прошедшая свои шесть классовъ, а вмѣсто седьмого пробывшая годъ на такой практикѣ. При этомъ, конечно, надо почитывать и методики.

Итакъ, вотъ мое глубокое убѣжденіе. Дорогъ не учитель специалистъ, а учитель развитой. Какъ я считаю развитіе главною цѣлью школы для крестьянскихъ дѣтей, такъ я убѣжденъ, что наиболѣе способствовать этому развитію, скорѣе всего, лучше всего вести къ нему, можетъ опять-таки наиболѣе развитой учитель.

Теперь остается вопросъ: какъ же этого достигнуть, чтобы онъ шелъ въ школу? Конечно, не тѣмъ способомъ, какимъ учительницы теперь загоняются въ школы—голодомъ, а приличнымъ содержаніемъ, приличной обстановкой, а главное—приличнымъ обхожденіемъ съ этими тружениками. Но объ этомъ уже сказано мною довольно.

Перечитываю написанное и боюсь, какъ бы многіе не обидѣлись на то, что̀ я написалъ. Но обижаться нечего. Есть исключенія изъ правила, а затѣмъ я говорилъ только, какими вступаютъ въ жизнь молодые учителя. Но жизнь ихъ перерабатываетъ по-своему. И какъ перерабатываетъ! Куда улетятъ педагогики и методики, и какія новыя методики вырабатываются! И сколько чудныхъ учителей образуется изъ учительскихъ семинарій, и даже изъ учителей со свидѣтельствомъ. И какъ часто опускаются гимназистки! Одно нужно—и потому-то я такъ на этомъ и настаиваю — развитіе школьное и саморазвитіе. Чѣмъ больше на это пойдетъ времени, тѣмъ лучше. Въ этомъ смыслѣ я говорилъ. И обиднаго тутъ нѣтъ ничего, а безъ обобщенія не обойдешься.

---

26. Учителя церковныхъ школъ.

Когда былъ введенъ уставъ о церковно-приходскихъ школахъ, первоначальной задачей было поставлено открытіе возможно бо́льшаго числа таковыхъ. Забота о количествѣ была поставлена впереди качества. Кто въ этомъ виноватъ больше, низшіе ли школьные органы, средніе ли или кое-кто изъ высшихъ—

трудно сказать. Желаніе отличиться, кажется, было у всѣхъ. Денегъ между тѣмъ не было.

Потребовалась громадная масса учителей. Одновременно съ введеніемъ закона о школахъ возстановлены были уничтоженныя Толстымъ діаконскія мѣста. Пришла мысль ими воспользоваться въ качествѣ учителей и при томъ безвозмездныхъ. Но легче написать, чѣмъ исполнить. Тысячу лѣтъ діаконы земли русской привыкли діаконствовать, а не учительствовать. А тутъ изволь нести тяжелый трудъ и при томъ... даромъ.

Сначала получился конфликтъ училищныхъ совѣтовъ и консисторій. Училищные совѣты смотрѣли на діакона какъ на учителя, консисторіи какъ на діакона. Священники требовали діаконовъ съ собой на требы. Сверху шли приказанія объ освобожденіи діаконовъ во время занятій отъ текущихъ требъ. Пошли споры и ссоры (гдѣ таковые ни возникаютъ?) о томъ, что̀ понимать подъ словомъ *время занятій* и подъ *текущими требами*.

Но дѣло шло плохо. Оставались старые діаконы, ни на какое учительство неспособные. Преосвященные назначали и продолжаютъ назначать по разнымъ соображеніямъ на діаконскія вакансіи людей безъ учительскихъ правъ. Меньшинство, да и то далеко не вездѣ, назначалось изъ окончившихъ курсъ семинарій; рѣшено было принять энергическія мѣры.

Велѣно: гдѣ діаконъ учительствуетъ—пускай учительствуетъ. А гдѣ нѣтъ, по нежеланію ли, или по неспособности, или почему-либо еще—тамъ вычитать съ него третью часть дохода. Удивились старики. Искони бѣ получали доходы свои—а тутъ какіе-то вычеты! Пошли еще бо̀льшіе споры, жалобы другъ на друга... «я думалъ, пенсію выхлопочутъ намъ старикамъ, анъ вычеты пошли!»—думали діаконы.

Только на этой почвѣ могли родиться картинки въ родѣ слѣдующей, свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть и которой я не забуду: былъ я на какомъ-то сельскомъ праздникѣ. Собралось и духовенства много. Всякое начальство духовное, конечно, сельское. Сидитъ діаконъ мѣстнаго села, молодой, чахоточный. У него жена, двое малютокъ. Онъ знаетъ, что жить ему недолго.

Въ селѣ старинная громадная земская двухъэтажная школа, прекрасно поставленная. Заставили священника открыть школу грамоты. Никто въ нее не идетъ, кромѣ десятка ребятишекъ. Діаконъ кое-когда въ нее заходитъ, но, конечно, не учитъ. Гдѣ тамъ умирающему учить! Тутъ же нестарый, красивый наблюдатель (тогда наблюдатели назначались еще по благочиніямъ, тоже, конечно, даромъ). Тутъ же мѣстный священникъ.

Наблюдатель: Ну, что, отецъ діаконъ, въ школку нашу похаживаете?

Священникъ: Отецъ діаконъ боленъ; гдѣ же ему учить?

Наблюдатель: Такъ что же? Надо будетъ вычетъ сдѣлать маленькій?

Діаконъ (хорошо знаетъ, что умираетъ; кашляетъ). Вотъ подождите, отецъ наблюдатель, поправлюсь... буду ходить.

Наблюдатель (хорошо знаетъ, что школу грамоты по закону можетъ закрыть священникъ). А школа? Вѣдь ее не закроешь! Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите, отецъ діаконъ; надо вычетъ сдѣлать. Богъ дастъ, поправитесь, будете ходить, ну, тогда, конечно, и вычитать не будемъ.

Діаконъ держался, держался... какъ разревется!.. и вышелъ изъ комнаты.

Не знаю, успѣли ли произвести вычетъ съ умирающаго діакона, или онъ разстроилъ планы слишкомъ скорою смертью?

Этотъ бывшій благочинническій наблюдатель и теперь живъ... и даже пошелъ хорошо по службѣ... онъ навѣрное прочтетъ эти строки; и я его спрошу: прибавилъ я хоть что-нибудь къ правдѣ?

— Звѣрь, что ли?—спроситъ читатель—этотъ наблюдатель. Какой тамъ звѣрь! хорошій, добрый, снисходительный, умный человѣкъ! Нѣтъ! онъ, скрѣпя сердце, исполнялъ свой долгъ!

О! въ какое море слезъ превращается иногда неосторожно наверху пролитая капля чернилъ!

Еще Шекспировскій Лиръ сказалъ: «изъ ничего ничего и не выходитъ». А тутъ изъ ничего захотѣли сдѣлать многое...

Теперь картина понемногу мѣняется, если не на дѣлѣ, то хоть въ теоріи. Кажется, признано необходимымъ имѣть само-

стоятельныхъ учителей. Кредиты, прежде шедшіе преимущественно на организацію начальства, стали теперь, повидимому, испрашиваться на учителей. Не лучше ли было бы съ самаго начала вмѣсто 30.000 школъ насадить 300, да настоящихъ?

Пошло въ учителя церковныхъ школъ много и такого народа. Молодые люди со свидѣтельствомъ, а то и безъ свидѣтельствъ стали поступать въ церковныя школы. Это были послѣ молодыхъ, но непрочныхъ діаконовъ, окончившихъ курсъ семинаріи, лучшіе учителя. Не имѣвшіе свидѣтельства старались таковое получить, уже будучи учителями. Дѣлалось это вотъ съ какимъ разсчетомъ.

Учитель церковной школы по самому своему положенію является какъ бы нѣкоторымъ членомъ причта. Часто онъ и замѣняетъ таковыхъ при случаѣ даже при службахъ и требоисполненіяхъ. Не естественно ли ему стремиться къ полученію прочнаго и много лучше вознаграждаемаго мѣста діакона или даже псаломщика? Не естественно ли и духовному вѣдомству вознаградить такого человѣка за его почти безвозмездную службу въ школѣ діаконскимъ или псаломщическимъ мѣстомъ?

Такъ и дѣлалось. Сплошь и рядомъ получали штатныя мѣста учителя церковныхъ школъ даже не изъ духовнаго званія, къ великому соблазну нѣкоторыхъ духовныхъ, ревниво охраняющихъ то, что они называютъ своимъ правомъ. Училищные совѣты радовались этому и разсуждали такъ: во-первыхъ, онъ теперь діаконъ, слѣдовательно, отъ насъ не уйдетъ; во-вторыхъ, и другіе еще лучшіе къ намъ пойдутъ, видя, какъ вознаграждаются у насъ заслуги по школѣ.

И земскіе учителя кое-когда ухитрялись попасть въ діаконы, при чемъ духовное начальство опять руководилось желаніемъ перевести къ себѣ хорошихъ учителей. Среди хорошихъ земскихъ учителей, такимъ образомъ, въ духовные проскользнули многіе плохіе, еле и въ свѣтской школѣ терпимые. Слишкомъ сильны косвенные пути протекціи и иные.

Но вотъ что̀ странно. Человѣкъ, въ земской ли, въ церковной ли школѣ занимавшійся хорошо, какъ сдѣлается діакономъ—

перестаетъ заниматься. Точно ряса не только не помогаетъ, но и мѣшаетъ учить. Объяснить это можно различно: или тѣмъ, что, сдѣлавшись діакономъ, человѣкъ уже чувствуетъ себя у берега; или тѣмъ, что очень сытый желудокъ расположенъ къ лѣни; или—и это, кажется, главная причина,—потому что слишкомъ ужъ безконтрольно духовное вѣдомство. Та же перемѣна къ худшему замѣчается и въ молодыхъ діаконахъ, окончившихъ курсъ, по полученіи ими священства.

Это все послужило къ большимъ разногласіямъ консисторій и училищныхъ совѣтовъ, наблюдателей и духовнаго начальства, преосвященныхъ и свѣтскаго начальства, защитниковъ стараго и новаго теченій. Одни ревниво охраняли права преосвященныхъ отъ какого-либо вмѣшательства, хотя бы въ главномъ—личномъ вопросѣ. Другіе охраняли духовное сословіе отъ струи иносословной. Третьи говорили, что нельзя же учителей держать насильно на мѣстахъ, гдѣ ѣдятъ впроголодь, налагая на нихъ всѣ обязанности духовенства, и не давая имъ никакихъ правъ. Главная ошибка-то въ томъ и оказалась, что изъ ничего хотѣли сдѣлать нѣчто, даже большое.

Когда, за отсутствіемъ средствъ, захотѣли учительство въ церковныхъ школахъ какъ бы пристегнуть къ общимъ обязанностямъ духовенства вообще, а въ частности діаконовъ—увидали, что это дѣло не такъ-то легко наваливается на людей однимъ почеркомъ пера. Стали искать выхода и впали въ другую громадную ошибку: понизили требованія, предъявляемыя къ учителю, сочинили идиллію объ учителѣ-пахарѣ... учитель-пахарь не привился. Зато церковная школа, которую смѣшивали со школой грамоты, потеряла довѣріе крестьянъ.

27. Учитель-пахарь.

Составимъ слѣдующее умозаключеніе. Посылка первая: крестьянинъ нашъ въ большинствѣ случаевъ работаетъ лѣтомъ, а зимой поневолѣ ничего не дѣлаетъ. Посылка вторая: учитель работаетъ зимой и отдыхаетъ лѣтомъ. Заключеніе: хорошо бы комбинировать эти два занятія, т.-е. устроить классъ людей, которые лѣтомъ будутъ пахать и косить, а зимой учить ребятъ. Разсчитали, что это къ тому же, при удивительной непритязательности нашего крестьянина, обойдется недорого. И готово! Рѣшили, что это сдѣлать очень даже легко, и предвкушали удовольствіе имѣть десятки тысячъ школъ грамоты, хорошихъ и дешевыхъ.

Люди, близкіе къ деревнѣ, и тогда не вѣрили въ осуществленіе этого пожеланія, но помню время, когда считалось нехорошимъ не видѣть въ учителѣ-пахарѣ будущее спасеніе Россіи. Я самъ слышалъ:—Что же вы хотите нигилистовъ, что ли, развести въ пиджакахъ и нигилистокъ въ шляпкахъ?

Что̀ на это отвѣтишь? Я отвѣтилъ, что недавно стоило учителю надѣть русскій костюмъ, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ нигилизмѣ. Встрѣтивъ презрительный взглядъ моего собесѣдника, я замолчалъ.

А вѣдь мысль, дѣйствительно, кажется недурной. Учитель-пахарь! Наука и природа, свѣтъ ученья и простота землепашца, шагъ къ крестьянину, ѣдущему съ полевой работы домой съ Пушкинымъ въ карманѣ или даже въ рукахъ! Цинцинатъ, возвращающійся къ своимъ полямъ! Горацій!

Впрочемъ, насчетъ Цинцината я сомнѣваюсь, и думаю, что онъ возвратился въ деревню не пахать, а ѣсть обѣдъ, приготовленный хорошими поварами изъ продуктовъ, доставленныхъ хорошимъ управителемъ. Да и Горацій прямо говоритъ, что любитъ пользоваться готовымъ, а не самому добывать. Пилъ же Горацій на берегу журчащаго ручейка чудное салернское вино!..

Приходитъ невольно и другая мысль. Наука у древнихъ была достояніемъ рабовъ... Но эту мысль надо откинуть!..

Нѣтъ-съ! Мало ли что̀ кому взбредетъ въ голову, а вещи надо видѣть такими, каковы онѣ есть, и соотвѣтственно строить планы, въ особенности, когда эти планы касаются всей будущности Россіи. Современемъ, я не сомнѣваюсь, на физическій трудъ будутъ смотрѣть съ такимъ же уваженіемъ, какъ и на трудъ учителя, чиновника и администратора. Но теперь этого нѣтъ. А мы устраиваемъ школы теперь. А теперь не только великая разница между интеллигентомъ и хлѣбопашцемъ, но и въ средѣ интеллигентовъ очень много степеней. Одинъ ѣздитъ на парѣ, другой на тройкѣ и такъ далѣе, чуть не до двѣнадцати лошадей. Что же? Вѣдь никто не скажетъ, что сенатору лѣтомъ можно во время вакацій пахать! Вѣдь эта мысль всякому покажется нелѣпой. А современемъ, можетъ быть, и она осуществится. Теперь же знающимъ деревню и смотрящимъ на нее безъ предвзятой мысли въ меньшей мѣрѣ, но все-таки нелѣпой должна казаться мысль и объ учителѣ-пахарѣ.

Что будетъ—о томъ я умолчу, а теперь фактъ таковъ: маломальски грамотный человѣкъ бѣжитъ изъ деревни безъ оглядки; бѣжитъ отъ невозможныхъ условій жизни простого крестьянина. Я этого факта теперь не обсуждаю. Я его констатирую. Двадцать лѣтъ назадъ и въ народную-то школу шли, чтобы попасть въ писаря. Я знаю крестьянъ и солдатъ, учащихъ въ школахъ грамоты изъ-за 10—30 рублей въ годъ. Слышалъ даже и про пять рублей въ годъ! Но это все народъ малограмотный, совсѣмъ малограмотный! Есть люди, которые потому и стоятъ за учителя-пахаря, что онъ малограмотенъ. Надѣются этимъ обходомъ добиться своего завѣтнаго желанія,—упразднить образованіе.

Но я не о такихъ говорю. Я знаю искреннихъ поклонниковъ учителя-пахаря. И ихъ-то я и не понимаю!

Я иду дальше. Даже когда физическій трудъ не будетъ въ пренебреженіи, какъ теперь, даже и тогда принципъ раздѣленія труда заставитъ однихъ заниматься паханьемъ, другихъ обу-

ченьемъ дѣтей. Замѣчали вы какъ пишутъ люди труда? У нихъ руки трясутся. Не отъ слабости нервовъ, какъ у стариковъ и нервно-больныхъ людей, а отъ физическаго труда. Возьмите интеллигента и заставьте его поработать—не такъ, какъ столярничаютъ для здоровья, а какъ работаетъ русскій крестьянинъ,—и у него вскорѣ затрясутся руки. Это уже указываетъ какъ-будто на то, что эти два рода труда и всегда будутъ несовмѣстимы.

Но главное, конечно, не въ этомъ, а въ вопросѣ о нравственной удовлетворенности учителя.

Учитель долженъ быть человѣкомъ безусловно развитымъ. Но положимъ, что онъ, какъ того хочетъ часть нашихъ школьныхъ дѣятелей, будетъ полу-интеллигентнымъ человѣкомъ. Куда ему пристать? Вѣдь немыслимо быть ему всегда въ средѣ крестьянской, которая неизмѣримо ниже его. Ему нужно почитать, пописать. Эта потребность будетъ и лѣтомъ. Потребность поговорить съ людьми одинаковаго развитія потянетъ его всегда къ священнику, фельдшеру, маленькому помѣщику, который его не гнушается. Онъ тамъ найдетъ книжку, газету. Конечно, почтенно быть хлѣбопашцемъ, но общество такъ создано, что этому хлѣбопашцу отдаютъ должное ему теоретически, а практически боятся объ него замараться.

Мало ли на свѣтѣ людей хорошихъ, умныхъ, которыхъ жизнь поставила въ условія, не соотвѣтствующія ихъ образованію. Между ними масса плохо одѣтыхъ. Не стыдятся съ ними знаться? Стыдятся почти всѣ! И встрѣчаютъ, и провожаютъ по платью, а по уму подаютъ руку, когда никто не видитъ. Надо быть на цѣлую голову выше толпы, чтобы скинуть съ себя эти предразсудки.

Тѣмъ болѣе надо быть выше толпы, чтобы не бояться фальшиваго, на платьѣ и богатствѣ основаннаго презрѣнія общества. Кто до этого дошелъ, долженъ быть способенъ уединиться въ себѣ и презирать то общество, которое его не понимаетъ. Неужели это требуется отъ сельскаго учителя?

Нѣтъ! сельскій учитель есть и будетъ человѣкъ обыкновен-

ный, съ человѣческими потребностями и человѣческими слабостями. Происходя изъ привилегированнаго сословія, онъ хотя и будетъ, положимъ, понимать, что ему нечѣмъ чваниться передъ крестьяниномъ, все-таки по своему воспитанію и привычкамъ будетъ часто чувствовать себя одинокимъ въ обществѣ крестьянъ. Будучи самъ изъ крестьянъ, онъ будетъ чувствовать желаніе подниматься выше и выше, и чѣмъ выше онъ поднимется, тѣмъ дальше отойдетъ отъ своей первоначальной среды. Таковы факты, и съ ними нельзя не считаться.

Одно очень компетентное лицо возмущалось шляпками учительницъ. «Ну, развѣ же это сельская учительница—въ шляпкѣ? Это чортъ знаетъ что, а не учительница».

Другой случай: одна дама, попечительница школы, очень ласково приняла новую учительницу, но, увидавъ ее разъ въ бархатномъ лифѣ, вознегодовала и долго требовала ея увольненія.

Позволю себѣ взять подъ защиту учительницу въ шляпкѣ и учительницу въ бархатномъ лифѣ.

1) Учительница въ шляпкѣ. Допускаете вы, судія и администраторъ строгій и требовательный, чтобы учительница была молода и чтобы ей замужъ хотѣлось? За крестьянина она идти не хочетъ, да и онъ ее не возьметъ. Надо идти за интеллигентнаго человѣка. А интеллигентные женихи хотятъ невѣстъ въ шляпкахъ! Въ шляпкѣ невѣсту возьмутъ, безъ шляпки нѣтъ—сочтутъ за горничную. Положимъ, подъ платкомъ дѣвицы бываютъ умнѣе, чѣмъ подъ шляпкой, положимъ, женихи глупѣе, даже много глупѣе вась, такъ критически относящихся къ шляпкѣ (хоть и вы женились на дѣвицѣ въ шляпкѣ!). Но фактъ опять-таки, остается фактомъ. Да наконецъ, помимо жениховъ, вы отнимете у дѣвушки право прилично принарядиться! Вдумайтесь-ка! Человѣчно это?

2) Учительница въ бархатномъ лифѣ. Допускаете вы, г-жа попечительница, что пятнадцать лѣтъ назадъ, по выходѣ изъ епархіальнаго училища, учительница (ея отецъ, священникъ, еще былъ живъ) сдѣлала себѣ бархатный лифъ? Теперь она въ торжественные случаи вынимаетъ изъ сундука завѣтный

лифъ, выскоблитъ, выпаритъ, выгладитъ его и надѣнетъ, опять-таки, со шляпкой? Допускаете вы, что это для нея предметъ гордости, что она за два дня передъ тѣмъ думаетъ, какъ она имъ замѣнитъ уже рвущуюся ситцевую кофточку, что она, надѣвъ его, только и думаетъ, какъ бы не замарать и не попортить? А если вы все это допускаете, такъ постыдитесь вы, ѣдущая въ бархатной ротондѣ на тройкѣ, правимой лихимъ кучеромъ! Постыдитесь отнимать у существа, и такъ обиженнаго судьбою, его послѣднее удовольствіе.

Господа, нельзя же изрекать разныя правила съ высоты своего величія, за сигарой, послѣ засѣданія и хорошаго обѣда. Вникните въ жизнь этихъ людей, мелкую, будничную, и поймите, что имъ надо удѣлить хоть крупицу вашего счастья и вашихъ многочисленныхъ недостатковъ.

Нѣтъ! Еще менѣе вѣрю въ учительницу со свяслами, выходящую въ поле вязать хлѣбъ, чѣмъ въ учителя-пахаря!

Единственно въ виду важности этого вопроса, я позволилъ себѣ остановиться на немъ, можетъ быть, нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало.

---

28. Церковныя второклассныя и учительскія школы.

Несчастная мысль объ учителѣ-пахарѣ породила другую. На ряду со школами двухклассными, имѣющими цѣлью дать нѣсколько высшее, нежели обычное, образованіе, возникла школа новаго типа и со спеціальнымъ назначеніемъ — второклассная. Неудачно названная (въ отличіе лучшей? первоклассной?) она сразу по существу оказалась неудачной. Исторія ея весьма поучительна.

Школа должна быть повсемѣстная, хотя бы дешевая. Цѣли школы совсѣмъ не такъ мудрены, какъ кажется многимъ. А потому и учитель нуженъ не Богъ вѣсть какой. Былъ бы самъ мало-мальски выше окружающихъ—одно слово учитель-пахарь.

И рѣшили таковыхъ развести въ большомъ числѣ. Первоначальный проектъ былъ устроить по двѣ школы на уѣздъ, одной мужской, другой женской. Выходило что-то всего въ Россіи около 800 — 900. Такъ какъ первоначальная идея была создать учителей немудреныхъ, то и школа, гдѣ они стали бы образовываться, тоже проектировалась немудреною, а главное дешевою. Достаточнымъ считали содержать такую школу (не забудьте: задача школы—образовывать учителей!) на 1500 рублей!

На эти же деньги, ежегодно ассигнуемыя, начали и строить эти школы, закладывая ихъ ежегодно по одной, по двѣ на епархію. Одна уже дѣйствовала нѣсколько лѣтъ, а другая еще не намѣчена. Это было великое счастье! Много хуже было бы, если бы на постройку ихъ была ассигнована особая сумма и если бы къ постройкѣ ихъ было приступлено заразъ.

Когда второклассныя школы были введены и уже во многихъ мѣстахъ дѣйствовали, устава для нихъ еще не существовало, не было и программы. Хотѣли, чтобы ихъ выработала сама жизнь. Очевидно, онѣ оказались разношерстными. Въ общемъ получилась путаница!

И это опять было великое счастье! Хуже было бы, если бы все съ начала пошло по извѣстному шаблону. Жизнь показала такую массу недостатковъ, что нѣсколько успѣли исправить первоначальный проектъ. Рѣшено было на тѣ же деньги устроить не 800 — 900, а 300 — 400 школъ, увеличивъ соотвѣтственно ассигновки. Очевидно, бюджетъ каждой школы хотя и удвоился, но все-таки былъ малъ. Почему число второклассныхъ школъ все-таки осталось такъ велико—не знаю. Можетъ быть, не успѣли больше уменьшить число ихъ потому, что спохватились слишкомъ поздно, когда начато было постройкой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ больше школъ, чѣмъ бы хотѣлось, послѣ жизненнаго опыта. Можетъ быть, еще не совсѣмъ и для образованія учителей отказались отъ зловреднаго для дѣла принципа дешевизны. Слава Богу и то, что не осуществился первоначальный проектъ. Между тѣмъ выработаны уставъ и программа, чѣмъ всѣ школы подведены подъ одну мѣрку.

Первоначально курсъ предполагался двухлѣтній. Считали, повидимому, что двухъ лѣтъ довольно, чтобы сдѣлать грамотнымъ русскаго человѣка и еще двухъ, чтобы изъ него уже сдѣлать учителя! Жизнь и первые два года растянула на три, и послѣдніе тоже. Во второклассныхъ школахъ учатся три года. А если бы дали этой жизни больше простору и сказать бы ей: выработай-ка намъ, жизнь, хорошихъ учителей, а вотъ тебѣ на это средства, можетъ быть, жизнь растянула бы курсъ второклассныхъ школъ не на три, а на шесть, на семь лѣтъ!

Отчасти она это и сдѣлала, но, къ сожалѣнію, въ очень маленькомъ масштабѣ. Признано было нужнымъ надъ школами второклассными надстроить одинъ этажъ и получились школы церковно-учительскія. Курсъ оказался достаточно продолжительнымъ, денегъ стали отпускать достаточно на каждую. Но, увы! ихъ оказалось слишкомъ мало! Ихъ стало не по одной на уѣздъ, даже не по одной на губернію, какъ большею частью учительскія семинаріи министерства народнаго просвѣщенія, а по одной на нѣсколько губерній!

Я понимаю окружные дома умалишенныхъ на сотни больныхъ, и то въ неземскихъ губерніяхъ, но окружныя учительскія школы на 90 человѣкъ каждая... воля ваша, а этого мало! Потребность образованія прогрессируетъ у насъ все-таки быстрѣе сумасшествія!

Мысль, повидимому, такая: лучшіе ученики церковныхъ (а можетъ быть и земскихъ) школъ поступаютъ во второклассныя школы. По окончаніи таковыхъ они возвращаются въ свои деревни, лѣтомъ пашутъ, зимой учатъ ребятъ. Лучшіе изъ окончившихъ второклассныя школы поступаютъ въ церковно-учительскія и тутъ, пользуясь казенными стипендіями, кончаютъ курсъ, чтобы поступить учителями лучшихъ церковныхъ, а то и второклассныхъ школъ.

Но, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, прекрасная мысль можетъ оказаться, когда перейдетъ въ жизнь, никуда не годной. На дѣлѣ получается вотъ что̀.

Окончившіе второклассныя школы и не пошедшіе дальше

получають свидѣтельство объ окончаніи курса. Учительствовать онъ можетъ въ школахъ грамоты, но учительскаго свидѣтельства не получаетъ. Оно ему только обѣщается современемъ. Этимъ его хотятъ приманить къ школѣ грамоты зимой и къ сохѣ лѣтомъ. Но онъ хоть и не учитель еще, но уже и не пахарь и въ школы грамоты не идетъ, а надѣваетъ сословный нивеллиръ, именуемый пиджакомъ, и отправляется держать экзаменъ на настоящаго учителя. Кто знаетъ извѣстные секреты и хорошія мѣста, этотъ экзаменъ выдерживаетъ всегда.

Уже мы имѣемъ дѣло съ учителемъ. Но въ земство такого берутъ неохотно, въ церковныхъ школахъ жалованье крошечное, и онъ идетъ въ таковую только, если надѣется современемъ попасть во діакона или хотя бы во псаломщика. Иначе,—а такъ дѣлаетъ громадное большинство,—онъ беретъ свое свидѣтельство и съ нимъ бѣжитъ на желѣзную дорогу, въ монополію, въ конторщики, въ приказчики, гдѣ выгоднѣе быть, чѣмъ учителемъ школы грамоты.

Цѣль второклассной школы не достигнута. Она не сослужила службы какъ спеціальное заведеніе. Остается ея общеобразовательное значеніе. Но и тутъ за эти деньги можно бы имѣть вдвое больше двухклассныхъ школъ безъ интернатовъ, безъ практическихъ занятій. Онѣ тоже выпускаютъ будущихъ конторщиковъ, и притомъ дешевле.

Болѣе или менѣе мы видимъ то же самое и въ церковно-учительскихъ школахъ. Окончившій курсъ молодой человѣкъ, если судить по программѣ, прошелъ достаточно, хотя трудно предположить, чтобы онъ весь курсъ усвоилъ хорошо. Очень ужъ много требуется отъ него по предметамъ богословскимъ—затрудняюсь по величинѣ курса назвать это закономъ Божіимъ. А такъ какъ эти предметы требуются очень строго, то очевидно въ ущербъ другимъ.

Во всякомъ случаѣ ему съ очень основательной бумагой въ карманѣ открыты всѣ учительскія дороги. Его возьметъ и земство, а потому онъ пойдетъ въ церковную, менѣе обезпечивающую его школу только опять-таки въ надеждѣ будущихъ

благъ. Разсчетъ ихъ на мѣста учителей второклассныхъ тоже, я думаю, не оправдается, потому что они предпочтительно занимаются окончившими курсъ духовныхъ семинарій. Еще одно соображеніе, которое, по-моему, удалитъ окончившихъ учительскія школы отъ воспитавшаго ихъ вѣдомства—излишняя склонность вести преподаваніе въ одномъ направленіи и соединенное при этомъ стремленіе искусственно вводить, подъ именемъ церковности, соблюденіе мельчайшихъ подробностей часто отжившей обрядности (я говорю про жизнь внѣ церкви, гдѣ обрядность у мѣста) производятъ результаты какъ разъ обратные тѣмъ, къ которымъ стремились. Воспитанники искусственно удаляются отъ того, что̀ имъ прививали, и еще охотнѣе идутъ въ другое вѣдомство. Замѣчали это многіе—не я одинъ—въ воспитанникахъ духовныхъ семинарій. Уже успѣло это привиться и въ новыхъ школахъ.

Способствуетъ этому излишнему рвенію насадить церковность между прочимъ требованіе, чтобы завѣдывающимъ былъ священникъ. Еще сильнѣе это проявится, если на учительскія школы распространится мода, которая теперь сильно проявилась въ духовныхъ семинаріяхъ—мода брать начальствующихъ изъ монаховъ. Казалось бы, по самымъ корнямъ словъ: монахъ (одинокій) и педагогъ (воспитатель дѣтей) это понятія несовмѣстимыя.

Къ сожалѣнію, эта мода держится довольно крѣпко.

Можно еще указать на кое-какіе недостатки учительскихъ школъ, общіе всѣмъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ, напр., на то, что всѣ преподавательскія мѣста занимаются бывшими студентами духовныхъ академій, а не университантами. Въ особенности это замѣчаніе касается математическихъ наукъ. Но все это сравнительно мелочи.

Позволю себѣ выразить пожеланіе. Можетъ быть, эти многочисленныя второклассныя школы призваны сослужить Россіи большую службу. Въ томъ ли вѣдомствѣ, гдѣ онѣ теперь находятся, или въ другомъ, онѣ при большихъ средствахъ могутъ современемъ, можетъ быть, не далекимъ, преобразоваться въ настоящія учительскія школы.

Если это такъ, то ихъ нарожденія нельзя не привѣтствовать!

---

29. Учительскіе курсы.

Люди, дѣлающіе общее дѣло, въ особенности дѣло живое, нуждаются въ общеніи. У насъ дѣлающихъ общее дѣло людей очень мало. Одни спеціалисты имѣютъ общіе интересы. Въ большихъ центрахъ образуются, такимъ образомъ, разные художественные, музыкальные кружки, научныя общества. Спеціалисты, которые по роду своей дѣятельности не стекаются въ центры, а живутъ по своимъ мѣстамъ, напримѣръ, земскіе врачи, сельскіе хозяева, горнопромышленники — устраиваютъ съѣзды, на которые почему-то требуются разрѣшенія, не легко получаемыя.

Чье дѣло живѣе учительскаго? Кто живетъ разрозненнѣе учителей? Кто, поэтому, больше нуждается въ общеніи?

Образовались уѣздные и губернскіе съѣзды. Земства, устраивая ихъ, кромѣ цѣли дать учителямъ возможность общенія между собой, имѣли еще и другую: дидактическую. Участники съѣзда давали въ присутствіи товарищей и особо приглашенныхъ руководителей пробные уроки, которые потомъ сообща обсуждались. Кое-гдѣ съѣзды стали собираться періодически, а то и ежегодно, болѣе и болѣе привлекая учителей. Они вынуждены были удѣлять на эти курсы свои собственные гроши, такъ какъ земства отпускали на курсы слишкомъ незначительныя средства. Это стало могучимъ рычагомъ саморазвитія учителей и учительницъ.

Но... но съѣзды были признаны опасными. Могучій рычагъ саморазвитія пересталъ дѣйствовать! Только послѣдніе годы съѣзды снова появились на свѣтъ Божій, притомъ отдѣльно для земскихъ и для церковныхъ школъ. Есть просто учительскіе курсы и учительскіе курсы со спеціальною цѣлью. Для учителей церковныхъ школъ и общихъ, и спеціальныхъ курсовъ даже очень много.

Учителя не дѣти; чтобы была польза отъ ихъ работы, отъ ихъ бесѣдъ, нужно, чтобы ими руководилъ не начальникъ, а человѣкъ, которому бы они довѣряли. Такіе руководители, изъ бывшихъ педагоговъ, есть. Нѣкоторые пріобрѣли большую славу. Надо видѣть, что они умѣютъ сдѣлать изъ своихъ слушателей; надо слышать, какъ они ведутъ пренія! Учителя и учительницы ловятъ каждое слово его, не сводятъ съ него глазъ! Я слыхалъ отзывы о таковыхъ, что они въ двѣ-три недѣли дали слушателямъ запасъ силъ трудиться цѣлый годъ. Вотъ какіе руководители сдѣлаютъ курсы полезными.

Увы! приглашаетъ управа руководителемъ курсовъ извѣстнаго педагога... и получаетъ отказъ. Курсы утверждены, а этого нельзя! Приглашаетъ другого... отказъ... тоже этого нельзя! Впору просить министерство прислать кого-нибудь изъ чиновниковъ! Бывало такъ: въ одномъ округѣ разрѣшено руководить курсами одному лицу, который не былъ утвержденъ на курсахъ въ другомъ округѣ. Иногда стали приглашать въ руководители директоровъ народныхъ училищъ. Они же ведутъ курсы въ неземскихъ губерніяхъ, какъ недавно въ Архангельскѣ.

Но кто бы ни былъ оффиціальнымъ руководителемъ, курсы всегда ставятся подъ наблюденіе мѣстнаго чина министерства народнаго просвѣщенія, директора или инспектора. А тяжелъ иногда для учителя начальническій глазъ. Есть, конечно, инспектора и директора, къ которымъ относятся съ полнымъ довѣріемъ, которыхъ не боятся, но есть и такіе, что въ подземелье готовъ уйти отъ нихъ учитель.

Теперь вообразимъ, что таковой хоть не руководитъ курсами, но присутствуетъ на нихъ. Что станется съ курсами? Куда дѣнутся интересъ къ дѣлу, оживленіе, взаимное довѣріе? А главное—взаимное довѣріе. Надо, чтобы учитель могъ передъ товарищами открыть свою душу, чего передъ начальствомъ сдѣлать нельзя. Всякія дѣла разбираются на съѣздахъ, не только вопросы дидактики и методикъ. Разсматриваются отношенія учителей другъ къ другу, къ населенію, къ священникамъ, къ попечителямъ, къ школамъ другого вѣдомства, даже къ начальству. А

начальство тутъ сидитъ! А начальство любитъ на Руси, чтобы было по его всегда, и чтобы поменьше разсуждали подчиненные. А тутъ еще полѣзутъ со своими мнѣніями учителишки разные, а то и учительницы. Quos ego! И молчатъ тѣ, для которыхъ съѣздъ организованъ. И выходитъ подобіе скучной лекціи. И плачутъ денежки земскія!

То же и съ пробнымъ урокомъ. Знаютъ, что директоръ стоитъ за учебникъ Баранова; попробуй-ка говорить противъ него! Да что бы ни сказалъ, все кончается однимъ: что думаетъ онъ? Урокъ проходитъ вяло, и преній вызываетъ немного.

Въ церковныхъ школахъ курсы почти обязательно устраиваются при семинаріяхъ съ большимъ шумомъ, блескомъ. Я на нихъ не бывалъ никогда, но видѣлъ массу учителей, съ нихъ возвратившихся.

— Ну, что? Были на курсахъ?

— Быть-то были. Я ужъ третій разъ ѣзжу. Да толку нѣтъ. Расходы одни.

— Зачѣмъ же вы ѣздите третій разъ, коли пользы нѣтъ?

— Надо ѣхать! Посылаютъ.

— Ну, были у васъ руководители? Откуда? Хорошіе ли?

— Были тамъ какіе-то... а больше все о. ректоръ, о. епархіальный наблюдатель, отцы уѣздные наблюдатели...

Не думаю, чтобы какіе-то руководители могли воодушевить курсы.

Бываютъ курсы для учителей второклассныхъ школъ. Одинъ мнѣ разсказывалъ, что въ Курскѣ, кажется, или въ Харьковѣ былъ приглашенъ руководитель по физикѣ особенно хорошій. Ну, а кромѣ того, я ничего не слыхалъ такого, что̀ разсказываютъ, захлебываясь отъ удовольствія, земскіе учителя послѣ бесѣдъ съ Бунаковымъ, Тихомировымъ и др. Доходили до того, что въ руководители брали діакона—учителя городской школы.

Любимый предметъ церковныхъ курсовъ, конечно, пѣніе. Но насколько можно судить опять-таки по результатамъ, и тутъ успѣхи не блестящіе. Болѣе вниманія обращается не на методику пѣнія, а на хоровое пѣніе самихъ курсистовъ. Понятно,

что результаты такихъ курсовъ при полномъ отсутствіи и авторитетности завѣдывающихъ и свободы обсужденія курсистами многихъ вопросовъ, могущихъ быть имъ близкими—совершенно ничтожны.

Изъ спеціальныхъ курсовъ наиболѣе часто для учителей устраиваютъ курсы садоводства. Помню, хотя, конечно, на нихъ не былъ, такіе курсы въ Москвѣ для земскихъ учителей и въ Кіевѣ для церковныхъ (кажется, спеціально для второклассныхъ школъ). Вернувшихся оттуда учителей и тѣхъ, и другихъ курсовъ припоминаю: никто изъ нихъ послѣ возвращенія оттуда и въ саду-то не былъ.

Знаю многихъ учителей и священниковъ, которые, изъ села почти не выѣзжая, заводили прекрасные сады и питомники, когда любили это дѣло. Безъ любви же, хоть всѣ Трехгорные сады объѣзжай, ничего не узнаешь. А на это дѣло ассигновывались довольно крупныя деньги отъ казны, такъ какъ проѣзжать приходилось тысячи верстъ. Много пришлось учителямъ и своихъ потратить. Если хотѣли лучшимъ учителямъ показать Москву или Кіевъ, то такъ бы и говорили. Садоводству же, опять повторяю, отъ ихъ поѣздокъ не было ни жарко, ни холодно. Не понимаю, чѣмъ мотивированы тѣ затрудненія, съ которыми выхлопатываются земствами разрѣшенія учительскихъ курсовъ, и тѣ ограниченія, которыми таковыя разрѣшенія сопровождаются. Неужели бояться «особеннаго духа» земскихъ учителей? Если таковой есть, то это духъ забитости, духъ безусловнаго отсутствія критицизма, духъ излишней робости. На курсахъ-то ихъ надо подбодрить, взвинтить, чтобы они дѣлались откровеннѣе, смѣлѣе. Это и дѣлаетъ хорошій руководитель. И вдругъ чего-то боятся! Обидно для дѣла!

А дѣло страдаетъ, потому что общеніе необходимо. Сельскій учитель вслѣдствіе условій жизни очень склоненъ ржавѣть, застаиваться. Надо его чаще будить, полировать.

Хорошо бы вотъ что̀: разбить уѣздъ на районы и каждый праздникъ собираться учителямъ то въ одной школѣ, то въ другой. Деньги на разъѣзды и на чай можно бы выдавать имъ. Рас-

ходъ былъ бы сравнительно не маленькій, но въ высшей степени полезный. Каждый могъ бы узнать, какъ дѣло идетъ у сосѣда, разъяснить свои сомнѣнія, перемѣняться книгой, взятой въ городѣ изъ библіотеки... наконецъ провѣтриться... перезнакомиться...

---

30. Завѣдывающіе.

Въ земской школѣ три лица ведутъ дѣло: учитель учитъ, законоучитель преподаетъ свою спеціальность, попечитель хлопочетъ о хозяйствѣ. Первая должность платная, вторая тоже платная или подневольная, третья почетная. Остальное начальство, далеко и высоко, занимается понужденіемъ и побужденіемъ, а не непосредственнымъ дѣломъ въ такой-то школѣ.

Въ церковной школѣ кромѣ названныхъ трехъ лицъ есть еще завѣдывающій, обязанности коего неразрывно связаны съ должностью приходскаго священника. Онъ начальникъ всѣхъ остальныхъ. Поэтому естественно, что должность попечителя, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не крупный жертвователь, являясь уже мало почетною, упраздняется, при чемъ весьма немудреныя обязанности этого попечителя могутъ быть возложены завѣдывающимъ, ну, хоть на церковнаго старосту, а то и сторожа. Затѣмъ въ одноштатныхъ приходахъ, т.-е. большинствѣ ихъ законоучительскія обязанности, тоже связанныя со священническою рясою, соединяются съ обязанностями завѣдывающаго.

Остаются въ церковной школѣ завѣдывающій и учитель. Я заранѣе исключаю случаи, когда учителемъ является діаконъ или псаломщикъ, такъ какъ такой случай запутываетъ только отношенія учителя къ священнику. Беру чистый случай: платный учитель и священникъ. Что̀ получается? Всѣ права и выгоды по школѣ—священнику; всѣ обязанности на учителѣ. Хороша школа или просто терпима—священнику благодарность, награды и возможныя перемѣщенія въ лучшій приходъ. Плоха

школа—замѣчаніе священнику, но виноватымъ всегда оказывается учитель, которому грозитъ перемѣщеніе, а то и увольненіе.

Я понимаю завѣдывающихъ, другими словами, директоровъ въ учебныхъ заведеніяхъ со многими классами, со многими учителями, съ интернатами. Онъ долженъ слѣдить за сложнымъ хозяйствомъ, наблюдать нѣтъ ли между учителями плохого, смотрѣть за поведеніемъ дѣтей круглыя сутки—это такъ.

А что дѣлать завѣдывающимъ въ сельской школѣ? Хозяйство ничтожное; дѣти только на урокахъ, всегда подъ наблюденіемъ учителя. Остается одно: наблюдать за учителемъ, и притомъ однимъ. Неужели для этого стоило учреждать должность, и притомъ столь важную? Одинъ инспекторъ наблюдаетъ кое-гдѣ чуть не за тремястами учителей,—скажутъ намъ. Нештo это дѣйствительный надзоръ? Вѣдь онъ ихъ поименно-то всѣхъ знать не можетъ, а не то что слѣдить за его дѣятельностью. А въ церковной школѣ учитель въ школѣ, а черезъ улицу завѣдывающій. Надзоръ ежечасный, можно сказать.

— Такъ-то такъ. Да вѣдь наблюдатель-то тоже одинъ и школъ-то у него тоже кое-гдѣ 200. Прекрасно понимаю, что лучше бы имѣть ихъ десять вмѣсто одного, но вѣдь онъ одинъ, какъ инспекторъ одинъ. Такъ вмѣсто того, чтобы слѣдить за 200 учителей, ему надо слѣдить за 200 завѣдывающими. Не все ли равно? Дѣло очевидно сводится къ одному изъ двухъ. Или учителямъ даже церковныхъ школъ не довѣряютъ и во избѣжаніе (не хочется говорить) лжеученій къ каждому приставляютъ по гувернеру, или предполагаютъ, что священникъ лучше съумѣетъ поставить школу, чѣмъ учитель.

Оба предположенія, по-моему, не выдерживаютъ критики.

Я уже довольно очевидно показалъ приниженное положеніе всякаго учителя. Въ церковныхъ школахъ они еще приниженнѣе. Предполагать съ ихъ стороны возможнымъ какое бы то ни было лжеученіе или уклоненіе отъ тѣхъ инструкцій или наставленій, которыя вздумается для нихъ составить—прямо невозможно.

Остается второе: священникъ лучше съумѣетъ поставить школу. Есть и такіе священники, но тогда мы ихъ видимъ фактически и полновластно распоряжающимися и въ земскихъ школахъ. Но большинство далеко не таково. Масса священниковъ—и прекрасныхъ священниковъ—никуда негодные педагоги, а тѣмъ болѣе руководители цѣлой школой. А ужъ про тѣхъ, которые и какъ священники плохи—и говорить нечего.... А о томъ сколько таковыхъ—можно найти данныя даже у самыхъ ярыхъ защитниковъ церковной школы....

Я думаю, что у учителя безъ завѣдывающаго дѣло пошло бы несравненно лучше. Наконецъ уже потому, что если плохо, стоитъ слово сказать—и его не будетъ, а священниковъ нельзя изъ-за сравнительной бездѣлицы переводить, не мѣняя тысячелѣтняго уклада ихъ жизни.

Если бы закрытой баллотировкой русское духовенство могло высказаться хотя бы по вопросу о завѣдываніи школами, какимъ громаднымъ большинствомъ отцы завѣдывающіе отказались бы сами отъ своихъ правъ.

Очень ошибаются тѣ, которые предполагаютъ у нашего сельскаго священника охоту къ преждевозсѣданіямъ въ школахъ и преждевозлежаніямъ въ совѣтахъ!... Далеко нѣтъ!... Священникъ сельскій большею частью человѣкъ скромный, а главное—своей судьбой довольный. Отписыванія онъ терпѣть не можетъ. Прежде отписываться надо было отъ благочиннаго одного, а теперь и отъ наблюдателя, и отъ совѣта... А камилавка и безъ школъ пришла бы въ свое время... Вотъ его разсужденія.

Нѣтъ, духовенство тутъ ни при чемъ. Это-то и досадно. Ходитъ себѣ священникъ и теперь въ земскую школу и теперь его никто не обижаетъ и прежде не обижали. И шло бы все себѣ мирно... Почто гибель сія бысть?

Когда причтъ двухштатный и есть двѣ школы, церковная и земская, надо видѣть какъ обоимъ священникамъ хочется въ земскую, а не въ церковную. Въ одномъ двухштатномъ приходѣ я знаю рѣдкій случай: одинъ священникъ былъ завѣдывающимъ, другой законоучителемъ той же церковной школы.

Нѣсколько лѣтъ они тягались; обоимъ хотѣлось быть завѣдывающимъ, а не законоучителемъ.

Бываетъ въ дѣятельности священниковъ, какъ завѣдывающихъ, случай, когда они являются очень несимпатичными. Это когда они хотятъ помѣстить кого-нибудь изъ своихъ на мѣсто,— конечно, когда оно оплачивается,—учителя въ ихъ церковной школѣ. Я зналъ хорошо одинъ такой случай: священникъ хотѣлъ помѣстить въ школу свою дочь, не имѣвшую правъ. Жалованья было, кажется, больше десяти рублей въ мѣсяцъ. Отдѣленіе не хотѣло назначать его дочь, неимѣвшую на то правъ. Трехъ учительницъ присылали къ нему за зиму и ни одна не ужилась. Онъ наконецъ добился своего. Опредѣлили его дочь исполняющею должность. Она и осталась на этомъ мѣстѣ. Такіе случаи часты. Такова сила завѣдывающаго.

Я думаю, что если бы школу церковную освободить отъ зависимости завѣдывающаго, было бы несравненно лучше для дѣла. Дѣйствительно, видитъ начальство, что плохо, а завѣдывающій начинаетъ заступаться хоть бы за учителя. Что тутъ подѣлаешь? Вѣдь завѣдывающій такой же священникъ, да, можетъ быть, и старше и заслуженнѣе. И начальство уступаетъ. И продолжаетъ дѣло идти скверно, когда его можно бы было исправить.

Наоборотъ, какъ заступится наблюдатель за учительницу, на которую несправедливы нападки завѣдывающаго, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ? Да никакъ. Какую угодно прогонитъ завѣдывающій, такъ какъ нѣтъ человѣка, къ которому нельзя бы было придраться. Вѣдь начальство когда-то пріѣдетъ, а онъ всегда тутъ. Поневолѣ надо ему вѣрить! Въ этомъ случаѣ страдаетъ и школа, теряющая хорошаго учителя, и человѣкъ, напрасно страдающій.

Нельзя сказать, чтобы отцы завѣдывающіе приносили особенно большую пользу и въ качествѣ соединительнаго звена между школой и населеніемъ. Тутъ главный вопросъ денегъ. Если школа не по вкусу населенію, то ассигновокъ отъ него не добьется и популярный священникъ. Приходится искать бо-

гатыхъ жертвователей, что̀ въ деревнѣ тоже не такъ-то легко. Или брать денегъ изъ церкви, противъ чего часто противится староста. Или, наконецъ, просить у начальства, которое, если и дастъ когда, то весьма и весьма мало.

И съ этой стороны мало для школы дѣлаютъ отцы завѣдывающіе.

---

31. Инспекторъ.

Инспекторъ бываетъ или правительственный, или земскій. Правительственныхъ инспекторовъ немного: два-три на губернію. Когда нѣтъ земскихъ инспекторовъ, какъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи, на долю каждаго приходится полъ-губерніи, т.-е. отъ 4 до 6 уѣздовъ. Въ виду непосильности этого труда, почти во всѣхъ губерніяхъ нашлись уѣзды, гдѣ земства пожелали открыть вакансіи инспекторовъ за свой счетъ. Эти инспектора, понятно, знаютъ только свой уѣздъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаютъ трудъ и правительственнымъ, у которыхъ соотвѣтственно районы уменьшились. Такъ, въ Тамбовской губерніи, гдѣ 6 земскихъ инспекторовъ, на долю каждаго изъ правительственныхъ осталось по 1 и по 2 уѣзда.

Разница между правительственнымъ и земскимъ инспекторомъ кажется огромною. Въ сущности же между ними никакой разницы нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что земскій инспекторъ получаетъ жалованье изъ земства, вмѣсто того, чтобы получать его изъ казначейства.

Назначаетъ его попечитель округа по своему усмотрѣнію: при чемъ нѣкоторые попечители (хотя не всѣ) спрашиваютъ представленія предсѣдателя управы или предводителя. Ни уволить его, ни сдѣлать ему замѣчаніе, ни требовать отчета въ какомъ-либо дѣйствіи его ни управа, ни земское собраніе не могутъ. Не могутъ, разъ открыли должность эту у себя, и закрыть ее. Большинство инспекторовъ считаютъ долгомъ вѣжливости

ежегодно прочесть докладъ земскому собранію о состояніи въ уѣздѣ школьнаго дѣла, за каковой награждаются всегда благодарностями и рукопожатіями собранія.

Тѣмъ не менѣе одно названіе «земскаго» побуждаетъ инспекторовъ идти съ земствами рука въ руку. Нѣкоторые не отказываются при своихъ разъѣздахъ обращать вниманіе и на школьное хозяйство, за исправленіемъ котораго вмѣстѣ съ управою потомъ ломаютъ голову. Рѣдкій правительственный инспекторъ станетъ этимъ заниматься.

Чтобы покончить съ внѣшними условіями ихъ службы, скажу, что двѣ вещи отравляютъ ихъ жизнь и мѣшаютъ значительно ихъ дѣятельности: переписка и отчеты. Жалованье ихъ недостаточно велико, чтобы они могли позволить себѣ роскошь имѣть письмоводителя и потому должны все писать собственноручно. Кто имѣлъ дѣло съ входящими и исходящими, пойметъ, что̀ это за обуза!

Одно, повидимому, утѣшеніе у нихъ: довольно продолжительное вакаціонное время. Увы! и оно отравлено отчетами. Отчетъ надо составить въ двухъ (не въ трехъ ли?) экземплярахъ, поговорить о каждомъ училищѣ въ отдѣльности. Попробуйте описать добросовѣстно 150 училищъ! Очевидно, они часто фантазируютъ въ отчетахъ. Но что всего досаднѣе—это то, что, кромѣ директора, дѣлающаго изъ этого какой-то конспектъ, никто ихъ не читаетъ; какъ не читаютъ и директорскаго конспекта. Все это дѣлается для удовлетворенія канцелярскихъ требованій, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.

Много есть типовъ инспекторовъ въ зависимости отъ того, гдѣ они учились, какъ попали въ инспектора, какихъ они лѣтъ и проч. Опишу два-три типа, думаю, самыхъ распространенныхъ.

Есть типъ инспектора, выслужившагося изъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Гдѣ, кажется, необходимо высшее образованіе, какъ не въ инспекторѣ. Тѣмъ не менѣе часто попадаютъ и безъ него. Такова сила бюрократической закваски! Извольте-ка обойти старика, 30 лѣтъ прослужившаго на ничтожномъ жало-

ваньѣ! Притомъ старика, 30 лѣтъ неустанно смотрѣвшаго въ глаза начальству!

И попадаетъ таковой въ инспектора. Очевидно, что онъ понимаетъ суть службы, во-первыхъ, въ отпискѣ по начальству, что́ онъ дѣлаетъ въ совершенствѣ; во-вторыхъ, въ изловленіи учителя. У него ихъ 200; много ѣздить не хочется; ревизіи онъ дѣлаетъ краткія. Онъ полагаетъ себѣ объѣздить весь районъ въ годъ или въ два, и старается исполнить эту программу какъ можно скорѣе, когда погода не очень холодна и не очень сыра, и когда дороги хороши. Пріѣхавъ въ школу, онъ занимается изловленіемъ учителя, на что старается употребить какъ можно меньше времени и для чего предлагаетъ ученикамъ вопросы самые ядовитые.

На учителя такой инспекторъ не смотритъ съ презрѣніемъ, потому что самъ былъ, хоть и не сельскимъ учителемъ, а недалеко отъ того. Онъ любитъ, чтобы учитель приготовилъ ему вина и закуски. Но при случаѣ и не особенно подорожитъ учителемъ. Главная его забота ладить съ земствомъ, съ предводителемъ, съ исправникомъ... а главное... съ начальствомъ.

Второй типъ инспектора обратный предыдущему. Такіе попадаются обыкновенно среди земскихъ инспекторовъ. Это—или ярые фанатики низшаго народнаго образованія, или сдѣлавшіеся таковыми волею судебъ. Напримѣръ, молодой кандидатъ духовной академіи рясы, а тѣмъ болѣе монашескаго клобука надѣвать не хочетъ. Дальше смотрителя духовнаго училища таковой не пойдетъ вовѣки, будь онъ семи пядей во лбу. Вотъ онъ спитъ и видитъ—пристроиться по министерству народнаго просвѣщенія, гдѣ отсутствіе рясы не закрываетъ дальнѣйшаго движенія и гдѣ трудъ лучше оплачивается. Черезъ знакомство съ предсѣдателемъ управы или по иной рекомендаціи попадаетъ такой академикъ въ инспектора.

Таковые бываютъ очень хороши и начинаютъ любить дѣло ради самого дѣла. Такой инспекторъ себя не щадитъ и большую часть времени въ разъѣздахъ. Ни стужа, ни непогода, ни отвратительныя непроѣздныя дороги, ни половодье его не за-

держиваютъ! Онъ тоже старается поймать учителя, и иной разъ, отъѣхавъ отъ школы, черезъ день является въ нее же... Онъ вникаетъ во все... и въ хозяйство школьное... дипломатничаетъ съ помѣщикомъ, ухаживаетъ за земскимъ начальникомъ (не ради себя, а ради школы, конечно). Покоя не видитъ никогда, потому что вѣчно душою болѣетъ то о томъ, то о другомъ изъянѣ въ школѣ. А въ 150 школахъ сколько изъяновъ! Это мученикъ... И долго инспекторомъ оставаться не можетъ... Нервы не выдержатъ!

Скорбитъ онъ душою и объ учителѣ, за котораго всегда горячо заступается. Онъ старается быть справедливымъ, но это невозможно на 150 школъ. Онъ всякаго о школѣ разспрашиваетъ... Бываютъ и сплетни на учителя, которымъ онъ иногда вѣритъ. Онъ разноситъ учителя... Иногда несправедливо. Онъ горячъ, часто выходитъ изъ себя, доходя въ разговорахъ съ учителемъ до «дурака»!

Это кладъ для земства, но учителя не всегда такихъ любятъ. А если сдерживаться будетъ такой инспекторъ, то еще скорѣе износится его нервная система. Куда ни кинь—все клинъ.

Послѣдне время я сталъ встрѣчать — и не разъ — вотъ еще какой типъ инспектора. Молодой человѣкъ изъ такъ называемаго хорошаго общества, ничего общаго съ педагогикой не имѣющій, обращаетъ вниманіе, что инспектора очень скоро получаютъ чины. Разсчитываетъ онъ, что можно для полученія чина статскаго совѣтника выгадать десять лѣтъ. У него связи, протекціи, и чуть со школьной скамьи онъ ухитряется попасть въ инспектора (а въ земскіе это вовсе возможно, если предводитель сродни). Кое-какъ дослуживаетъ до статскаго и переходитъ въ другое вѣдомство, гдѣ сразу получаетъ хорошій орденъ «по чину». Разсчетъ выходитъ прекрасный.

А каковымъ онъ является инспекторомъ?—Ѣздитъ онъ, конечно, немного — вѣдь отчетъ составить такъ легко! съ помощью какого-нибудь учителя, который состоитъ и письмоводителемъ училищнаго совѣта и хорошо знаетъ дѣло по бумагамъ!

О школьномъ дѣлѣ онъ особенно-то горячо не хлопочетъ, такъ какъ самъ помѣщикъ и находитъ, что земское обложеніе растетъ непомѣрно. Въ школѣ долго высидѣть не можетъ, потому что не выноситъ воздуха. Съ учителемъ холодно вѣжливъ, но руки ему не подаетъ.

Я далъ вамъ трехъ типичныхъ инспекторовъ, а впрочемъ, какъ и вездѣ, что ни человѣкъ, то новое въ немъ увидишь.

Во всякомъ случаѣ, инспекторовъ слишкомъ мало. Слѣдовало бы имѣть по одному на 50 школъ. Не знаю, впрочемъ, возможно ли это. Кажется, ни одного уѣзда нѣтъ, гдѣ было бы два инспектора. А по слухамъ, въ одномъ округѣ это считалось возможнымъ, а въ другомъ нѣтъ. Въ этомъ послѣднемъ находили затруднительнымъ въ училищномъ совѣтѣ имѣть двухъ непремѣнныхъ членовъ.

Нежелательно бы было, чтобы дѣло тормозилось изъ-за формальности. Впрочемъ, что лучше? Лишній инспекторъ или лишній пятокъ школъ? Оба лучше, читатель!

---

32. Наблюдатели.

Съ самаго начала, когда церковныя школы были учреждены безъ денегъ, наблюдатели были назначены по одному на благочиніе и увеличили собой число безплатныхъ священническихъ должностей. Когда же средства церковныхъ школъ стали быстро рости, первое, на что они были употреблены, это на систему наблюдательства, стоющую во всякомъ случаѣ не дешевле, если не дороже, инспекціи министерскихъ и земскихъ школъ.

Зданіе устроено трехъэтажное. Внизу уѣздные наблюдатели, по одному на каждый уѣздъ. Затѣмъ епархіальные наблюдатели, по числу епархій. И, наконецъ, всероссійскій наблюдатель съ двумя помощниками.

Уѣздному наблюдателю больше одного уѣзда не дается, не

то что министерскому инспектору. Повидимому, ему и дѣла сравнительно должно быть меньше. На дѣлѣ это не такъ. Жалованье уѣздному наблюдателю полагается рублей 600 въ годъ. Поэтому, наблюдателемъ назначается большею частью городской священникъ, имѣющій еще и приходъ. Если наблюдательское мѣсто вакантно, а въ городѣ нѣтъ для него подходящаго кандидата, то приходится ждать, чтобы освободилось священническое мѣсто и тогда на это мѣсто назначается тотъ, кого прочатъ въ наблюдатели. Ясно, что при такихъ условіяхъ у наблюдателя на школы остается слишкомъ мало времени.

Кое-когда, впрочемъ, находятъ возможнымъ изъ особыхъ средствъ увеличить жалованье уѣзднаго наблюдателя до 100 руб. въ мѣсяцъ, и тогда находятся охотники занять эту должность безъ прихода.

Во всякомъ случаѣ уѣзднымъ наблюдателемъ можетъ быть только священникъ. Считается, что надъ священниками-завѣдывающими недостойно имѣть не духовнаго начальника. Почему—я никакъ и никогда понять не могъ. Говорятъ, большее вліяніе будетъ имѣть пріѣхавшій къ нему такой же священникъ, какъ и онъ самъ, который станетъ наставлять его не по начальнически, а братски. Думаю какъ разъ наоборотъ. Думаю, что такого брата-священника—семинариста, какъ и онъ самъ, онъ также братски и не послушаетъ. Вчера онъ былъ такой же, какъ и онъ, а то и хуже, священникъ, а сегодня онъ лѣзетъ къ нему съ наставленіями, хотя и братскими.

Прежде всего лучше было бы имѣть одного наблюдателя на два уѣзда да безъ прихода. Онъ былъ бы занятъ однимъ дѣломъ, а то надо бы куда съѣздить, а тутъ его недѣля—приходится служить. Въ особенности замѣтно это постомъ, гдѣ особенно дорога ѣзда по школамъ и гдѣ особенно много службъ. Жалованья можно бы набрать такому двойному наблюдателю тысячи полторы. И непремѣнно взять академика. А такъ какъ академиковъ въ рясахъ мало, а какіе есть, ищутъ лучшихъ и болѣе спокойныхъ мѣстъ, то взять пришлось бы молодыхъ академиковъ безъ рясъ.

Право, такой былъ бы лучше. Часто холостой, болѣе подвижной поэтому, и все-таки съ нѣкоторымъ ореоломъ науки. Посмотримъ въ земской школѣ. Какой инспекторъ начальникъ законоучителю? А такого молодого инспектора еще какъ боятся наши батюшки! Я убѣжденъ, что это на 100 процентовъ подняло бы энергію завѣдывающихъ!

Принципъ, необходимый для уѣзднаго наблюдателя, чтобы онъ былъ въ рясѣ, оказывается не необходимъ для епархіальнаго. Непонятно, почему нельзя имѣть статскаго начальника сельскимъ батюшкамъ, а можно имѣть статскаго начальника уѣзднымъ наблюдателямъ, по положенію стоящимъ выше завѣдывающихъ? Я не говорю, что надо бы всѣхъ епархіальныхъ наблюдателей облечь въ рясы, далеко нѣтъ,—я только констатирую противорѣчія.

Итакъ, часть епархіальныхъ наблюдателей священники, часть—статскіе. Довольно высокое служебное положеніе, приличное сравнительно жалованье дѣлаетъ обыкновенно людей менѣе подвижными, чѣмъ маленькіе чины и мизерное содержаніе. И епархіальные наблюдатели гораздо меньше разъѣзжаютъ, чѣмъ уѣздные. Въ ихъ вѣдѣніи преимущественно второклассныя школы. Въ одноклассныя же ѣздятъ они только въ особо важныхъ случаяхъ.

Неудобство положенія епархіальнаго наблюдателя еще вотъ какое: у него два начальства: архіерей, какъ извѣстно, почти неограниченно распоряжающійся всѣми церковными дѣлами и свой прямой начальникъ—имперскій наблюдатель. Имѣть два начальства и оба сильныя гораздо непріятнѣе, чѣмъ имѣть одно начальство. И при назначеніи епархіальнаго наблюдателя бываетъ, что и у того и другого начальства свой кандидатъ. Одному приходится уступить.

Если строго проведемъ принципъ обязательности рясы для начальства священниковъ въ епархіальныхъ наблюдателяхъ, то онъ вовсе упразднёнъ въ высшей инстанціи имперскихъ наблюдателей. Всѣ три статскіе. А между тѣмъ они своего рода начальство—если не совсѣмъ, то въ отношеніи школьнаго дѣла—самого епархіальнаго архіерея.

И если зазорно сельскому священнику имѣть начальникомъ молодого академика безъ рясы, то во всякомъ случаѣ не во много ли разъ зазорнѣе имѣть начальникомъ такого же статскаго, хоть и постарше, всѣмъ священникамъ, академикамъ, занимающимъ должности епархіальныхъ наблюдателей — мало того: самимъ епархіальнымъ архіереямъ?

Казалось бы, внизу можно имѣть и статскихъ, а наверху можно бы ожидать видѣть архіерея, даже, какъ видимъ мы, архіерея-предсѣдателя синодальнаго училищнаго совѣта?

Точно та же аномалія замѣчается и въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Всѣ миссіонеры—священники, есть и архимандриты и даже епископы. И вдругъ наверху—чистѣйшей воды чиновникъ! По меньшей мѣрѣ это неожиданно!

Долго я на этомъ остановился, потому что вывести отсюда можно вотъ какое заключеніе: какая же это церковность, если во главѣ чиновникъ? Вѣдь тонъ сверху долженъ задаваться, а не снизу. А тутъ какъ бы наоборотъ...

Но не будемъ уходить далеко.

Въ церковной школѣ роль уѣзднаго наблюдателя гораздо непріятнѣе роли инспектора въ земской. Между школой и наблюдателемъ почти равноправный завѣдывающій. Иногда этотъ завѣдывающій—благочинный, слѣдователь или иной начальническій чинъ, коими такъ богато наше духовенство.

Инспекторъ пріѣхалъ въ школу. Видитъ, что не такъ, приказалъ сдѣлать иначе, и будетъ по его. Наблюдатель долженъ впередъ убѣдить—и притомъ братски—завѣдывающаго, и тогда только сдѣлается по его. А коли не убѣдитъ? Вѣдь надоѣстъ вѣчно жаловаться. И желаемое улучшеніе въ школѣ не вводится. Этого бы не было, не будь совершенно излишней должности завѣдывающаго и пользуйся наблюдатель должнымъ авторитетомъ, т.-е. имѣй онъ высшее образованіе.

Не секретъ, что между священниками старшаго возраста встрѣчаются люди съ весьма малымъ развитіемъ. Попадаютъ и такіе въ наблюдатели за ихъ безупречную службу на священническомъ поприщѣ. Понятно, что таковой, попавъ въ на-

блюдатели, далеко не на высотѣ своего положенія. Онъ мало вниманія удѣляетъ наукамъ, готовый самъ признать ихъ растлѣвающее значеніе. Прибывъ въ школу, онъ спроситъ дѣтей по закону Божію, провѣритъ ихъ умѣнье читать славянскую книгу, а на остальное и вниманія не обратитъ. Главные разспросы такого наблюдателя касаются внѣшности жизни учениковъ и исполненія ими тѣхъ или другихъ требованій, къ нимъ предъявляемыхъ. Внутренній же міръ учениковъ, конечно, остается чуждъ начальству церковной школы, какъ чуждъ онъ и начальству земской школы. Да и можетъ ли народная школа касаться этого внутренняго міра.

Хорошо, когда какъ слѣдуетъ провѣряются ихъ познанія въ грамотности и въ тѣхъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя имъ преподаются. Къ сожалѣнію, нѣкоторые наблюдатели и этого не дѣлаютъ.

---

33. Училищные совѣты.

Школа считается настолько важнымъ факторомъ народной жизни, что управленіе ею, и въ церковномъ, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, ввѣрено коллегіальнымъ учрежденіямъ, при чемъ уѣздный училищный совѣтъ состоитъ изъ предводителя, инспектора, исправника, земскихъ начальниковъ и представителей духовенства, земства и города. Отдѣленіе же состоитъ изъ священника-предсѣдателя, тѣхъ же инспектора, земскихъ начальниковъ и наблюдателя и еще нѣсколькихъ назначаемыхъ или избираемыхъ въ томъ же отдѣленіи свѣтскихъ и духовныхъ членовъ.

Секретаремъ уѣзднаго училищнаго совѣта состоитъ инспекторъ. Секретаремъ отдѣленія—одинъ изъ членовъ, получающій обыкновенно хотя небольшое жалованье, которое могло бы идти на усиленіе жалованья наблюдателя, если бы таковой назначался не изъ приходскихъ священниковъ.

Потому ли, что священники болѣе дисциплинированы, чѣмъ мы, потому ли, что больше интересуются ввѣреннымъ имъ дѣломъ,—засѣданія отдѣленія посѣщаются довольно аккуратно, если, конечно, не брать въ разсчетъ всегда блещущихъ своимъ отсутствіемъ земскихъ начальниковъ. Къ тому же отдѣленіямъ поручается мѣстнымъ архіереемъ производить выборы не только членовъ отдѣленія, но и предсѣдателей, и наблюдателей. Выборы, конечно, далеко не окончательные, но, какъ всякіе выборы, привлекаютъ интересъ, а потому и присутствіе членовъ.

Когда съ самаго начала моей земской дѣятельности я былъ выбранъ членомъ училищнаго совѣта, я пораженъ былъ, что таковой никогда не собирается. Оказалось, что дѣло происходитъ такъ. Инспекторъ, пользуясь присутствіемъ предводителя на съѣздѣ, улучалъ минуту, когда онъ не былъ занятъ, и съ портфелемъ подъ рукой являлся къ нему, и послѣ краткаго доклада нужныя бумаги подписывались. Я спросилъ инспектора, что это значитъ: онъ отвѣтилъ, что у насъ всегда такъ. Хотя я и возмущался этими порядками, но приписалъ ихъ исключительному вліянію и довѣрію, какимъ пользовался нашъ предводитель. Съ трудомъ мнѣ удалось добиться, чтобы былъ назначенъ день и часъ засѣданія.

Тогда совѣтъ сталъ состоять вмѣсто двухъ изъ трехъ, а то и болѣе членовъ. Я думалъ, что такъ дѣлалось только у насъ. Сталъ я разспрашивать, какъ дѣлается въ другихъ уѣздахъ. Оказалось, что во многихъ то же самое. Никакихъ засѣданій не бываетъ, и дѣло кончается діалогомъ предсѣдателя съ инспекторомъ. И никто этимъ не возмущается! Никто не протестуетъ! Никто не видитъ въ этомъ нарушенія своихъ правъ!

Еще очень характерный анекдотъ изъ моей практики.

Я состоялъ членомъ училищнаго совѣта отъ земства двѣнадцать лѣтъ. Членовъ по закону отъ земства два. Всѣ эти двѣнадцать лѣтъ другимъ членомъ, кромѣ меня, былъ помѣщикъ Л. И. С. И всѣ двѣнадцать лѣтъ мы съ нимъ ни разу не видѣлись! Познакомились мы съ нимъ, когда я уже былъ предсѣдателемъ совѣта. Л. И. С. зашелъ, будучи въ городѣ, въ со-

вѣтъ, такъ какъ ему нужно было кого-то видѣть въ зданіи земства.

А Л. И. С. былъ прекрасный членъ совѣта, сильно заботившійся о школахъ того района, гдѣ онъ жилъ. Его желанія въ совѣтѣ всегда исполнялись, когда ихъ передавалъ инспекторъ. Но какъ мало у насъ сознанія своихъ правъ! Какъ мы склонны права-то свои считать за повинности! Какъ мало въ насъ развита общественная жилка! Видно, на это нужно время и практика и подходящія условія...

Надо, впрочемъ, правду сказать: и не велики же права, хотя и училищнаго совѣта. Журнальныя резолюціи все больше таковы: «къ свѣдѣнію» и «къ исполненію». Рѣдко приходится особенно-то вдумываться въ дѣло и рѣшать его съ сознаніемъ своей отвѣтственности передъ совѣстью.

Вся, такъ сказать, политическая часть, т.-е. вопросы благонадежности возложены на предводителя, который, въ нужныхъ, по его мнѣнію, случаяхъ, дѣйствуетъ единолично, до закрытія училища включительно. И на этомъ я остановлю вниманіе читателя. Значитъ, несправедливы—скажу: безсовѣстны—навѣты на земскія школы, что онѣ неблагонадежны, если никто и не слыхалъ, чтобы предводитель былъ вынужденъ воспользоваться своимъ правомъ! А на что есть предводители, готовые чуть ли не самихъ себя заподозрить въ неблагонадежности? Тѣмъ не менѣе нѣкоторые писатели продолжаютъ это говорить и писать, а нѣкоторые читатели въ написанное вѣрить!

Функція губернскаго училищнаго совѣта, состоящаго изъ представителей администраціи и общественныхъ учрежденій, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, въ короткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ: разбирать всѣ споры и разногласія, возникающіе въ уѣздахъ и... утверждать школьныхъ попечителей.

Есть уѣзды, которые даютъ губернскимъ совѣтамъ много дѣла. Это тѣ, гдѣ нелады между земствомъ и инспекціей или между инспекціей и училищнымъ совѣтомъ. Въ другихъ же, какъ, напримѣръ, въ Козловскомъ, я не помню, чтобы какой-

либо вопросъ доходилъ до губернскаго совѣта, кромѣ, конечно, назначенія попечителей.

Епархіальный училищный совѣтъ, наоборотъ, имѣетъ гораздо больше дѣла, чѣмъ губернскій. Главный вопросъ, денежный, по земскимъ школамъ сосредоточенъ въ уѣздѣ, а по церковнымъ— въ епархіальномъ совѣтѣ. Почти всѣ текущія дѣла отдѣленія доходятъ до епархіальнаго совѣта, даже дѣла о назначеніи учителей включительно. Такимъ образомъ, центромъ управленія школами въ вѣдомствѣ министерства надо считать уѣздный училищный совѣтъ, въ церковномъ вѣдомствѣ не отдѣленіе, а епархіальный совѣтъ.

Но главная разница между училищными совѣтами обоихъ вѣдомствъ вотъ въ чемъ: училищные совѣты министерства рѣшаютъ дѣла, имъ порученныя, окончательно, и ихъ рѣшенія приводятся въ исполненіе. Такимъ образомъ, это органы самостоятельные. Рѣшенія же епархіальныхъ совѣтовъ требуютъ утвержденія архіерея наравнѣ съ постановленіями всѣхъ остальныхъ съѣздовъ, совѣтовъ, братствъ и другихъ коллегіальныхъ учрежденій епархіи. Эти рѣшенія приводятся въ исполненіе только послѣ того, какъ архіерей утвердитъ соотвѣтствующіе журналы. Очевидно, что фактически вся власть въ рукахъ не совѣта, а архіерея. Поэтому совѣты, чтобы не наскочить на неутвержденіе ихъ журнала, заранѣе стараются соображаться со вкусами и желаніями архіерея.

Нельзя не прибавить, что въ совѣтахъ обоихъ вѣдомствъ царитъ иногда полный произволъ, въ особенности въ отношеніи учителей. Имъ и въ голову даже рѣдко приходитъ обжаловать рѣшеніе совѣта или приказъ инспектора или наблюдателя. Высшія инстанціи держатся того правила, что отмѣной постановленія низшей нарушается ея авторитетъ. Поэтому, если бы учителя и вздумали жаловаться, все равно ихъ жалобы оставались бы безъ удовлетворенія.

Да, наконецъ, даже въ случаѣ увольненія они стараются не портить отношеній съ мѣстными властями, которыя могутъ его простить и вновь взять на службу.

Въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія надъ директоромъ и губернскими совѣтами одна единичная власть—попечитель округа. Въ церковномъ же вѣдомствѣ есть еще училищный совѣтъ при святѣйшемъ синодѣ, подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго архіерея, и состоящій изъ многихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, а также представителей другихъ вѣдомствъ. Этотъ совѣтъ непосредственно занимается наиболѣе важными дѣлами, напримѣръ, устройствомъ учительскихъ школъ, а главное, даетъ тонъ всему дѣлу и разрабатываетъ программы, уставы и инструкціи, касающіяся громаднаго, но неустроеннаго дѣла.

34. Отношеніе земствъ къ школьнымъ управленіямъ.

Интереснѣе всего, конечно, разобраться въ отношеніяхъ земствъ къ церковнымъ школамъ. Мы видимъ здѣсь самое большое разнообразіе: отъ передачи земствомъ всѣхъ школъ церковному вѣдомству до полнаго игнорированія церковной школы.

Я уже говорилъ, что земства, какъ Чернское и Елатомское, передавшія всѣ свои школы церковному вѣдомству, вовсе не заботились о лучшей постановкѣ школьнаго дѣла или о лучшемъ направленіи школы. Они, зная хорошо положеніе, знали и то, что въ церковныхъ школахъ постановка дѣла хуже, чѣмъ въ земскихъ и что направленіе ихъ въ смыслѣ большей религіозности и бо̀льшаго воспитательнаго вліянія на учениковъ ни на іоту не отличается отъ направленія земскихъ школъ.

Большинство гласныхъ хотѣло одного: подъ благовиднымъ предлогомъ уменьшить расходы. Нѣкоторые питали затаенную надежду остановить развитіе народа, которое имъ казалось страшнымъ для ихъ собственнаго благополучія. Насколько главною цѣлью была преступная экономія, видно изъ примѣра Елатомскаго земства. Передавъ всѣ школы церковному вѣдомству и обѣщавъ имъ щедрую субсидію, они черезъ годъ или два пере-

стали выдавать эту субсидію. Дѣло было уже поставлено на сравнительно широкую для церковныхъ школъ ногу и поэтому церковное начальство было поставлено въ довольно затруднительное положеніе: находить деньги (а гдѣ ихъ искать?) или упразднять учителей и вообще понижать уровень школьнаго благополучія.

Теперь спрашивается: что̀ хотѣли елатомцы? Лучшихъ школъ или сокращенія расходовъ?

Есть и другая крайность. Нѣкоторыя земства совсѣмъ игнорируютъ церковныя школы. Составляютъ школьную сѣть — не принимаютъ въ разсчетъ нѣкоторыхъ дѣйствительно хорошихъ церковныхъ школъ. Проситъ отдѣленіе давать наблюдателю земскихъ лошадей за прогоны—отказываютъ, хотя земству это ничего не стоитъ, а ямщикамъ кромѣ удовольствія ничего не доставляетъ. Однимъ словомъ, всячески стараются обострить отношенія съ духовнымъ вѣдомствомъ.

Это, по крайней мѣрѣ, не тактично. Сохранить добрыя отношенія съ церковнымъ вѣдомствомъ для земства нужнѣе, чѣмъ наоборотъ — духовному вѣдомству заботиться о дружбѣ съ земствомъ. Взять хотя бы вопросъ о законоучителяхъ, гдѣ могутъ возникать съ епархіальнымъ начальствомъ такіе конфликты, которые отразятся на судьбѣ земскихъ школъ. А этого избави Боже!

Поэтому, громадное большинство земствъ идетъ на встрѣчу желаній духовенства, не только содѣйствуя успѣху церковныхъ школъ, гдѣ это ему ничего не стоитъ, но и ассигнуя на нихъ иногда довольно значительныя средства.

Признаюсь, мнѣ жалко бываетъ читать, что такое-то земство ассигновало по сто, положимъ, рублей на каждую школу грамоты. Школы грамоты настолько плохи не только по дѣйствительности, но и самой концепціи ихъ, что право жаль тѣхъ ста рублей, которые земствомъ ассигнуются на каждую изъ нихъ. Все равно это ихъ или вовсе не подниметъ, или подниметъ слишкомъ незначительно. А какъ могли бы быть полезны эти сотни и тысячи, будь онѣ употреблены на устройство нѣсколькихъ лишнихъ земскихъ школъ!

Земскія собранія, обыкновенно, дѣлая ассигновки на вспомоществованіе церковнымъ школамъ, ставятъ начальству ихъ условіемъ или возможность контроля надъ расходованіемъ этихъ денегъ земцами, или представленіе земствамъ отчетности, касающейся этихъ суммъ. Кажется, просто и естественно? Не тутъ-то было.

То тамъ, то сямъ слышатся голоса, что духовенство не хочетъ показывать земствамъ своей отчетности. Происходятъ изъ-за этого столкновенія. Поднимается въ земскихъ собраніяхъ вопросъ, не прекратить ли вспомоществованія. Вопросъ рѣшается различно.

Но спрашивается, почему же это? Почему въ одномъ земствѣ столько страницъ въ отчетѣ оказывается вырванными? Почему въ другомъ его вовсе не представляютъ? Объясняется это иногда представителями духовенства въ земскихъ собраніяхъ (они же часто и наблюдатели), что вовсе не нужно публикѣ знать частныхъ, внутреннихъ распорядковъ церковныхъ школъ. Довольно съ васъ отчетности о суммахъ, вами вносимыхъ.

Духовное начальство всячески должно разсѣивать слухи о томъ, что плохая дѣйствительность прикрывается невѣрными отчетами. Упрекъ во лжи есть самый главный упрекъ, адресованный церковной школѣ. Упрекъ, къ сожалѣнію, заслуженный многими дѣятелями ея. Недаромъ же на торжественномъ собраніи одно изъ самыхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ произнесло противъ лжи цѣлую филиппику.

Слѣдовало бы этого избѣгать духовенству, а вырываніе листовъ изъ наблюдательскихъ отчетовъ при представленіи ихъ земству только усугубляетъ всеобщее къ церковной школѣ недовѣріе.

Естественно поэтому, что всѣ суммы, которыя удѣляются имъ земствами, назначаются почти всегда на годъ, а не постоянными пособіями.

Перехожу къ отношенію земскихъ собраній къ школьному начальству министерскому. Здѣсь картина совсѣмъ другая. Земскій инспекторъ уже однимъ своимъ званіемъ связанъ съ земствомъ. Большею частью онъ выдающимся земцамъ обязанъ

своимъ мѣстомъ. Естественно, что онъ дѣло земской школы считаетъ своимъ дѣломъ.

Правительственному инспектору, живущему съ тѣми же земцами, нѣтъ охоты съ ними ссориться. Тѣмъ болѣе, что эти ссоры къ добру не поведутъ и отразятся на школѣ, что́ опять-таки можетъ быть поставлено въ укоръ инспектору. Знаю случаи, гдѣ инспекторамъ вмѣнялось начальствомъ въ обязанность ладить съ земствомъ.

Обыкновенно инспекторы читаютъ ежегодные доклады собранію и награждаются усердными благодарностями со вставаніями. Въ исключительныхъ случаяхъ о плодотворной дѣятельности инспектора доводилось собраніемъ до свѣдѣнія попечителя. Попечитель награждалъ усерднаго инспектора. Дѣйствительно, кому лучше судить объ инспекторѣ? Директору съ попечителемъ, знающимъ его по перепискѣ и по отчетамъ, или земскимъ людямъ, знающимъ каждый шагъ его?

Не будь этого удивительнаго недовѣрія къ земствамъ, вслѣдствіе котораго земства не допускаются до учебной части въ школахъ, инспекторъ былъ бы человѣкъ совершенно лишній и его обязанности могли бы исправляться особыми членами управы. Еще лучше, инспекторъ зависѣлъ бы всецѣло отъ земства. Но, повидимому, есть дѣятели, не только не склонные идти рука объ руку съ земствомъ въ школьномъ дѣлѣ, но становящіеся почему-то въ прямо враждебную позицію.

Что сказать про попечителя округа, до свѣдѣнія котораго доводится земскимъ собраніемъ о прекрасной дѣятельности инспектора и который отвѣчаетъ: — Не ваше дѣло! Намъ виднѣе. Ваше дѣло давать деньги.—По-моему, лучше ничего не говорить. Между тѣмъ, такое удивительное событіе имѣло мѣсто и могло повести только къ оскорбленію земства, къ отклоненію инспектора отъ его обязанностей, а главное ко вреду для школьнаго дѣла...

Уѣздный училищный совѣтъ, какъ мы видимъ, въ рукахъ у предводителя, который обыкновенно тотъ же земецъ.

Кстати: я наблюдалъ странное явленіе. Человѣкъ рветъ и мечетъ въ каждомъ разговорѣ, положимъ, противъ школъ. А

спросить, если онъ предводитель, какова его дѣятельность въ школьномъ вопросѣ, ну, хоть въ училищномъ совѣтѣ? Оказывается, что онъ не только не противодѣйствуетъ школамъ, но и по мѣрѣ силъ помогаетъ имъ. Чѣмъ это объяснить? Я думаю, что каковы бы ни были разговоры нашихъ мракобѣсовъ, а въ душѣ у нихъ все-таки есть что-то, что̀ имъ твердитъ, что они призваны служить святому дѣлу. Потому, когда дѣло не въ разговорѣ, а въ дѣлѣ, они слѣдуютъ этому внутреннему голосу и, вопреки своему мракобѣсію, служатъ доброму дѣлу.—А ну, какъ, правда, грѣшно будетъ?

И дѣлаютъ какъ надо.

---

35. Продолжительность курса.

Прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ программъ, хочется сказать два слова о продолжительности курса—этомъ важномъ вопросѣ народной школы. Стоитъ того. Курсъ церковно-приходскихъ школъ разсчитанъ на два года. Такой же курсъ земскихъ школъ—на три года. Въ дѣйствительности этотъ курсъ проходится въ четыре, иногда въ пять, шесть лѣтъ. Очевидно, что на бумагѣ такъ, на дѣлѣ иначе. То, что̀ терпитъ бумага, того не выноситъ жизнь.

Кончаетъ обычно 10% учащихся, вмѣсто 33%, которые получились бы, кончай всѣ въ три года. Отчего же кончаетъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы? Принято говорить, что родители учащихся берутъ ихъ изъ школы, когда они становятся нужны для хозяйства, не давая имъ кончить курса. Этотъ взглядъ невѣренъ. Крестьяне посылаютъ дѣтей въ школу чуть не съ шестилѣтняго возраста, хотя бы для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ по утрамъ дома. Великовозрастные бываютъ преимущественно во вновь открывающихся школахъ. А берутъ дѣтей изъ школы (я говорю про мальчиковъ) лѣтъ съ двѣнадцати. Казалось бы, времени до-

статочно, чтобы пройти курсъ. Въ чемъ же дѣло? А посмотрите вы, сколько въ классѣ къ концу года отсталыхъ. И смотрите, сколько человѣкъ учитель осенью оставляетъ на второй, а то и на третій годъ въ одномъ и томъ же отдѣленіи. Причинъ къ тому очень много.

Первая причина—бѣдность учениковъ. Бѣдность заставляетъ родителей удерживать ребенка дома при малѣйшей хозяйственной надобности. Всей пользы-то, приносимой ребенкомъ, на грошъ, а онъ въ школу не идетъ. Бѣдность заставляетъ дѣтей сидѣть дома, какъ только морозъ слишкомъ легко проникаетъ сквозь рваную шубенку. Бѣдность не пускаетъ въ школу мальчика, когда сапоги протерлись, когда онъ заболѣлъ отъ простуды, когда онъ пошелъ побираться. Эхъ, бѣдность! А все-то мы слышимъ, что это научный законъ, чтобы люди умирали съ голоду, когда за стѣной другіе люди наживаютъ катарры отъ пряностей и подагры отъ шампанскаго!

Вторая причина—празднованія, празднованія по закону и по обычаю. По закону празднуется очень много и очень строго. Если взять краткость учебнаго года, то не громадными ли перерывами покажутся двухнедѣльныя вакаціи святочныя и пасхальныя? Не очень ли многочисленными явятся наши праздники большіе и малые, чтимые населеніемъ и нечтимые? А насколько строго всѣ эти праздники соблюдаются, видно изъ слѣдующаго факта. Въ село С. О—ро былъ отправленъ учитель Т. за свою кротость. Дѣло въ томъ, что въ селѣ С. О—рѣ былъ жестокій по отношенію къ учителямъ священникъ. И послали Т., который за свою кротость и безотвѣтственность былъ посмѣшищемъ товарищей. Вздумалъ Т. переусердствовать и въ одинъ изъ нечтимыхъ народомъ праздниковъ послѣ обѣда вздумалъ собрать ребятъ незадолго до экзаменовъ подзубрить кое-что. Священникъ донесъ дальнему начальству. Дальнее начальство усмотрѣло тутъ великое зло. Еле вѣдь отстояло ближнее начальство кроткаго Т. А то чуть не лишили его права учительствовать!

А сколько празднованій по обычаю. Три дня храмовой праздникъ; три дня старый храмовой праздникъ (есть почти вездѣ);

недѣля масленицы; Модеста и Власія (коровій праздникъ); Флора и Лавра (лошадиный праздникъ); Троицкая пятница, которую ставятъ наравнѣ со страстной пятницей; родительскія субботы; и все празднуютъ, празднуютъ, празднуютъ...

Третья причина медленности хода учебнаго дѣла—несовершенныя условія преподаванія. Я уже говорилъ, что при трехъ отдѣленіяхъ на учителя часъ обращается въ двадцать минутъ. Ждать при этомъ быстрыхъ успѣховъ немыслимо. Да трудно перечислить всѣ неблагопріятныя условія школьной работы. Иногда учителямъ приходится ѣздить въ городъ за жалованьемъ. По праздникамъ не станутъ въ управѣ выдавать денегъ. Слѣдовательно, теряй учитель день, а то два въ мѣсяцъ на поѣздку за жалованьемъ. А тутъ на базаръ съѣздить надо, ибо въ той мурьѣ, гдѣ живетъ учитель, голоднымъ насидишься, если не съѣздишь на базаръ!..

И выходитъ годъ-то малюсенькій, премалюсенькій...

А курсъ растягивается на много лѣтъ и въ церковной школѣ, и въ земской, такъ какъ программы ихъ одинаково трудны.

Пришлось мнѣ говорить о двухлѣтнемъ курсѣ церковныхъ школъ съ весьма компетентнымъ лицомъ. Это лицо мнѣ и другимъ присутствовавшимъ, которымъ это тоже нужно было знать, долго объясняло, что хотя курсъ назначенъ двухлѣтній, но долженъ продолжаться три года. И что въ церковныхъ школахъ, въ отличіе отъ земскихъ, двумъ старшимъ отдѣленіямъ надо преподавать одновременно, въ нынѣшнемъ году одно, на будущій другое, такъ что оканчивающіе будутъ знать все. Понимаю, что третьему и четвертому курсамъ университета профессоръ математической физики читаетъ одновременно одинъ годъ свѣтъ съ теплотой, а другой годъ электричество; но какъ такую вещь продѣлать въ народной школѣ (!), этого никто изъ слушавшихъ скромныхъ школьныхъ тружениковъ не понялъ. Такъ и разъѣхались они, не понявши. Не понялъ и я.

Но кому нужна была эта фикція двухлѣтняго курса? Нужна ли она была, чтобы показать, что школьное дѣло не мудреное и что выгоднѣе его отнять у земства. Или оттѣнялась необходимость

школы по возможности неполной, и вредъ мало-мальски продолжительнаго ученія? Не знаю. А можетъ быть это объясняется недостаткомъ средствъ? Тогда это менѣе зловредно.

Къ счастью, теперь и церковно-школьные дѣятели не только сознали необходимость трехлѣтняго курса, но и сознались въ ней.

Но земская школа показала, что и трехлѣтній курсъ—фикція. Очевидно, безъ малѣйшаго ущерба для населенія, и даже мало для него замѣтно, можно сдѣлать курсъ четырехлѣтній. Два учителя, съ двумя отдѣленіями каждый, гораздо успѣшнѣе поведутъ дѣло. Я подразумѣваю курсъ даже безъ удлиненія программы, и даже съ сокращеніемъ ея,—сокращеніемъ, какъ увидимъ дальше, крайне необходимымъ.

Кромѣ удобства преподаванія, такое устройство школы имѣло бы и другія преимущества. Раздѣливъ тотъ же курсъ на четыре года, учитель не имѣлъ бы такой массы отсталыхъ въ каждомъ отдѣленіи, съ которыми теперь онъ часто не знаетъ, что и дѣлать. А вѣдь дѣйствительно бѣда съ отсталыми. Бросить ихъ и идти впередъ съ хорошими—жестоко. Съ ними сидѣть долго—хорошимъ скучно и время пропадаетъ. Вопросъ объ отсталыхъ—больное мѣсто.

Иногда отсталость создается искусственно. Напримѣръ, Великимъ постомъ. Кто знаетъ, какъ бываетъ неудобно, когда на первой недѣлѣ говѣетъ, а потому не учится, человѣкъ 10, на второй человѣкъ 15 и т. д. Что тутъ дѣлать? Повторять ли съ говѣвшими пройденное за недѣлю? Классъ заснетъ! Идти дальше? Эти отстанутъ и ничего не поймутъ!

Попробовали мы это вывести. Предложили учителямъ сговориться со священниками, чтобы они устроили говѣнье на всю школу одновременно. Имъ это можно. Но если бы нѣкоторые отдѣльные мальчики и не подчинились этому распоряженію—такъ не бѣда. Большинство священниковъ съ радостью это исполнили и нашли это очень удобнымъ и для своего предмета. Нѣкоторые же отказались. Выставляли неудобство для прихожанъ, нарушенія обычая... однимъ словомъ, видно было, что это имъ не понравилось. Почему?..—до сихъ поръ не знаю.

Кромѣ удобства преподаванія и возможности для учителя производительнѣе использовать время, кромѣ уменьшенія числа отсталыхъ, была бы еще слѣдующая главная выгода четырехлѣтняго курса: у учителя было бы въ распоряженіи больше времени. При маленькой программѣ онъ бы это время могъ употребить на главное—что составляетъ суть дѣла—на развитіе учениковъ, на бесѣды съ ними, на чтеніе... А это, конечно, важнѣе зубренія!

Теперешняя система, трехлѣтняя, должна считаться переходной, при томъ только въ маленькихъ школахъ, пока не изыскано средствъ на второго учителя. Пора перейти на четырехлѣтній курсъ, тѣмъ болѣе, что кое-гдѣ это уже и дѣлается, и сдѣлано. Но требуется подлежащее узаконеніе, ибо не вездѣ это позволяютъ, тѣмъ болѣе, что всѣ мы, увы! пріучены такіе законы толковать ограничительно, а не расширительно.

---

36. Распредѣленіе занятій.

Обыкновенно въ школѣ въ рамочкѣ виситъ «нормальное расписаніе уроковъ». Тутъ все есть: и то, сколько часовъ въ недѣлю какимъ предметомъ надо заниматься, и по какимъ днямъ какой предметъ идетъ впередъ и какой послѣ. Врядъ ли есть школа, гдѣ такое расписаніе соблюдается. Какъ, напримѣръ, его держаться, когда есть одни часы въ школѣ, да и тѣ сломаны?

Очевидно, безъ часовъ и расписаніе становится лишнимъ. Твердо программы держаться священникъ не можетъ. Его то и дѣло отвлекаютъ то той, то другой требой. Учитель хорошо понимаетъ, да и при назначеніи ему внушено было въ достаточной мѣрѣ, что батюшкѣ онъ безпрекословно долженъ уступать. Очевидно, что батюшка занимается, когда ему можно и когда охота есть!.. а тутъ расписаніе... Къ концу года бываетъ и такъ. Законоучитель, въ теченіе года запустившій классъ, начинаетъ

подтягиваться къ экзамену. Двумъ одновременно заниматься нельзя и вотъ изъ-за часовъ начинается споръ между нимъ и учителемъ, которому тоже надо подгонять классъ къ экзамену. Какія же тутъ расписанія?

Это внѣшнія причины, почему они не исполняются; но главная причина не та. Учитель ничего на свѣтѣ такъ не боится (я, конечно, не говорю объ исключеніяхъ), какъ ревизіи. Ревизіи бываютъ рѣдко и продолжаются недолго. Надо, чтобы инспекторъ былъ большой мастеръ своего дѣла (а это даже и многолѣтній опытъ не всегда даетъ), чтобы безошибочно опредѣлить въ такое короткое время состояніе школы и разобрать, что̀ по винѣ учителя не ладится, что̀ внѣ его власти. Поэтому результатъ ревизіи, т.-е. запись въ ревизіонной книгѣ, не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе для учителя эта запись—слово евангелія. И вотъ, не обращая вниманія ни на какія расписанія, онъ начинаетъ подтягиваться по тѣмъ предметамъ, которые инспектору показались неудовлетворительно поставленными. Часто по этимъ предметамъ онъ достигаетъ хорошихъ успѣховъ въ ущербъ другимъ. «Хвостъ вытащитъ—носъ увязнетъ; носъ вытащитъ—хвостъ увязнетъ»,—бранилъ учителя одинъ инспекторъ.

Такъ же подтягивается учитель къ экзамену, что̀ начинается уже съ поста. Обыкновенно тогда почти совсѣмъ забрасываются два младшихъ отдѣленія и занятія сосредоточиваются на старшемъ. Подтягивается учитель по тѣмъ предметамъ, гдѣ чувствуетъ себя слабымъ, или сообразуясь со вкусами будущаго экзаменатора, если таковой заранѣе извѣстенъ. Какія же тутъ расписанія?

Интереснѣе вопросъ распредѣленія занятій, когда въ школѣ два или больше преподавателей. Какъ распредѣлить между ними занятія? По классамъ, т.-е. отдѣленіямъ, или по предметамъ? И то, и другое имѣетъ свои преимущества. Разсмотримъ оба случая.

Занятія распредѣлены по отдѣленіямъ. Одинъ учитель все время въ одной классной комнатѣ, другой въ другой. Ученики

лучше привыкаютъ къ требованіямъ своего преподавателя, лучше къ нему приспособляются. А это въ каждой школѣ чрезвычайно важно. Въ народной школѣ извѣстные порядки вводятся съ большимъ трудомъ, а такъ какъ эти порядки различно понимаются, хотя бы въ мелочахъ, различными учителями, то отъ этого происходятъ чувствительныя для дѣтей затрудненія. Например: одинъ учитель любитъ, чтобы ученики часто поднимали руку, выражая тѣмъ свое желаніе отвѣчать, другой этого не любитъ и сердится, когда кто часто ее поднимаетъ. Ученикъ не знаетъ каждый разъ: поднять руку или нѣтъ, и потому думаетъ не объ ученіи, а о рукѣ. Примѣръ этотъ взятъ мною съ натуры.

Другое главное преимущество занятія по отдѣленіямъ именно въ томъ, что учитель можетъ не держаться расписанія А то у одного ариѳметика пройдена, и хорошо бы часы ариѳметики занять другимъ предметомъ, а нельзя, это—предметъ другого учителя. Получается невознаградимая потеря времени. Теперь вообразимъ, что преподаваніе происходитъ не по отдѣленіямъ, а по предметамъ.

Преимущества такого порядка тоже очень значительны. Всѣмъ извѣстно, что главный врагъ школьныхъ успѣховъ—скука. Если дѣти скучаютъ, значитъ дѣло никуда не годится. Бодры дѣти, смотрятъ и слушаютъ весело—значитъ ученье на пользу.

Теперь припомнимъ изъ нашего дѣтства, когда одинъ и тотъ же учитель является въ классъ два часа подъ рядъ. Второй часъ онъ становился скученъ, хотя бы преподавалъ другой предметъ. Одни и тѣ же движенія, та же походка, тотъ же голосъ, то же лицо дѣйствовали на учениковъ усыпляющимъ образомъ, и они начинали зѣвать, потягиваться, дѣлались менѣе внимательными и подъ конецъ ничего почти не слыхали изъ преподаваемаго.

Мнѣ кажется, что именно эта скука, это убаюкивающее дѣйствіе одного и того же учителя въ теченіе цѣлаго дня дѣлаетъ учениковъ столь мало воспріимчивыми къ концу учебнаго

дня. Нашъ учитель становился скученъ въ концѣ двухъ часовъ, а тутъ пять часовъ безъ перемѣны! извольте-ка ихъ высидѣть!

Есть и другія выгоды предметнаго распредѣленія. Для учителя средняго, не одареннаго особымъ преподавательскимъ талантомъ, чѣмъ больше практики—тѣмъ лучше. Недостаточно усвоить методику, надо на опытѣ пережить и неоднократно испытать, какъ эта методика дѣйствуетъ, надо себя къ ней приспособить или ее приспособить къ себѣ,—только тогда дѣло пойдетъ хорошо и безъ таланта. Поэтому чѣмъ больше учитель спеціализируется, тѣмъ лучше его преподаваніе.

На практикѣ въ начальныхъ школахъ преподаваніе ведется всегда по отдѣленіямъ. И я съ этимъ позволю себѣ не согласиться. Когда предлагаешь учителямъ распредѣлить свои труды по спеціальностямъ, обыкновенно слышишь отвѣтъ: «Нѣтъ, ужъ позвольте по старому. Пускай каждый за своихъ и отвѣчаетъ». А чтобы лучше это провести на дѣлѣ при трехъ учителяхъ, дѣлаютъ такъ. Каждый беретъ отдѣленіе съ начала и ведетъ его до конца. Иногда, впрочемъ, два младшихъ учителя занимаются въ младшемъ и среднемъ отдѣленіи, а въ старшемъ дѣтей полируетъ старшій учитель, наиболѣе опытный, и уже отшлифованныхъ ведетъ на экзаменъ.

Не могу удержаться, чтобы не привести анекдота изъ своей практики.

Сижу я разъ съ двумя-тремя учителями. Тутъ же сидитъ священникъ. Докладываютъ:

— Псаломщикъ З. пришелъ.

— Попросите его.

Входитъ молодой человѣкъ, высокій, безъ растительности на подбородкѣ, говорящій глубокой октавой. Переговорили мы съ нимъ о дѣлѣ, которое его привело ко мнѣ,—дѣло, имѣвшее связь съ его октавой. Кончивъ о дѣлѣ, перехожу къ вѣчно интересному для меня вопросу.

— А школа есть у васъ?

— Есть. Церковная.

— А-га! Вы-то сами въ ней занимаетесь?

— Какъ же-съ! Занимаюсь.

— Чѣмъ? Пѣніемъ?

— Занимаюсь и пѣніемъ, и другими предметами.

— Развѣ не діаконъ у васъ учительствуетъ?

— И отецъ діаконъ, и я.

А я передъ этимъ съ своими гостями какъ разъ говорилъ о томъ, что́ лучше: преподаваніе по предметамъ или по отдѣленіямъ. Думаю: вотъ, кстати, два учителя въ одной школѣ. Какъ-то у нихъ?

— Скажите, пожалуйста,—продолжаю я свой экзаменъ,—вы съ діакономъ какъ раздѣлили трудъ? Какъ занимаетесь? По предметамъ или по отдѣленіямъ?

— Поденно!—отвѣтилъ псаломщикъ замогильной октавой.

Гомерическій хохотъ встрѣтилъ его слова.

Комментаріи излишни.

---

37. Экзамены.

Начну съ конца. А съ конца начинать приходится потому, что надо читателю прежде всего показать цѣль, куда мы стремимся въ школѣ, а потомъ уже говорить о программахъ и самомъ преподаваніи. По-моему, цѣль—развитіе учениковъ. А по мнѣнію учителя, цѣль—экзамены. Онъ учитъ,—съ его цѣлью и надо намъ познакомиться. Учитель доволенъ, если всѣ явившіеся на экзаменъ сдали его удовлетворительно, если процентъ получившихъ свидѣтельства большой, если въ экзаменаціонныхъ спискахъ много пятерокъ, а мало двоекъ. Тогда учитель ѣдетъ спокойный на родину отдыхать лѣтомъ. Если экзаменъ прошелъ плохо—недоволенъ и учитель, а главное—недоволенъ учителемъ инспекторъ.

Конечно, есть исключенія. Есть учителя не о пятеркахъ за-

ботящіеся, а о дѣйствительныхъ успѣхахъ, понимающіе разницу между пятерками на экзаменахъ и своими дѣйствительными заслугами. Есть и инспектора, требованія которыхъ выше пятерокъ и обычнаго зубренія. Но заботы большинства учителей, требованія большинства инспекторовъ таковы, какъ я выше изложилъ. Поэтому первый вопросъ учителя: кто у насъ будетъ на экзаменѣ? Ибо всѣ экзаменаторы извѣстны: члены училищнаго совѣта, школьные попечители, гдѣ таковые есть съ образовательнымъ цензомъ. Извѣстны они всѣ до тонкости. Кто какъ экзаменуетъ, долго ли, скоро ли? Какіе предметы больше любитъ? Какія у него слабости? Къ чему больше придирается?— Все это извѣстно, и соотвѣтственно идетъ подготовка... Потому-то я и началъ съ экзаменовъ.

А знать экзаменаторовъ потому надо, что разнообразны они до безконечности. Одинъ, кромѣ пятерки, ничего не ставитъ, и экзаменъ превращаетъ въ торжественный актъ, считая его за формальность. Другой рѣжетъ немилосердно, стараясь тѣмъ исправить учителя. Третій главное вниманіе обращаетъ на законъ Божій. Четвертый считаетъ, что законъ Божій дѣло духовенства и не вмѣшивается въ этотъ предметъ. Пятый... А пятый иногда самъ мало грамотный... И учителя примѣняются. Винить ихъ въ этомъ трудно.

Такъ разнообразны экзаменаторы не потому только, что одни развитѣе, чѣмъ другіе, а потому, что дѣйствительно трудно сказать, какъ надо относиться къ экзаменамъ? Строго или снисходительно? Съ одной стороны, полезной кажется строгость, чтобы учителя подтягивались и чтобы свидѣтельства на льготу имѣли тѣмъ бо̀льшую цѣнность, чѣмъ съ бо̀льшимъ трудомъ они пріобрѣтаются. Съ другой,—невиноваты же ученики, что ихъ плохо учили, и невольно хочется сдѣлать удовольствіе, а не причинять горя дѣтямъ, собравшимся на это торжество, которое на ихъ неизбалованное воображеніе производитъ такое же впечатлѣніе, какъ на насъ актъ въ залѣ съ раззолоченными капителями на колоннахъ и раззолоченными мундирами на плечахъ присутствующихъ.

Очевидно, критерій долженъ быть одинъ: польза не для ученика, держащаго экзаменъ, но для всей школы въ будущемъ. Надо, чтобы населеніе не теряло довѣрія къ школѣ. На этомъ основываютъ нѣкоторые свою снисходительность. Не надо,—говорятъ они,—отталкивать населеніе отъ школы излишнею строгостью. Я же замѣчалъ обратное. Мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ: «Э! это что за «екзаментъ», когда изъ школы выходятъ, а еле по азамъ читаютъ. Намъ бы учительницу настоящую!» Вотъ и толкуйте съ ними. Это вѣдь главный доводъ противъ церковной школы, почему она считается не настоящей, что плохи оканчивающіе. Находятся уже между крестьянами и такіе, которые умѣютъ оцѣнить успѣхи и не по свидѣтельству. А когда таковые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, надо имѣть это въ виду.

Я говорю объ экзаменаторахъ добрыхъ и строгихъ, ставящихъ пятерки и единицы, какъ будто онъ одинъ экзаменуетъ, а не предсѣдательствуетъ только въ коммиссіи, въ которой на правахъ членовъ засѣдаютъ и священникъ, и учитель. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ члены коммиссіи не считаются. Какое мнѣніе смѣетъ имѣть учитель передъ членомъ училищнаго совѣта? Его обыкновенно и не спрашиваютъ. Баллъ ставится единолично предсѣдателемъ. Но даже если и продѣлывается комедія постановки балловъ всѣми членами коммиссіи, то учитель уже по грозному тону предсѣдателя видитъ, что дѣло плохо. Онъ самъ ставитъ двойку или, если онъ смѣлъ, то тройку съ минусомъ, которая торжественно парализуется единицей предсѣдателя.

Экзамены сопряжены иногда съ большими неудобствами для населенія, а главное—для экзаменующихся. Вообразимъ, что въ уѣздѣ, какъ въ Козловскомъ, 150 школъ, а экзаменаторовъ человѣкъ 15. Исправникъ, нѣкоторые земскіе начальники часто уклоняются отъ исполненія этой обязанности. Да и не всѣ изъ нихъ желательны въ качествѣ экзаменаторовъ. Есть тяжелые на подъемъ, напримѣръ, предводитель—много школъ на него навязать нельзя. Такимъ образомъ, изъ 15 остается человѣкъ

6—8, т.-е. на каждаго школъ по 20. Немыслимо, чтобы они экзаменовали цѣлый мѣсяцъ безъ отдыха, поэтому волей-неволей приходится по двѣ, по три школы сводить вмѣстѣ, въ болѣе центральныхъ пунктахъ.

Итакъ, нужно принять во вниманіе, что ученики приходятъ на сборный пунктъ, иногда верстъ за 10, уже усталые. Съ собой, кромѣ хлѣба—ничего. А тутъ предсѣдатель коммиссіи, какъ на грѣхъ, дома съ женой заболтается, да пріѣдетъ вмѣсто 10 часовъ въ часъ. А ученики тѣмъ временемъ, несчастные, сидятъ голодные и томятся въ ожиданіи своей участи. Наконецъ, начальство явилось. Пропѣли или прочитали молитву. Учителя роздали бумагу, перья, карандаши... Сдѣлано должное внушеніе—учителямъ не помогать ученикамъ, ученикамъ не списывать другъ у друга—и начинается первый актъ—письменный экзаменъ. Нѣкоторые стараются по возможности придать этому дѣлу характеръ важности, торжественности и... ученики окончательно теряются, и учителя не узнаютъ ихъ работъ. Такіе-то экзаменаторы и бываютъ самые строгіе. Послѣ письменныхъ работъ—диктанта и задачки—учитель приглашаетъ экзаменатора закусить, чтобы онъ съ голоду-то еще злѣе не сдѣлался. Дѣйствіе получается обратное. Голодный бы онъ поторопился, а неосмотрительно двойки ставить совѣстно. А тутъ онъ закусилъ, сытъ... и начинаетъ пробирать ребятъ... Учитель помочь ничѣмъ не можетъ... ученики, видя какъ дѣло идетъ, еще больше теряются. Послѣ такого дня, голодные, физически усталые, нравственно удрученные—и не такіе бы еще срѣзались...

Поздно-поздно вечеромъ экзаменаторъ возвращается во-свояси, довольный собой, что ловко пробралъ учителя, не щадя для пользы общей живота своего.

Все это часто именно такъ и происходитъ. А знаю я это потому, что во дни моей юности, а потому и неопытности, самъ все это продѣлывалъ, къ огорченію учителей, къ скорби дѣтей и ко вреду дѣлу. Позже и я поумнѣлъ...

Еще не менѣе важное неудобство экзаменовъ—время ихъ. Постомъ рано, говорятъ, экзаменовать—третье отдѣленіе ходить

перестанетъ—да къ тому же и дороги портятся. Затѣмъ праздники. Затѣмъ дорогамъ надо дать просохнуть. А ребятъ въ это время родители взяли къ пахотѣ. Многое они уже перезабыли—охъ, какъ скоро все это улетучивается! Наконецъ, день экзамена, а учителю надо по селу, чѣмъ свѣтъ, ѣздить и собирать ихъ... да еще хорошо какъ по селу... а то и въ поле за ними ѣзжали, отъ сохи брать!... А тутъ подводы не даютъ ѣхать на пунктъ... пѣшкомъ идти приходится дѣтямъ... Какъ все это пообдумаешь, да сравнишь себя съ этими ребятами, да съ этимъ учителемъ, такъ бы и поставилъ всѣмъ ребятамъ по пятеркѣ, учителю выдалъ бы награду хорошую, представилъ бы его къ медали... пожалуй, и безъ экзамена... Но и въ снисходительности, какъ мы видѣли, нужна мѣра! И очень даже нужна!

Мнѣ кажется и въ народной школѣ можно уничтожить экзамены. Инспекторъ и члены училищнаго совѣта (только не всѣ, а по избранію совѣта) ѣздили бы зимою по ревизіямъ и записывали бы успѣхи учениковъ старшаго отдѣленія. Экзаменовали бы для формы сами учителя. А по спискамъ можно бы устранить крупныя злоупотребленія. Да къ тому же ни учитель, ни ученики не знали бы, какая ревизія послѣдняя. Къ сомнительнымъ, не внушающимъ довѣрія учителямъ можно бы инспектору заѣхать попозднѣе....

Думаю, что такимъ образомъ можно сдѣлать дѣло не хуже....

---

38. Законъ Божій.

Я слышалъ, правда, разъ въ жизни, отъ одного серьезнаго, богословски образованнаго человѣка вещь, сказанную серьезно, но такую, что мнѣ пришлось его два раза переспросить, не шутитъ ли онъ. Будто для преподаванія закона Божія въ сельской школѣ нужна благодатъ священства!

Всякій вѣрующій пойметъ, если ему скажутъ, что благодать священства нужна для преподаванія даровъ благодати, соеди-

ненныхъ съ другими таинствами—хотя дары благодати таинства крещенія могутъ быть преподаны и при посредствѣ свѣтскаго лица. Но при чемъ благодать священства въ дѣлѣ преподаванія дѣтямъ закона Божія?

Очевидно, ни при чемъ. Очевидно также, что не изъ-за этого существуетъ законъ о томъ, чтобы законоучителемъ былъ непремѣнно священникъ. Самъ законъ допускаетъ впрочемъ исключеніе: можетъ быть законоучителемъ особо назначаемый изъ лицъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, хотя бы не духовныхъ. Законъ этотъ съ этимъ добавленіемъ все-таки крайне стѣснителенъ для земской школы.

Въ приходѣ иногда бываетъ двѣ (я знаю случаи и три, и четыре) земскихъ школы. Въ немъ же церковно-приходская школа, а то и школа грамоты. Очевидно, священнику одному не справиться. Да, по правдѣ сказать, при приходскихъ обязанностяхъ священника врядъ ли ему возможно законоучительствовать, какъ слѣдуетъ, болѣе чѣмъ въ одной школѣ.

Какъ тутъ быть? Съ одной стороны, школа безъ законоучителя быть не можетъ (принимать особыхъ законоучителей изъ окончившихъ семинарію земству не по средствамъ), съ другой—законъ даетъ право священнику отказаться отъ законоучительства въ земской школѣ, если его не вознаградятъ въ достаточной мѣрѣ (при чемъ эта мѣра не опредѣлена). Есть мѣста, гдѣ уже сильно успѣло повредить это послѣднее распоряженіе. Въ другихъ земствахъ ладятъ кое-какъ, назначаютъ жалованье законоучителямъ, чтобы привлечь ихъ.

Законоучителя, обремененные дѣломъ, а то и необремененные часто мало занимаются въ школахъ, а то и вовсе не занимаются, предоставляя и занятія закономъ Божіемъ учителямъ. И, надо признаться, лучше всего знаютъ законъ Божій ученики тѣхъ школъ, гдѣ имъ занимаются учителя, естественно болѣе опытные, а главное—болѣе усердные въ преподаваніи, чѣмъ законоучителя, для которыхъ это часто составляетъ обузу. Священники иногда часть своего жалованья, гдѣ таковое полагается, передаютъ учителю, лишь бы онъ занимался.

Бываетъ, что они и просто не занимаются или занимаются слишкомъ мало, не предупредивъ о семъ учителя. Слышалъ я такое мнѣніе: намъ что за дѣло? Если сами священники не заботятся о законѣ Божіемъ, мы-то при чемъ? Мнѣніе, можетъ быть, и распространенное, но невѣрное. Вѣдь на экзаменѣ будутъ ученика спрашивать по закону Божію и, если онъ не знаетъ, поставятъ двойку. Чѣмъ виноватъ будетъ ученикъ, если его не учили? Или каково будетъ чувство учителя, сознающаго, что онъ все сдѣлалъ, что̀ могъ, но что провалилась школа на чужомъ предметѣ?

Во избѣжаніе этого, когда учитель отправляется на мѣсто, онъ часто получаетъ такое наставленіе отъ инспектора.

— Батюшка мало ходитъ. Извольте заниматься сами по закону Божію! Слышите?

— Слушаю-съ!

— И чтобы знали у меня! Безъ отговорокъ! Ступайте!

А если не знаютъ на ревизіи или на экзаменѣ, батюшкѣ это ставится на видъ въ ревизіонной книгѣ, которую никто не читаетъ, а учителю—головомойка!

По всѣмъ этимъ соображеніямъ намъ, экзаменаторамъ, приходится быть снисходительными.

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что законъ Божій учится памятью. Знать хорошо весь учебникъ Соколова —о! какъ трудно крестьянскому мальчугану, который только къ концу перваго года усвоиваетъ разницу между Троицей и Богородицей. Иногда же законоучители далеко - далеко переходятъ предѣлы и безъ того обширной программы. Помню такой случай, въ земской, замѣтьте, школѣ: учитель съ самаго начала экзамена предупреждаетъ меня, что батюшка такъ много занимался по своему предмету, что буквально не давалъ заниматься ему своими предметами. Начинаю спрашивать по закону Божьему. Ученики отвѣчаютъ какъ по книгѣ, безъ запинки. Священникъ начинаетъ отъ себя предлагать вопросы все болѣе и болѣе мудреные, внѣ программы. Доходятъ до ангеловъ. Девять чиновъ ангельскихъ мальчикъ перечислилъ.

— Назови-ка архангеловъ,—говоритъ священникъ.

Мальчикъ безъ остановки называетъ всѣхъ архангеловъ.— По всѣмъ остальнымъ предметамъ дѣти были плохи.

Такое явленіе, весьма, конечно, рѣдкое, во всякомъ случаѣ нежелательно. Въ перечисленіи архангеловъ и даже чиновъ ангельскихъ врядъ ли пользы много. Въ церковныхъ школахъ такое знаніе встрѣчается еще чаще.

Но это знаніе и въ тѣхъ, и въ другихъ школахъ въ ущербъ не только другимъ предметамъ, но и самому закону Божію. Въ той самой школѣ, гдѣ перечисляли архангеловъ, я задалъ простой вопросъ о Христовыхъ заповѣдяхъ Новаго Завѣта. Мнѣ не отвѣтили. Очевидно, на нихъ особаго вниманія дѣтей обращено не было. Когда я имъ намекнулъ въ чемъ дѣло, они конечно вспомнили, потому что въ исторіи Новаго Завѣта они про это учили. Но главное основаніе Христова ученья, на которомъ «законъ и пророцы висятъ», не было для нихъ выдѣлено изъ общаго историческаго матеріала.

Спросите въ школѣ, хотя бы церковной:

— Вы евангеліе читали?

— Читали!

— Съ кѣмъ? съ батюшкой?

— Нѣтъ. Съ Марьей Петровной (учительницей).

Итакъ, главное, краеугольный камень христіанства читаютъ не ради его самого, т.-е. евангелія, а ради славянскаго языка!

Естественно поэтому, что и изъ изученія закона Божія большой пользы въ смыслѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣти не выносятъ. А вѣдь все дѣло-то въ религіозно-нравственномъ воспитаніи. Необходимо объяснить дѣтямъ суть вѣры Христовой, оттѣнять болѣе важное отъ менѣе важнаго. Тогда только ученье принесетъ должные плоды въ жизни его, т.-е. онъ будетъ понимать, что украсть гораздо хуже, чѣмъ оскоромиться. А то вѣдь ученикъ и не слыхалъ про то, что́ сказалъ Христосъ ученикамъ, срывавшимъ въ субботу колосья, если этого нѣтъ въ учебникѣ.

Много разъ я присутствовалъ на экзаменахъ закона Божія,

много ревизій производилъ, много разъ экзаменовалъ дѣтей и эта мысль меня не покидала. Заботятся объ одномъ, а достигаютъ другого. Впечатлѣніе получается такое: хочетъ человѣкъ идти къ цѣли, находящейся направо, а самъ идетъ влѣво. Такъ и хочется крикнуть:—Куда вы? повернитесь!

«Азъ есть путь, и истина, и животъ»—сказалъ Христосъ. Слѣдовательно: читайте евангеліе.... а евангелія мы и не читаемъ, а перечисляемъ архангеловъ или подробно разсказываемъ, какъ совершается таинство, котораго вѣроятно никогда и не увидимъ, какъ елеосвященіе....

Ну, не хочется ли крикнуть:

— Куда вы? повернитесь!....

---

39. Славянскій языкъ.

Неразрывно связаннымъ съ закономъ Божіемъ у насъ считается славянскій языкъ.

Многіе отводятъ славянскому языку такое же мѣсто, какое въ католической церкви отводится латинскому языку. Это далеко не такъ. Католическая церковь смотритъ на латинскій языкъ, какъ на языкъ перваго папы, апостола Петра. Отказаться отъ латинскаго языка для католиковъ—то же, что отказаться отъ Рима, отъ папы. Если папа и допускаетъ у инородцевъ ихъ языкъ въ богослуженіи, то лишь временно, для того, чтобы легче уловить ихъ въ свои сѣти. Но латинскій языкъ у нихъ неразрывно связанъ съ богослуженіемъ.

Славянскій языкъ былъ мѣстный языкъ славянъ, когда они приняли христіанство. Православіе болѣе терпимо на счетъ языка, и церковь греческая не требуетъ греческаго богослужебнаго языка. Очевидно, не можетъ его требовать и церковь, получившая религію изъ Греціи и сохранившая свой языкъ. Замѣчаемыя отъ этого отклоненія суть отклоненія отъ завѣтовъ

истиннаго православія. Поэтому переходъ отъ славянскаго языка къ русскому въ богослуженіи не имѣлъ бы въ себѣ ровно ничего антиканоническаго. И если намъ, воспитаннымъ на славянскомъ богослуженіи, рѣжетъ ухо чтеніе молитвъ на русскомъ языкѣ, то это исключительно дѣло привычки. Отвыкнуть отъ славянскаго богослуженія и перейти къ русскому—дѣло одного поколѣнія. Такая, притомъ единственно правильная точка зрѣнія не оправдываетъ того положенія которое отдается славянскому языку въ народной школѣ, въ особенности въ церковно-приходской.

До чего доходитъ увлеченіе славянскимъ языкомъ, видно изъ того, что въ церковно-учительскихъ школахъ требуется переводъ съ русскаго на славянскій! Нѣкоторые завѣдывающіе пытаются сдѣлать то же и во второклассной школѣ. Въ нашей же обездоленной сельской школѣ, которая еле можетъ научить читать по писанному, во многихъ мѣстахъ учатъ писать полууставомъ! Дальше, кажется, идти уже некуда тамъ, гдѣ и по-русски-то пишутъ съ грѣхомъ пополамъ, да съ пропускомъ буквъ.

Трудно понять, серьезно ли говорилось и рекомендовалось начинать изученіе грамоты съ славянскаго языка съ тѣмъ, чтобы къ русскому переходить уже впослѣдствіи. До того такой методъ кажется страннымъ! Между тѣмъ были завѣдывающіе, которые ввели эту систему у себя, были даже наблюдатели, которые рѣшились дать объ этомъ методѣ хорошіе отзывы. Отвергнувъ рѣшительно все, что, можетъ быть, нѣкоторые признаютъ,—странно сказать,—мистическое въ славянскомъ языкѣ, разсмотримъ значеніе его въ нашей народной школѣ и вліяніе изученія его на учениковъ.

Практическая польза изученія и знанія славянскаго языка можетъ быть двоякая: это знаніе можетъ вести къ пониманію богослуженія и къ чтенію въ церкви и дома. Я сравнительно хорошо знаю славянскій языкъ, хотя грамматику его и забылъ, но, во всякомъ случаѣ, понимаю его лучше большинства уже по одному тому, что много лѣтъ занимался въ школахъ. Между

тѣмъ, я утверждаю, и то же мнѣ подтверждали духовныя лица, окончившія духовныя семинаріи, что и для знающаго славянскій языкъ въ богослуженіи понятными являются только тѣ мѣста, которыя мы или знаемъ наизусть, или, по крайней мѣрѣ, которыхъ смыслъ намъ извѣстенъ.

Положимъ, чтеніе священника или псаломщика даже очень хорошо. Идеальнымъ оно быть не можетъ, такъ какъ слишкомъ затянуло бы службу. Что мы понимаемъ? молитвы, псалмы и пѣснопѣнія, намъ извѣстные, евангеліе и самыя легкія мѣста изъ Ветхаго Завѣта, конечно, историческія. Остальное мы понимаемъ, какъ понимали бы греческое чтеніе. Я много разъ спрашивалъ учениковъ второклассныхъ школъ, заранѣе предупредивъ ихъ, чтобы слушали внимательно чтеніе апостола, поняли они или нѣтъ? Отвѣтъ былъ всегда отрицательный.

Языкъ славянскій настолько труденъ, что, и читая сами, мальчики ничего не понимаютъ. На что протяжно читается апостолъ, и то прочитавшіе его признаются, что ничего не поняли. То же, очевидно, можно сказать и про чтенія на дому, которыя нѣкоторыми такъ идеализируются. Если читаются житія святыхъ, то ихъ еще можно понять, но чтеніе часослова и другихъ богослужебныхъ книгъ для народа непонятно и послѣ прохожденія народной, хотя бы церковной школы. Если же старики иногда при такомъ чтеніи и вздыхаютъ, то дѣлаютъ они это не потому, что прониклись читаемымъ, а потому, что на нихъ умилительно дѣйствуетъ обстановка. Тѣ же вздохи слышимъ мы, когда читаетъ скороговоркой псаломщикъ, такъ что у него ни слова не разберешь. Пусть это состояніе умиленія будетъ прекрасно, но для него не нужно ни знанія, ни изученія славянскаго языка.

Теперь посмотримъ, чего стоитъ въ школѣ это изученіе. Во второе полугодіе младшее отдѣленіе начинаетъ уже браться за славянскую книгу. Ребята еще порядкомъ не умѣютъ читать русской книги, а тутъ новыя буквы, новые звуки! Не преувеличивая, можно сказать, что кругомъ, если взять трехгодичный курсъ школы, славянскій языкъ отнимаетъ полчаса въ день.

Не трудно понять, сколько можно бы подвинуть развитіе дѣтей, если бы эти полчаса ежедневно употребить—ну, хоть на объяснительное чтеніе.

Но это еще меньшее горе. Есть положительный вредъ. Церковно-славянское чтеніе требуетъ хорошаго произношенія. Такъ уже привыкло наше ухо. Очень непріятно дѣйствуетъ на человѣка, привыкшаго къ правильному произношенію, напримѣръ, петербургское «аканье», т.-е. когда буква «о» произносится какъ «а».

Славянскій языкъ любитъ, чтобы каждая буква произносилась явственно, отчетливо; русскій языкъ, наоборотъ, не любитъ яснаго произношенія. Гласныя, на которыхъ нѣтъ ударенія, произносятся совсѣмъ не такъ, какъ съ удареніемъ. Ясно, что̀ отъ этого происходитъ. Мальчикъ не только долженъ привыкать къ новымъ знакамъ, но и къ новому способу произношенія. На урокѣ русскаго языка учитель то и дѣло повторяетъ: не говорите на «о»! Зачѣмъ вы говорите «солома»? говорите: «салома»! Не «другого», а «другова». А черезъ пять минутъ тотъ же учитель тѣмъ же ученикамъ на урокѣ славянскаго языка говоритъ обратное,—чтобы не коверкали звуковъ, а произносили какъ написано. Дѣти, очевидно, сбиваются съ панталыку. Вообразите себѣ, напримѣръ, владимірца или нижегородца, говорящаго все на «о». Сколько труда стоитъ его переломать и хоть немного вылѣчить отъ этой привычки. А на славянскомъ урокѣ ему мѣшаютъ исправляться. Это уже хуже, чѣмъ потерянное время!

Если объяснимо изученіе въ гимназіи славянскаго языка, какъ родоначальника русскаго (хотя нѣмцы не изучаютъ соотвѣтствующаго ему древне-готскаго, а французы—древне-галльскаго), то уже въ народной школѣ, при краткости ея курса и почти полной невозможности достигнуть мало-мальски порядочныхъ результатовъ, ему, очевидно, не мѣсто.

---

40. Пѣніе.

Ставлю этотъ предметъ на очередь, потому что на ряду съ славянскимъ языкомъ онъ многими считается необходимымъ спутникомъ закона Божія. Одно время въ духовномъ вѣдомствѣ былъ поднятъ вопросъ: сдѣлать пѣніе въ школѣ предметомъ обязательнымъ или нѣтъ. Вотъ какое значеніе имѣетъ этотъ предметъ въ глазахъ многихъ. Возраженіе было противъ этого самое основательное, вотъ какое: неужели не допускать до учительства человѣка, во всемъ достойнаго этого званія, лишь за то, что у него нѣтъ ни малѣйшаго слуха? (Поднимался именно вопросъ: выдавать ли такимъ учительскія свидѣтельства).

Требованіе во многихъ школахъ земскихъ пѣнія отъ учителя тоже слышится все чаще и чаще. Думаю, что тутъ кроется отчасти недоразумѣніе, отчасти желаніе перенести центръ тяжести ученія съ развивающихъ предметовъ на предметы, развитію мало способствующіе.

Есть громадная разница между пѣніемъ въ церкви и пѣніемъ школьнымъ. Ссылаются на нашъ народъ, любящій пѣніе. Но народъ любитъ, чтобы былъ хоръ въ церкви, и если учитель или, какъ это чаще бываетъ, учительница занимается пѣніемъ лишь въ школѣ, то это народа не удовлетворяетъ. Притомъ народъ, при всей своей церковности, любитъ пѣніе самое легкое, нотное. Чѣмъ громче вещь, чѣмъ быстрѣе темпъ, чѣмъ менѣе въ пѣніи церковности, тѣмъ для нихъ лучше. Концертъ какой-нибудь Дехтерева, чуть-ли не заимствованный изъ вальса, очень имъ нравится. А если запоютъ на гласъ, то скажутъ регенту: «Э! да такъ наши дьячки поютъ. Стоитъ вамъ хлопотать?» Говорится это, если пѣніе поставлено даже на идеальную высоту. Очевидно, народъ пѣнія не понимаетъ. Чего же его слушать?

Поэтому-то, когда учитель регентуетъ и въ церкви, то между школьнымъ пѣніемъ и церковнымъ нѣтъ ничего общаго. Въ школѣ поютъ всѣ ученики по обиходу. На спѣвкахъ же и на

клиросѣ поютъ съ большими избранные мальчики—по нотамъ. Между тѣмъ, требуется и вмѣняется въ заслугу вовсе не регентованіе, а пѣніе въ школѣ всѣхъ учениковъ, и при томъ пѣніе непремѣнно обиходное. Были попытки устроить въ церквяхъ общее пѣніе всѣхъ молящихся, но не знаю случая, гдѣ бы это увѣнчалось успѣхомъ! Женщины упорно молчатъ, а мужчины ограничиваются какимъ-то гуломъ. Этотъ-то гулъ и называется иногда въ отчетахъ удачнымъ общимъ пѣніемъ.

Доказавъ, что церковное благолѣпіе тутъ ровно ни при чемъ, останавливаюсь на интересующемъ насъ школьномъ пѣніи. Главная разница между этимъ предметомъ и всѣми остальными та, что по другимъ вы имѣете дѣло съ каждымъ ученикомъ отдѣльно. Вы можете судить объ успѣхахъ класса не иначе, какъ прослушавъ каждаго ученика въ отдѣльности. Тутъ наоборотъ. Поетъ весь классъ вмѣстѣ. Пѣніе хорошо, если вы не слышите отдѣльно ни одного голоса. Во всякомъ, значитъ, случаѣ пѣніе такое имѣетъ значеніе для класса, но разъ классъ разошелся, пѣнія уже нѣтъ, такъ какъ оно исключительно хоровое. Такъ оно и бываетъ. Примѣнять свое умѣніе врядъ ли кому приходится, кромѣ двухъ-трехъ мальчиковъ, которые становятся на лѣвый клиросъ пѣть «съ дьячками», когда на правомъ поютъ пѣвчіе.

Обиходное пѣніе имѣетъ несомнѣнное эстетическое значеніе въ монастыряхъ, въ хорошо организованныхъ хорахъ. Напримѣръ, панихида, дѣйствительно хорошо пропѣтая хорошимъ хоромъ, на моихъ глазахъ приводила въ умиленіе единовѣрцевъ и людей совсѣмъ не вѣрующихъ. Не думаю, чтобы кто-либо нашелъ эстетическое наслажденіе въ пѣніи, хотя бы панихиды, сельскими «дьячками». Обиходное пѣніе, какъ говорятъ французы, не терпитъ посредственности. Вотъ, слѣдовательно, та сомнительная польза, которую приноситъ школьное пѣніе, и то, какъ мы видѣли, не всему классу. Посмотримъ же, какихъ усилій это стоитъ.

У каждаго почти учителя-спеціалиста въ аттестатѣ стоитъ, что онъ можетъ преподавать и пѣніе. Дѣйствительно же преподавать пѣніе вещь очень мудреная и требующая не только умѣ-

нія, но и особаго таланта. Есть въ числѣ имѣющихъ такую отмѣтку на аттестатѣ и совершенныя тупицы въ музыкѣ, которыя не только преподавать, но и сами-то ничего толкомъ спѣть не умѣютъ. Я возьму средняго учителя, поющаго кое-какъ, пиликающаго кое-какъ на скрипкѣ, однимъ словомъ, обыкновеннаго, такъ называемаго учителя съ пѣніемъ. Съ самаго начала поетъ онъ со всей школой—выходитъ какофонія. Тогда наиболѣе плохимъ онъ велитъ молчать. Но такъ какъ требуется пѣніе всей школы, то и эти современемъ пріучаются открывать ротъ. Усилій кладется масса, чтò слабогрудому часто учителю очень вредно. Въ результатѣ, черезъ годъ, два, если пріѣзжаетъ гость, то коечто споютъ въ два голоса довольно сносно! Вотъ и все.

Мнѣ сдается, что эта показная сторона пѣнія и привлекаетъ симпатіи многихъ. Дѣйствительно, пріѣзжаетъ богатый помѣщикъ, предводитель, иногда духовное лицо, напримѣръ, благочинный... пріѣзжаетъ на пять минутъ. Чтò ему показать въ школѣ? Чтеніе двухъ-трехъ учениковъ? Это его не интересуетъ. На это есть пѣніе. Пропѣли двѣ-три молитвы, ротъ открывали всѣ, фальшивили умѣренно и для посѣтителя незамѣтно... и готово! Посѣтитель школу похвалилъ, учителя поздравилъ съ успѣхомъ... и уѣхалъ. Другихъ результатовъ такого пѣнія я не вижу, ни въ смыслѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, ни въ смыслѣ эстетическаго или иного развитія. А для этого врядъ ли стоитъ надрывать грудь учителя и отнимать у дѣтей массу времени, которое могло бы быть употреблено съ гораздо большей пользой.

Бываютъ, конечно, и другія картины. Я познакомился однажды съ однимъ волостнымъ писаремъ, который въ селѣ, гдѣ онъ былъ, устроилъ хоръ. Мальчики меня поразили умѣньемъ пѣть, чувствомъ и прекрасными голосами. Я пригласилъ г. С. въ учителя пѣнія въ свою школу. Надо было видѣть, чтò онъ сдѣлалъ. Тупицъ у него не оказалось; всѣ пѣли. Притомъ всѣ пѣли, что угодно изъ обихода по одиночкѣ (слѣдовательно, не тянули за другими). Хоръ изъ трехъ сотъ человѣкъ учителей и учениковъ пѣлъ и обиходное пѣніе, и восьмиголосные концерты, и хоры изъ оперъ (съ мальчиками-солистами), и безконечное число пѣсенъ

и другихъ хоровыхъ произведеній. Когда г. С., по семейнымъ обстоятельствамъ, пришлось переѣхать въ городъ—все прахомъ пошло!

Чтобы приводить другихъ въ умиленіе, надо самому сильно чувствовать. Очевидно, пѣніе этимъ дѣтямъ пользу принесло. И такого пѣнія дай Богъ побольше. Очень и очень нужно нашей деревнѣ побольше эстетическихъ вкусовъ. Но не вездѣ это дается. Очевидно, что для пѣнія, какъ и для многихъ другихъ предметовъ, въ обязательный курсъ не входящихъ, нужны особо благопріятныя условія. Тогда толкъ будетъ. А приказать, чтобы было,—еще не значитъ, что это будетъ. Будетъ кое-что, да что̀? это вопросъ. Жалко бываетъ труда, а главное жалко времени, безплодно потраченнаго!

Когда у насъ говорятъ про школьное пѣніе, имѣется всегда въ виду пѣніе духовное. Между тѣмъ, есть еще пѣніе свѣтское. Я на него сильно одно время разсчитывалъ. Дѣти, какъ я убѣдился, чрезвычайно легко воспринимаютъ свѣтское пѣніе, конечно въ размѣрѣ легкихъ пѣсенъ. Они это любятъ. Но помимо сравнительной легкости дѣла и удовольствія дѣтей—а это очень важный факторъ въ школьной жизни—я надѣялся, что ученики разнесутъ эти пѣсни по тѣмъ селамъ, откуда они были родомъ. Больно нехороша становится современная русская пѣснь! Были солисты, запѣвалы, подрегенты, были очень способные пѣвуны... навѣрно, думаю, организуютъ у себя маленькіе хоры... такъ нѣтъ же! результаты были отрицательные. Ни одного хора не организовалось, сколько я ни разспрашивалъ. Хорошо еще, что сами ученики, между собой иной разъ сошедшись или вмѣстѣ гуляя, что-нибудь да споютъ.

Вѣроятно, это не такъ легко дѣлается. Можетъ быть, только во второмъ, въ третьемъ поколѣніи могутъ ярче проявиться эстетическія потребности!

Можетъ быть, есть что внѣшнее, что̀ давитъ русскую пѣснь!

41. Чтеніе.

Чтеніе—основаніе всякаго изученія. А потому на него, конечно, и должно быть обращено главное вниманіе учителя. Можно, не умѣя писать, сдѣлаться философомъ, историкомъ, геометромъ, но чтеніе необходимо, чтобы мало-мальски возвыситься надъ общимъ уровнемъ.

То, на что въ чтеніи прежде всего обращается вниманіе, это самый процессъ чтенія, внѣ связи съ пониманіемъ прочитаннаго. Это чтеніе гоголевскаго Петрушки. Въ смыслѣ развитія ученика оно не даетъ ничего, какъ чтеніе Петрушки, очевидно, не помогало его развитію, сколько бы онъ имъ ни занимался. Тѣмъ не менѣе, этотъ процессъ чтенія есть основаніе ученія. Въ основаніи не живешь, но безъ него и дальнѣйшая стройка жилыхъ комнатъ немыслима. Обыкновенно къ Рождеству младшее отдѣленіе начинаетъ читать, т.-е. цѣлое слово произносить слитно. Къ концу третьяго года можно и должно требовать отъ экзаменующагося бѣглаго чтенія.

Есть, впрочемъ, мальчики, которымъ это умѣнье дается очень трудно. Я наблюдалъ за такими. Хорошій ученикъ, умный, развитой, по всѣмъ предметамъ учится прекрасно, старается изо всѣхъ силъ—а читаетъ плохо. Когда говоритъ—не запинается, разсказываетъ бѣгло, а вмѣсто одного слова читаетъ другое. Изъ этого я вывожу, что это не недостатокъ органа рѣчи, а недостатокъ скорѣе зрѣнія. Спрашивалъ я такихъ, не хотѣли ли они сказать, что̀ написано, и не нечаянно ли они сказали другое. Они мнѣ отвѣчали, что нѣтъ, и что имъ казалось, что написано не то, что было въ дѣйствительности. Это, очевидно, болѣзнь—идіосинкразія ложнаго чтенія. Мы таковыхъ, конечно, за глаза, называли Алексѣями, производя это слово отъ «а» и «lego» (да простятъ меня всѣ Алексѣи за слишкомъ смѣлое словопроизводство).

Гораздо важнѣе, съ точки зрѣнія развитія учениковъ, вы-

разительность чтенія. Выразительность въ чтеніи не есть результатъ умѣнья читать, а есть результатъ пониманія прочитаннаго. Опытный человѣкъ, думается мнѣ, можетъ судить по тому, какъ мальчикъ прочтетъ нѣсколько разнообразныхъ нелегкихъ статей, о пониманіи имъ прочитаннаго, а слѣдовательно и о его развитіи. Я зналъ педагоговъ, которые любуются выразительнымъ чтеніемъ ученика, цѣня въ немъ само чтеніе. Такъ, они очень рады, если ученикъ хорошо и выразительно прочтетъ въ сотый разъ хорошо ему извѣстную вещь. Довольны они, когда мальчикъ продекламируетъ наизусть хорошо зазубренное стихотвореніе. И ужъ вовсе въ восторгѣ, когда крыловскую басню изобразятъ въ лицахъ два-три мальчугана. Такимъ педагогамъ такое представленіе и приготовляется каждый разъ учителемъ. Діалоги, разученные дѣтьми, — одинъ изъ показныхъ коньковъ, на которыхъ выѣзжаютъ—и притомъ часто успѣшно— гг. учителя.

Выучить плохихъ, мало развитыхъ учениковъ хорошо читать діалоги не трудно, если у нихъ есть мало-мальски подражательный талантъ. Да развѣ же это признакъ хорошаго ученья или хорошихъ успѣховъ? И очень жалко, что есть, повидимому, знатоки дѣла, которыхъ можно подкупить хорошо сказанной басней.

Такъ какъ выразительность есть показатель того, что прочитанное понято ученикомъ, и такъ какъ дорога-то именно способность ученика быстро понимать при чтеніи то, что онъ прочелъ, то испытывать выразительность надо не на заученномъ и не на объясненномъ, а на новомъ чтеніи. Конечно, нужно, чтобы чтеніе не выходило изъ области для мальчика доступной. Пониманіе прочитаннаго, составляя всю разницу между хорошимъ школьнымъ чтеніемъ и чтеніемъ Петрушки, и есть, помоему, вся цѣль ученія, это и даетъ ручательство, что ученикъ развился до пониманія книги. Вести же къ выразительности, т.-е. къ пониманію читаемаго, можетъ только правильно и хорошо веденное объяснительное чтеніе.

Въ отличіе отъ обученія процессу чтенія, которое можетъ тоже доходить до виртуозности, но которое отъ учителя особаго

развитія не требуетъ, объяснительное чтеніе все-таки не такъ легко. Чтобы оно было дѣйствительно интересно,—а образованный учитель, если у него притомъ «искорка», можетъ сдѣлать его интереснымъ и для болѣе требовательной публики,—нужно не только хорошаго учителя, но и образованнаго. Въ этомъ и кроется вся задача школы. Но у насъ ея не понимаютъ или не хотятъ понять. А отъ этого и возникаютъ преслѣдованія широко поставленнаго объяснительнаго чтенія, отвлеченія отъ него посредствомъ введенія въ програму массы ненужныхъ вещей, привлеченіе къ учительству людей не только не образованныхъ, но и вовсе неспособныхъ преподавать, и всѣ тѣ уродливыя условія, въ какихъ живетъ наша многострадальная школа.

Очень важно,—хотя въ сравненіи съ пониманіемъ читаемаго и съ выразительностью чтенія стоитъ на второстепенномъ мѣстѣ,—умѣнье ученика разсказать. Я потому ставлю умѣнье разсказывать ниже выразительности чтенія, что оно не всегда соотвѣтствуетъ развитію ученика. Это какъ бы особый талантъ, соотвѣтствующій скорѣе таланту ораторскому. Многочисленные примѣры учениковъ плохихъ, такъ и сыпавшихъ словами, и хорошихъ, калякавшихъ и искавшихъ слова, меня въ этомъ убѣдили.

Теперь перейду къ вопросу, гдѣ чувствую себя одинокимъ. Это вопросъ произношенія. Я его уже касался въ другомъ мѣстѣ. У насъ болѣе и болѣе и въ Великороссіи вводится произношеніе, частью малорусское, частью славянское: «г» произносится, какъ «h», а не какъ «g»; «друхъ» вмѣсто «другъ», «что» вмѣсто «што» и т. д., и т. д. Главнымъ образомъ это направленіе нашему произношенію дали духовныя семинаріи. А теперь оно становится всеобщимъ. Теперь раскроемъ всѣ фонетики отъ Греча и Востокова до Буслаева и Грота. Вездѣ учатъ говорить: «друкъ», «што», «г», какъ «g», кромѣ иностранныхъ и 5 русскихъ словъ, и т. д. Я думалъ, что разъ такъ въ фонетикѣ, то это требуется. Поэтому произносящіе такъ радовались, когда князь Волконскій сдѣлалъ это произношеніе обязательнымъ для артистовъ.

Между тѣмъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ продолжается и распространяется произношеніе, противное нашимъ грамматикамъ. Свои сомнѣнія я повѣрилъ двумъ профессорамъ-филологамъ. Они нашли, что объ этомъ и говорить не стоитъ. Фонетика, молъ, наука, скорѣе идущая вслѣдъ за народомъ. Фонетика не нормитивна. Языкъ долженъ свободно развиваться, а если мы будемъ заставлять людей говорить по книжкѣ, то языкъ остановится или, по крайней мѣрѣ, задержится въ своемъ развитіи.

Все это убѣдительно. Тѣмъ не менѣе, я себя спрашиваю: зачѣмъ же сочиняли науку особую—фонетику? Да, наконецъ, неужели давать дѣтямъ произносить, какъ они хотятъ? Замѣтьте, въ письмѣ дорогъ каждый «ѣ», каждая запятая, а въ произношеніи все безразлично... фонетика не нормитивна.

Совсѣмъ меня было-убѣдили профессора... Къ тому же, зачѣмъ Тургеневъ говорилъ о порчѣ русскаго языка, именно указывая на произношеніе?

---

42. Письменныя работы.

Какъ при посѣщеніи школы важными гостями, показными предметами можно считать классное пѣніе и декламированіе басенъ, такъ еще болѣе удобнымъ показнымъ предметомъ служатъ письменныя работы. Только рекламировать ими школу удобно на разстояніи. Учитель изготовилъ тетрадки и, потративъ на это много времени, развозитъ ихъ или преподноситъ ихъ инспектору, а тотъ развозитъ по вліятельнымъ людямъ. И пошло дѣло.

Слышишь, бывало, колокольчикъ. Инспекторъ освобождается отъ шубы и валенковъ, ссасываетъ съ усовъ ледъ, цѣлуется.

— А я вамъ что́ привезъ изъ А—ской школы!.. Заглядѣніе одно, полюбуйтесь-ка.

И торжествующе вытаскиваетъ какія-то тетради, прекрасно

исписанныя баснями. Много слыхалъ я отъ инспектора про г-жу А., какъ про одну изъ лучшихъ учительницъ уѣзда, хотя по дальности разстоянія у нея не былъ, но, признаюсь, тетради ея меня мало трогали.

Привозили тетради похвастаться и учителя. Но, видя, что я этимъ мало интересуюсь, перестали.

Дѣло въ томъ, что надо соразмѣрять результаты съ положенными для этого трудами. Что толку, если ученики, выводя букву за буквой, достигаютъ послѣ долгихъ усилій блестящихъ успѣховъ по каллиграфіи? Не нужно забывать главной цѣли школы — способствовать развитію учениковъ, а все остальное должно идти настолько, насколько не отнимаетъ слишкомъ много времени у главнаго предмета. Школа мѣсто не для фокусовъ, а для серьезнаго дѣла.

Такъ и чистописаніе. Оно имѣетъ громадное воспитательное значеніе постольку, поскольку пріучаетъ дѣтей къ порядку, къ чистотѣ, къ терпѣнію. Но не оттого ли у насъ такъ медленно пишутъ окончившіе народную школу, что изъ нихъ слишкомъ выдѣлывали каллиграфовъ, не пріучая въ достаточной мѣрѣ къ скорописи? Каллиграфія вещь прекрасная, но каллиграфіи должна быть мѣра.

Высшее требованіе, предъявляемое къ ученикамъ сельской школы по занимающему насъ предмету, — диктантъ. Диктантъ они пишутъ и на экзаменахъ. Сочиненій не требуется. А это жаль. Диктантъ есть форма письменной работы, которая встрѣчается въ жизни весьма рѣдко и въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ же рѣдко приходится и переписывать или списывать съ книги. Пишутъ подъ диктовку и переписываютъ люди извѣстныхъ спеціальностей. Тогда какъ всѣ обычно пишутъ сочиненія: отъ солдата, пишущаго письмо къ родителямъ, до ученаго и писателя.

Естественно, что по выходѣ изъ школы, какъ только юнцу приходится писать сочиненія, въ видѣ ли письма или иной памятки, онъ чувствуетъ себя сбитымъ съ толку. Онъ не привыкъ думать о писаніи и одновременно о содержимомъ, т.-е. о тѣхъ

мысляхъ и понятіяхъ, что въ этомъ писаніи содержатся. Поэтому онъ начинаетъ увлекаться содержимымъ, а писанье идетъ Богъ знаетъ какъ: не только начинается полное неуваженіе къ злосчастной буквѣ «ѣ», но и, къ сожалѣнію, появляется и пропускъ буквъ и словъ. Письмо получается такое, что самъ написавшій черезъ нѣсколько времени его не разберетъ. Такія же писанія получаются и отъ дѣтей, которыя наполняли тетрадки, приводившія всѣхъ гласныхъ земскаго собранія въ восторгъ.

Выводъ изъ этого напрашивается самъ собой. Чистописаніе преподавалось въ излишествѣ, а еще въ большемъ излишествѣ старались вложить въ дѣтей ненужную для нихъ грамматику.

Эта злосчастная грамматика, вылетающая изъ ихъ головъ немедленно по окончаніи курса, не способствующая нимало ихъ развитію, остающаяся безъ примѣненія въ ихъ письменныхъ работахъ, — эта грамматика, говорю я, тѣмъ болѣе досадна, что долбленіе ея является всегда переусердствованіемъ учителей, а чаще ихъ начальства, такъ какъ программы и министерскихъ, и церковныхъ школъ многаго въ этой области не требуютъ. Да и диктантъ-то требуется «безъ пропуска буквъ», а тутъ всякая запятая подчеркивается, какъ ошибка. Это уже своего рода фантазія, къ сожалѣнію, весьма вредно отзывающаяся на общихъ успѣхахъ дѣтей. Какъ есть идіосинкразія чтенія, такъ есть идіосинкразія правописанія, которую можно назвать орѳографофобіей. Есть дѣти, положительно не поддающіяся правописанію: во всемъ хорошъ, только Аграфена (слово, придуманное въ pendant «Алексѣю»), а ѣей и знать не хочетъ! Замѣтилъ я еще, что эти два недостатка часто соединяются въ одномъ лицѣ: не умѣющій бѣгло читать чуждается и правописанія.

Такое совпаденіе еще болѣе убѣждало меня въ томъ, что центръ обоихъ недостатковъ въ органѣ зрѣнія, а не въ органѣ рѣчи, а тѣмъ менѣе во внимательности ученика.

Вѣдь видали мы, а если не видали, то слыхали про безграмотныя кандидатскія сочиненія. Какова бы ни была качественно работа человѣка, прошедшаго гимназію и университетъ (послѣдній притомъ съ кандидатскими отмѣтками), во всякомъ случаѣ

количественно онъ много читалъ и писалъ. Ужъ навѣрное его бранили, наказывали, оставляли въ классѣ за ошибки орѳографіи. Такъ вѣдь невольно пора было научиться, такъ сказать, рефлективно, если ужъ не сознательно. Такъ нѣтъ же! не научились! Я позволю себѣ видѣть въ этомъ отклоненіе отъ нормы, т.-е. нѣкую болѣзнь.

Вообще я убѣжденъ, что то разнообразіе способностей, недостатковъ, шалостей и дурныхъ наклонностей и привычекъ, которое наблюдается въ любомъ многочисленномъ интернатѣ или школѣ, есть не что иное, какъ продуктъ цѣлой области болѣзней, наукой еще не затронутыхъ. Теперь педагогика имѣетъ цѣлью эти уклоненія нѣсколько смягчить. Впослѣдствіи педагогика будетъ, можетъ быть, наукой чисто медицинской и будетъ имѣть объектомъ излѣченіе всякихъ уклоненій отъ нормальнаго способнаго человѣка.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ сказать про одинъ школьный опытъ, на который меня натолкнула сама судьба. Иконостасъ въ нашей церкви писалъ одинъ молодой художникъ изъ самородковъ, необыкновенно талантливый и идеально милый. Глядя на его работу, одинъ служившій у меня крестьянскій мальчикъ возгорѣлъ желаніемъ учиться живописи. Отецъ его не пускалъ къ художнику. Тогда мнѣ пришла мысль открыть школу живописи. Художникъ съ радостью согласился идти къ намъ, учениковъ набралось человѣкъ десять, окончившихъ первый классъ и преимущественно изъ мало успѣвавшихъ во второмъ. Учились они четыре года и сами подъ руководствомъ художника, уже тогда больного, расписали церковь всю отъ купола донизу, написавъ около пятидесяти большихъ картинъ и плафоновъ и около двухсотъ кружковъ съ изображеніемъ одного святого. Это не васнецовская работа, но право она не обезобразила бы ни одного столичнаго храма.

Привожу я этотъ фактъ къ тому, чтобы указать, что ничего нѣтъ удивительнаго, если дѣти хорошо занимаются каллиграфіей. Дайте имъ соотвѣтствующихъ учителей — вы въ большомъ селѣ выкопаете и Рембрандта, какъ вы разовьете и Патти.

и Бетховена. Теперь же Рембрандтъ живетъ въ курной избѣ и не знаетъ, что пишутъ картины на свѣтѣ, а Патти съ Бетховеномъ поютъ въ носъ ужасные куплеты.

На все свое время. Будетъ время, когда и этотъ талантъ не будетъ пропадать.

---

43. Ариѳметика.

Нельзя, конечно, сравнивать насъ, когда насъ начинаютъ учить, съ крестьянскимъ мальчикомъ, поступающимъ въ школу. Считать насъ начинаютъ учить съ двухлѣтняго возраста, а къ шести годамъ мы имѣемъ математическую подготовку, годную для средняго отдѣленія сельской школы. Съ другой стороны, я разъ наблюдалъ за математическимъ развитіемъ поступающихъ въ школу малышей. Большинство умѣло считать до четырехъ. Четыре угла въ комнатѣ. Четыре колеса въ телѣгѣ. Можетъ быть, имъ больше и не приходилось считать. Если къ этому присоединить необыкновенную трудность внушенія дѣтямъ ариѳметическихъ понятій объ одной и многихъ единицахъ, объ увеличеніи во столько-то разъ и на столько-то, о раздѣленіи числа на части и повтореніи нѣсколько разъ меньшаго числа въ большемъ, то поневолѣ придется преклониться передъ гигантскимъ трудомъ преподавателя, представляющаго къ экзамену ребятъ, проучившихся три года при извѣстныхъ намъ условіяхъ.

Я самъ математикъ, и мнѣ какъ будто не къ лицу говорить противъ этой важной науки, но въ данномъ случаѣ опять долженъ прибѣгнуть къ своей методѣ и разобраться, пропорціоналенъ ли трудъ учителя, а главное, затраченное ученикомъ на ариѳметику время съ пользой, которую онъ отъ нея получилъ. Возникаетъ вопросъ: а если бы онъ часть этого времени удѣлилъ на общее развитіе, не лучше ли бы было? Странно, какъ будто, вводить и въ низшую школу представленіе о гуманитарномъ и реальномъ направленіи обученія. Между тѣмъ это такъ:

вопросъ самъ собою напрашивается, если сравнить пользу ариѳметики съ пользой чтенія.

Что нужно отъ ариѳметики для современнаго крестьянскаго мальчика? Во-первыхъ, практическая польза: чтобы его не обсчитали. Это главное, и эта цѣль должна быть достигнута вполнѣ. Во-вторыхъ, нѣкоторая математическая сообразительность, которая независимо отъ того, что служитъ первой цѣли, полезна сама по себѣ, какъ гимнастика ума.

Первая, главная цѣль—чтобы знаніемъ счета вооружить его противъ поползновеній на его карманъ — достигается самыми элементарными задачками и преимущественно устнымъ счетомъ. Вѣдь, когда онъ считается съ кѣмъ-либо, онъ рѣдко имѣетъ возможность дѣлать письменныя выкладки. Поэтому устный счетъ долженъ быть доведенъ до большого навыка въ немъ. Между тѣмъ, эта-то часть и хромаетъ. Устный счетъ имѣетъ еще то большое дидактическое преимущество, что занимаетъ одновременно весь классъ. Вы говорите съ однимъ, а весь классъ долженъ слушать, такъ какъ на вашъ вопросъ можетъ быть призванъ отвѣтить другой. Этого нѣтъ при письменномъ рѣшеніи на доскѣ. Обыкновенно, вызванный остается у нея до конца рѣшенія задачи, а если и замѣняется другимъ, то этотъ другой, обыкновенно, начинаетъ съ начала. Устный счетъ, хотя бы и не очень сложный, имѣетъ еще то большое преимущество, что лучше ведетъ и къ другой цѣли школьной ариѳметики — математическому развитію. Онъ производится гораздо быстрѣе, чѣмъ вычисленія на доскѣ. Меньше дается ученику времени думать. Мозги усиленнѣе работаютъ. Между тѣмъ, что мы видимъ? Задается ученику, вызванному къ доскѣ, дѣйствіе надъ числами чуть не двадцатизначными. Онъ надъ ними стоитъ, стоитъ, вретъ, учитель его поправляетъ, руководитъ имъ и очень доволенъ, когда дѣйствіе кончено. Мы, молъ, съ милліонами справляемся! А часъ-то, между тѣмъ, прошелъ, а остальные ученики спали, а пользы очень и очень мало!

То же и съ задачами, которыя учителя любятъ называть уменьшительнымъ именемъ: «задачки». Задается нѣчто весьма

мудреное, иногда задача на всѣ дѣйствія съ именованными числами, притомъ такая, что и нашъ братъ не сразу увидитъ, съ какого конца начать (есть такія задачи въ нашихъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ рекомендованныхъ задачникахъ). Опять стоитъ мальчикъ у доски, опять учитель его наводитъ. Задача, наконецъ, рѣшена (не ученикомъ, конечно, а учителемъ), и учитель опять доволенъ. И толку опять нѣтъ никакого. Это очень замѣтно на экзаменахъ. Видно, что ребята что-то мудреное проходили, но не вполнѣ, потому что болѣе или менѣе мудреная задача все-таки остается не рѣшенной. Но при этомъ не рѣшаютъ дѣти и самыхъ элементарныхъ устныхъ задачъ. Напримѣръ, такая задача: полъ-селедки стоитъ полъ-копейки,— что стоитъ одна селедка?—остается часто безъ отвѣта. Или такая: на сколько полъ-дюжина больше полъ-десятка? тоже ставитъ ученика въ тупикъ: оказывается, онъ не знаетъ, что такое дюжина.

Я, само собою разумѣется, не говорю про выдающихся учителей (мы уже видѣли, что учительницамъ вообще ариѳметика не дается). Иногда классъ превосходно рѣшаетъ трудныя задачи письменно и легкія устно. Но и въ этихъ образцовыхъ школахъ мнѣ хотѣлось бы задать вопросъ: нельзя ли было бы время, на эту ариѳметику потраченное, употребить (конечно, поскольку это касается билліоновъ и мудреныхъ задачъ) болѣе цѣлесообразнымъ образомъ? Нельзя ли бы было это время пожертвовать на изученіе элементарныхъ явленій природы? Кстати это не вывело бы насъ изъ области, близкой къ математикѣ. Думаю, что это было бы чрезвычайно полезно. Наша школа въ этой области рѣдко что даетъ, и сплошь да рядомъ ученикъ, блестяще сдавшій экзаменъ, думаетъ, что громъ происходитъ отъ ѣзды по небу въ колесницѣ Иліи-пророка. Часто мальчиковъ мнѣ приходилось разувѣрять, что воздухъ не есть ничто. Наконецъ, есть цѣлый рядъ физическихъ опытовъ, ничего буквально не стоящихъ, есть и надлежащія для этихъ опытовъ руководства. Почему бы кое-чего и не продѣлать передъ учениками? Такіе опыты, равно какъ и бесѣды о природѣ не

только бы послужили къ ихъ развитію и обогатили бы ихъ познанія, но и привели бы ихъ, при умѣломъ веденіи, въ неописуемый восторгъ. Съ одного выстрѣла мы бы убили двухъ зайцевъ. Само собою разумѣется, что вводить физику или бесѣды о природѣ въ число обязательныхъ предметовъ не слѣдуетъ. Это сейчасъ превратило бы эти занятія въ безплодное зубреніе. А какъ предметъ необязательный, который, въ крайнемъ случаѣ, могъ бы быть отнесенъ къ объяснительному чтенію, это было бы превосходно. Назначьте эти бесѣды и эти опыты къ концу дня... и вы ребятъ изъ школы не прогоните! А пользы было бы сколько для общаго ихъ развитія!

Въ церковныхъ школахъ ариѳметика была названа счисленіемъ. Мнѣ, какъ математику, это долгое время казалось обиднымъ, а теперь я пришелъ къ заключенію, что это, пожалуй, и лучше. Меньше торжественности, а потому больше простоты и практичности. Къ сожалѣнію, здѣсь впадаютъ въ другую крайность. Ариѳметика почти упразднена. Изо всѣхъ предметовъ она, хотя бы и самая элементарная, требуетъ наиболѣе всего подготовки учителя, требуетъ непремѣнно знанія методики. А что можно сказать про подготовленность учителя церковной школы? И учитель изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, зная, что его дорога прямо ведетъ въ священники, предпочтетъ имѣть вечера свободные занятію какою-то методикой. Вѣдь методика ему, какъ онъ поступитъ въ священники, не нужна. На что методика завѣдывающему? Это я говорю про окончившаго курсъ, а неокончившему, а тѣмъ болѣе дьякону безъ правъ, и Богъ велѣлъ не знать методики.

44. Гимнастика, маршировка, прогулки.

Когда нашему брату, цѣлый день сидящему на одномъ мѣстѣ и наживающему соотвѣтствующія болѣзни, велятъ ходить, это понятно. Понятно, если активную и пассивную гимнастику со всевозможными, болѣе или менѣе ненужными приспособленіями рекомендуютъ врачи подагрику, страдающему ожирѣніемъ, геморроемъ и другими прелестями русской умственной жизни (въ Англіи дѣло стоитъ иначе)... Но когда мнѣ говорятъ про моціонъ для деревенскихъ мальчишекъ, мнѣ все хочется спросить: не смѣетесь ли вы, господа? или дѣйствительно жизненные вопросы рѣшаются тоже людьми, жизни не знающими?

Городской ученикъ не имѣетъ времени побѣгать иначе, какъ въ немногочисленныя перемѣны между уроками. Воздуху онъ можетъ подышать, только идя въ школу и возвращаясь изъ нея. Гимнастикой занимается только когда ему велятъ въ ряду другихъ дѣлать разныя нелѣпыя тѣлодвиженія, которыя одни продѣлываютъ добросовѣстно, другіе только для виду и безъ малѣйшаго напряженія мускуловъ. При этомъ мальчикъ одѣтъ какъ слѣдуетъ, въ сапогахъ, а въ избранныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ особыхъ костюмахъ. Все это такъ, понятно и въ порядкѣ вещей.

Посмотримъ въ сельской школѣ. Мальчикъ всю жизнь на воздухѣ. Съ лошадьми и ночуетъ часто въ полѣ во всякую непогоду. Онъ отъ всякихъ атмосферныхъ невзгодъ закаленъ съ малолѣтства, такъ какъ мы видимъ его съ двухъ лѣтъ въ рубашенкѣ, босикомъ барахтающагося въ лужахъ въ полую воду. Для него заборъ—не заборъ, и птичьи гнѣзда одни знаютъ, какъ онъ лазаетъ по деревьямъ. И такому-то гимнастика! По моему, это насмѣшка. Но я не выдумываю. Радъ сказать, что сцена, про которую я говорю, происходила не въ Козловскомъ уѣздѣ.

Учитель на воздухѣ (дѣло было, правда, осенью, въ теплую

погоду) выравниваетъ всѣхъ дѣтей съ новичками включительно и, стоя передъ ними и самъ продѣлывая все, что̀ говоритъ, чтобы дѣти ему подражали, начинаетъ рядъ самыхъ нелѣпыхъ, но почему-то принятыхъ тѣлодвиженій, нужныхъ будто бы для развитія мускуловъ.

— Встаньте на цыпочки!.. вотъ... вотъ такъ... смотрите!..

И ребята въ лаптяхъ стараются стоять на̀ цыпочкахъ, точно есть цыпочки у лаптей!

— Присѣдайте!—командуетъ учитель, показывая, какъ присѣдаютъ.

Дѣти присѣдаютъ, но видно неловко присѣдать въ лаптяхъ. Нѣкоторые валятся. Смѣхъ большихъ, плачъ маленькихъ... Мнѣ показалось, что надъ ними смѣются, что это игра въ дѣтей... и я ушелъ. Конечно, не учитель виноватъ, не онъ это времяпрепровожденіе изобрѣлъ, а какіе-то тамъ опытные люди изъ канцеляріи или—стыдно сказать—изъ земства... Богъ да проститъ имъ ихъ прегрѣшеніе!

Разновидность гимнастики—маршировка—гораздо болѣе распространена. Грѣшенъ,—маршировать заставлялъ и я. Прообразомъ деревенскихъ маршировокъ начали служить таковыя въ городахъ. Въ нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и въ Козловѣ, это занятіе сдѣлалось въ толпѣ очень популярнымъ. Нѣкоторые городскіе учителя такъ и славятся маршировкой, какъ другіе славятся пѣніемъ. Задолго до мая начинаются приготовленія и репетиціи къ весеннему празднику. Учителя съ учениками выходятъ на площадь и тамъ, выстроивши ихъ, производятъ ученіе. А въ назначенный день всѣ ученики городскихъ и земскихъ школъ, съ самодѣльными значками, выстраиваются со своими учителями на площади. Приглашается военная музыка. Иногда «парадомъ» соглашается командовать настоящій полковникъ.

Эта сцена всегда приводитъ въ восторгъ горожанъ, а на меня дѣйствуетъ непріятно. Много тутъ замѣчается фальши.

Дѣти одѣваются въ одинаковыя блузы, при чемъ бѣдныя особымъ цвѣтомъ рубашки, а часто и заплатами отличаются

отъ богатыхъ. Учителя идутъ сбоку, поправляя ряды; они часто сутуловатые, въ очкахъ, мало похожи на военныхъ. Въ мундирѣ и треуголкѣ бѣгаетъ главный распорядитель-инспекторъ, полный контрастъ съ иронически-спокойно командующимъ полковникомъ... Все это съ музыкой дефилируетъ передъ предводителемъ дворянства, держащимъ руку подъ козырекъ и сконфуженнымъ несвойственной ему ролью главнокомандующаго. Дѣти, проходя мимо него, «желаютъ ему здравія» и «ѣдятъ его глазами».

Процессія, при восторгахъ многочисленной толпы, проходитъ главными улицами города и идетъ за городъ. Тамъ ихъ ждетъ угощеніе, а вечеромъ они тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой.

Гигіеническая сторона этихъ прогулокъ мнѣ понятна. Городскія дѣти нуждаются въ моціонѣ, нуждаются и въ воздухѣ. Но не лучше ли бы простыя прогулки «in's Grüne», безъ шуму, безъ «ѣденія глазами», безъ неумѣстныхъ восторговъ? Неужели и игры-то другой, кромѣ какъ въ солдатики, нѣтъ?

Перенесеніе маршировки и въ деревню не цѣлесообразнѣе въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ маршировка въ городѣ, и притомъ не имѣетъ смысла и для гигіены учениковъ. Тѣмъ не менѣе, и она вводится. Нечего говорить, какъ она производится. Двѣ трети «солдатъ» не умѣютъ отличить правой отъ лѣвой, путаются, сбиваются... прибавьте къ этому лапти, а иногда невылазную грязь... или снѣгъ выше колѣна... Но все-таки маршируютъ, даже иногда съ унтеръ-офицеромъ во главѣ, а то даже и съ барабаномъ. Какъ часто мы теряемъ разсудокъ, когда имѣемъ дѣло съ ложными тенденціями и затаенными цѣлями!

Тѣмъ не менѣе, школьная прогулка вещь несомнѣнно хорошая. Я не говорю про дальнія прогулки, куда снаряжаться надо на нѣсколько дней, брать съ собою запасы, которыхъ у крестьянскихъ дѣтей нѣтъ. Таковыя могутъ совершаться при сочетаніи рѣдкихъ благопріятныхъ для этого условій. Я имѣю въ виду обыкновенныя прогулки учителя съ учениками; въ го-

родѣ онѣ могутъ имѣть цѣлью ближайшій лѣсъ; если лѣса нѣтъ—поле; если поле далеко—садъ. Это будетъ столь же гигіенично, какъ и маршировка, но много разъ полезнѣе, хоть бы потому, что можетъ совершаться каждое воскресенье при маломальски благопріятной погодѣ.

Въ деревнѣ—куда ни пойди—все будетъ «in's Grüne».

Цѣлью прогулки можетъ быть лѣсокъ какой-нибудь, пчельникъ или хуторокъ отдаленный, рѣчка, наконецъ степной курганъ. При этомъ учитель можетъ свободно бесѣдовать съ дѣтьми, ничуть ихъ не стѣсняя. Можно вести бесѣды и въ классѣ, но впечатлѣніе бываетъ другое. Всякія такія бесѣды или принимаютъ характеръ лекціи, или являются искусственными.

— Будемъ говорить о томъ-то!—Или:—о чемъ бы намъ, сегодня, поговорить?—И выходитъ скучно и не жизненно. За прогулкой дѣти чувствуютъ себя лучше; и все можетъ служить объектомъ разговора: бабочка, камешекъ, ручеекъ, посѣвъ, курганъ, тучка—все может быть темой увлекательныхъ для дѣтей бесѣдъ и притомъ такой темой, что̀ сама къ вамъ идетъ, а не вы ее ищите. А это очень важно.

Прогулки такія только отнюдь не должны быть обязательными, иначе явятся обузой для учителя. А я положительно считаю за грѣхъ наваливать на него что-либо обязательное, кромѣ его непосредственныхъ школьныхъ занятій. Необязательность прогулокъ вытекаетъ уже изъ того, что не всякій учитель способенъ на такое занятіе. Для бесѣдъ съ учениками нужно значительное развитіе и немалая начитанность. Но при наличности этихъ условій и при охотѣ учитель прогулками можетъ сдѣлать чудеса и пріохотить учениковъ къ природѣ, къ любознательности и косвенно къ книгѣ.

Недаромъ блестящіе результаты достигались перипатетиками!

---

45. Постороннія занятія.

Когда хотятъ что-либо привить народу, стремятся всегда сдѣлать это черезъ школу. Главная причина тому—желаніе сдѣлать многое при затратѣ малыхъ средствъ. Меня удивляетъ, какъ на эту удочку шли, да и теперь еще идутъ, люди, искренно желающіе преуспѣянія школы. По ихъ представленію садоводство и даже сельское хозяйство съ разными его отраслями, разныя ремесла подъ видомъ ручного труда — все это такія полезныя въ Россіи вещи, достигнуть коихъ вполнѣ возможно, такъ сказать, en passant, безъ ущерба главной и непосредственной цѣли народной школы. Надо, впрочемъ, замѣтить, что послѣднее время наблюдается разочарованіе общественныхъ дѣятелей въ этомъ отношеніи. Кое-когда еще поднимаются голоса о введеніи въ школахъ того или другого посторонняго занятія, но большинство молчитъ, очевидно разувѣрившись въ возможности содрать съ учителя болѣе одной шкуры.

Болѣе всего говорилось въ земскихъ собраніяхъ (съ самаго, впрочемъ, начала существованія земствъ) о желательности воздѣйствія на ребятъ въ смыслѣ привитія имъ любви къ растенію и знанія ухода за нимъ. На уясненія очевидной пользы сего знанія и сей любви потрачено много краснорѣчія въ собраніяхъ, много чернилъ и труда въ газетныхъ статьяхъ, циркулярахъ и иныхъ способахъ распространенія сей истины. Но дѣло кончилось рѣчами и писаніями. Всякое преуспѣяніе во всякихъ областяхъ знанія, въ томъ числѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ и ремеслахъ, во всѣхъ ихъ видахъ и со всѣми ихъ отраслями, замѣчаются въ странахъ съ высшею культурой. Чѣмъ выше культура, тѣмъ распространеннѣе и глубже эти знанія. Бываютъ, конечно, исключенія, когда въ мало культурныхъ странахъ преуспѣваетъ, повидимому, хотя сельское хозяйство или, скорѣе — отдѣльныя его отрасли, но это замѣчается при исключительно благопріятныхъ для этой отрасли

хозяйства климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Такъ, культура риса распространяется тамъ, гдѣ естественныя условія тому способствуютъ и дѣлаютъ ненужною особую высоту общей культуры. Съ подъемомъ же общей культуры поднимается и сельскохозяйственная культура и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ природа для нея не особенно, повидимому, благопріятствуетъ. Стоитъ взглянуть на успѣхи сельскаго хозяйства въ Пруссіи и Финляндіи—съ одной стороны, и Тамбовской и Саратовской губ ерніяхъ—съ другой.

Садоводство и сельское хозяйство, какъ науки, очень не популярны въ крестьянской средѣ. Стоитъ посмотрѣть отношеніе гласныхъ-крестьянъ къ земской агрономіи. Понятно, что если учитель съ трудомъ собираетъ ребятъ къ экзамену на льготу, какая она ни есть, то на уроки садоводства, къ тому же всегда по времени совпадающіе съ наиболѣе занятымъ для крестьянина временемъ (весенняя посадка — съ сѣвомъ, прививка—съ сѣнокосомъ и рабочей порой), онъ никого калачомъ не заманитъ. Болѣе того, я замѣчалъ, что даже когда учитель по своимъ природнымъ склонностямъ любитъ занятія садоводствомъ, любитъ посѣвы, то это всегда въ ущербъ его прямымъ обязанностямъ. Да не покажется страннымъ то, что́ я сейчасъ сказалъ. Конечно, если бы учитель любилъ садоводство, какъ художникъ, если бы онъ въ растеніи находилъ предметъ бесѣды съ учениками, если бы, наконецъ, онъ заманивалъ ихъ хотя бы вкусными ягодами, чтобы имъ передать свою любовь къ природѣ — о! кто бы могъ противъ этого что-либо возразить? Къ сожалѣнію, такіе встрѣчаются болѣе чѣмъ рѣдко. А тѣ, которыхъ мы видимъ копающимися въ ими же посаженномъ саду, имѣютъ въ виду большею частью не природу, не пользу дѣтей, а свою выгоду. Часто изъ-за сада бываютъ столкновенія учителей съ мѣстнымъ населеніемъ. Сады при школахъ отводятся крестьянами часто подъ давленіемъ начальства. Обыкновенно эти мѣста такъ и остаются неогороженными, а если и огораживаются и растенія сажаются, то, за отсутствіемъ дальнѣйшаго ухода, погибаютъ до плодоношенія. Но вообразите, что учитель-любитель не огра-

ничился посадкой сада, но и выростилъ его. Кому пойдетъ доходъ? Очевидно, ему. И всѣ радуются, что онъ хоть чѣмъ-нибудь можетъ поправить свои дѣла: и земцы, и инспекторъ. А крестьяне недовольны. Иногда даже они и правы. Это, напримѣръ, когда учитель садъ выходилъ и поддерживаетъ трудами, и притомъ даровыми, своихъ учениковъ! А вѣдь это бываетъ. Въ такихъ случаяхъ отъ садоводства получается не польза, а вредъ, хотя бы инспекторъ и предсѣдатель управы и благодарили за него учителя. Это то же, что и относительно духовенства. Хотя занятія садами и сельскимъ хозяйствомъ, и въ особенности пчелками, считаются наиболѣе благородными, но, къ сожалѣнію, конечнымъ результатомъ является извѣстная сумма рублей. Поэтому нерѣдко это приводитъ къ несимпатичнымъ въ духовенствѣ явленіямъ. И когда мнѣ говорятъ, что священникъ—садоводъ, я почти увѣренъ, что онъ можетъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ, полезнымъ совѣтникомъ по дѣламъ хозяйства, иногда хорошимъ законоучителемъ и завѣдывающимъ, но добрымъ пастыремъ... рѣдко.

Послѣднее время мода пошла на ручной трудъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ учителей заставляютъ имъ заниматься. Для чего? Какъ гимнастика, это—безсмыслица въ деревнѣ. Какъ ремесло? Но неужели всякій учитель сдѣлается и столяромъ, и кузнецомъ, и слесаремъ, стоитъ этого захотѣть его начальству? Указываютъ на Саксонію,—тамъ процвѣтаетъ ручной трудъ. Но забываютъ, что тамъ курсъ шестилѣтній, что денегъ на народное образованіе тамъ не жалѣютъ, что ручной трудъ проходятъ съ учениками особые учителя съ особой ремесленной подготовкой и въ свободные отъ занятій часы. Есть, впрочемъ, любители и изъ нашихъ учителей. Я одного зналъ, который, имѣя сто учениковъ, съ десяткомъ изъ нихъ столярничалъ довольно успѣшно. Но вѣдь дѣлалось это отъ любви къ дѣлу, а не изъ-подъ палки. Обязательнымъ сверхпрограммнымъ предметомъ предлагалась гигіена. Думаю, что это гораздо лучше садоводства и ручного труда. Занятія гигіеной касаются головы, а не рукъ. Возраженіемъ тутъ

будетъ недостатокъ времени, недостаточное для воспріятія этого ученія развитіе дѣтей и неподготовленность учителей.

Я еще не говорилъ про рукодѣліе для дѣвочекъ. Про него всегда говорятъ, какъ про приманку, чтобы онѣ ходили въ школу. Въ началѣ оно такъ и бываетъ. Стоитъ въ село назначить учительницу и объявить, что она будетъ заниматься съ дѣвочками рукодѣліемъ, какъ приводятъ ихъ довольно много. Немного походятъ, позаймутся и понемногу отстаютъ. Остаются тѣ, которыя ходили для одной грамотности безъ рукодѣлія.

А въ одномъ селѣ такъ было. Назначили мы учителя, а помощницей—его жену, хорошую рукодѣльницу. Дѣвочекъ привалила масса, а черезъ мѣсяцъ учитель жалуется, что и прежнія ушли!—Почему?—Жалуются, что рукодѣліемъ заниматься заставляютъ! И такое, прямо враждебное отношеніе въ рукодѣлію замѣчается во многихъ мѣстахъ. Очевидно, онѣ чего-то ждутъ отъ рукодѣлія, чего не получаютъ. Простыя работы: шить попросту, кроить рубахи да зарукавники, прясть и ткать простыя матеріи крестьянки умѣютъ не хуже учительницы. Вотъ и ждутъ онѣ чего-нибудь особеннаго. Вѣроятно, хорошихъ тканей или полезныхъ въ крестьянскомъ обиходѣ украшеній. А вмѣсто этого получаютъ искусственные цвѣты, подстаканники, въ лучшемъ случаѣ вышиванія разныя, до бархатной подушки предводителю включительно. Понятно, что дѣвочки бѣгутъ...

Общія правила для внѣ-программныхъ занятій можно вывести слѣдующія: 1) Эти занятія плодотворными могутъ быть только, если они необязательны. Иначе они ведутся учителемъ нехотя и пользы принести не могутъ. 2) Желательными можно считать только предметы, развивающіе умъ, а никакъ не физическія силы или ловкость. Иначе, отнимая время, эти занятія будутъ въ ущербъ общему развитію. 3) Полезно было бы, чтобы необязательные предметы преподавались посторонними учителями: напримѣръ, гигіена—врачами. Нужно стараться облегчить учителя. А мы все стараемся на него же взвалить. Очевидно, результаты получаются отрицательные.

46. Библіотеки и народныя чтенія.

Умъ человѣческій пытливъ, поэтому, какую бы мы книжку ни читали, мы отъ нея требуемъ, чтобы она подѣйствовала на насъ развивающимъ образомъ—или расширивъ нашъ умственный кругозоръ, или повліявъ незамѣтно для насъ на нашу эмоціональную способность. Другими словами, книжка должна быть или научная, или художественная. Научная книжка должна быть приноровлена къ познаніямъ читающаго; истинно художественное произведеніе болѣе общедоступно какъ человѣку малоразвитому, такъ и человѣку, находящемуся на высшихъ ступеняхъ современной культуры. Анну Каренину съ восторгомъ прочтетъ, даже перечтетъ, любой культурный человѣкъ; ту же Анну Каренину я видѣлъ съ восторгомъ проглатываемую людьми, по складамъ читающими.

Между тѣмъ, что мы видимъ? Народу преподносятъ такъ называемую «народную» литературу. Есть и должна быть литература «дѣтская», потому что дѣтская душа разнится отъ нашей души. Ребенокъ любитъ сказку, взрослому сказка не нравится. Ребенка стошнитъ отъ того, въ чемъ мы увидимъ нѣкоторую пряность. Почти какъ на дѣтей смотрятъ и на народъ и тутъ дѣлаютъ большую ошибку.

Даютъ крестьянину книгу чисто дидактическую: чуть не прописную мораль. Онъ эту мораль уже слышалъ и ему она надоѣдаетъ. Или даютъ ему сказку. Онъ чувствуетъ, что сказку ему даютъ потому, что приравниваютъ его къ дѣтямъ, и даже обижается. Соловья баснями не кормятъ и онъ опять идетъ просить книжку получше и снова получаетъ пропись добра. Ему скучно и онъ ходить перестаетъ. Таковъ удѣлъ многихъ и многихъ библіотекъ, пустующихъ вслѣдствіе систематической преграды, поставленной между крестьяниномъ и свѣтомъ. Ибо всѣ законныя и сверхзаконныя цензуры народныхъ изданій—принципъ. Принципъ приравниванія народа къ дѣтскому возрасту

(вѣдь и народъ и дѣтей пичкаютъ одними и тѣми же изданіями) имѣетъ одинъ корень: не допустить мужика до свѣта.

Это и есть, если не единственная, то главная причина, почему сельская библіотека мало распространяется. Другая причина та же, что и задерживающая школьное дѣло—безденежье. Но и безденежье происходитъ главнымъ образомъ отъ трудности устроить библіотеку съ тѣмъ, чтобы она дѣйствительно достигала цѣли. Вѣдь никому охоты нѣтъ тратить большія деньги съ тѣмъ, чтобы внезапно явились неожиданныя препоны. А деньги приходится тратить большія, такъ какъ не поощряется, а преслѣдуется общедоступность хорошей книги не только беллетристической, но и научной.

Мнѣ лично приходилось возиться съ сельскими библіотеками, и я могу засвидѣтельствовать, что даже человѣку съ высокимъ общественнымъ положеніемъ устройство таковой дается не безъ большихъ затрудненій. Что же говорить про неизвѣстнаго человѣка, который пожелалъ бы потрудиться для просвѣщенія народа? Да очень часто его бы и не допустили до этого и онъ бы и остался при своихъ желаніяхъ.

Библіотеки за неимѣніемъ денегъ взваливаютъ все на того же учителя. Это всѣмъ кажется даже нормальнымъ. На кого же возложить библіотеку, какъ не на учителя? Между тѣмъ, вести дѣло библіотеки въ деревнѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ городѣ. Въ городѣ обязанность библіотекаря сводится къ правильной регистраціи и аккуратному сбереженію книгъ на опредѣленныхъ для нихъ мѣстахъ. Это дѣло конторщика.

Въ сельской библіотекѣ дѣло стоитъ иначе. Библіотекарь, чтобы быть на высотѣ положенія, долженъ хорошо знать всѣ книги. Кромѣ того, онъ долженъ не только знать вкусы населенія, но по мѣрѣ возможности изучать вкусы и отдѣльныхъ читателей, конечно, наиболѣе усердно посѣщающихъ библіотеку. Онъ долженъ о каждой книгѣ поговорить съ читателями, ее возвращающими. Только такимъ образомъ, т.-е. изучивъ не только книгу, но и читателя, онъ будетъ знать, какую книгу кому дать. А это весьма важно и для того, чтобы привлекать

читателей, и для того, чтобы онъ извлекалъ изъ книги наибольшую пользу.

Теперь спрашивается: гдѣ же этимъ заниматься учителю? Куда ни шло, онъ еще можетъ завѣдывать школьной библіотекой для учениковъ. Во-первыхъ, такія библіотеки не велики, во-вторыхъ, онъ знаетъ учениковъ, въ третьихъ, онъ чтеніе внѣшкольное можетъ приноравливать къ преподаванію. Но и то для него затруднительно, такъ какъ почти всегда замѣчается задержка въ обмѣнѣ книгъ, что́ тоже сильно вліяетъ на количество разбираемыхъ книгъ.

При библіотекѣ желательно имѣть и залъ для читальни. Но невольно рисуется въ воображеніи народный домъ въ большихъ селахъ. Библіотека, залъ для читальни, онъ же для народныхъ чтеній съ туманными картинами и безъ оныхъ; тутъ же чайная, изображающая нѣчто въ родѣ народнаго клуба. Тутъ же и примитивная сцена... Какое могучее это было бы средство для борьбы съ пьянствомъ! Дайте туда широкій доступъ всякой прошедшей черезъ обычную цензуру книгѣ, да добросовѣстнаго и развитого библіотекаря... и черезъ немного лѣтъ вы не узнаете села! Не переродятся ли въ такія учрежденія теперешнія чайныя комитетовъ народной трезвости, часто, къ сожалѣнію, не достигающія вовсе своего назначенія? Видно, однимъ чаемъ съ водкой не поборешься. Водка сильнѣе...

Еще недавно, для того, чтобы въ Ивановкѣ открыть народныя чтенія при земской школѣ, нужно было разрѣшеніе двухъ министровъ! Это невѣроятно, но это такъ. Законъ этотъ вскорѣ былъ отмѣненъ какъ архаическій. Послѣдовало облегченіе условій открытія чтеній. Затѣмъ послѣдовало новое облегченіе... но почему бы не разрѣшить чтенія цѣлымъ категоріямъ лицъ, напримѣръ: учителямъ, библіотекарямъ, докторамъ по медицинскимъ наукамъ, агрономамъ по сельскому хозяйству и т. д.? Вѣдь теперь разрѣшеніе, напримѣръ, учителямъ всегда дается (неблагонадежнаго и въ учителяхъ не оставили бы). Такъ зачѣмъ же еще особое разрѣшеніе для чтеній? Вѣдь этого объяснить иначе нельзя, какъ желаньемъ тормозить дѣло. А вѣдь оно и такъ

тормозится недостаткомъ средствъ, который проявляется во всемъ и въ неудовлетворительномъ помѣщеніи, и въ недостаткѣ чтецовъ, и въ плохомъ выборѣ картинъ...

При открытіи чтеній обыкновенно народъ ломится на эти чтенія. Между тѣмъ проходитъ нѣсколько времени и чтенія иногда прекращаются. Но это отнюдь не свидѣтельствуетъ о ихъ безполезности или о томъ, что народъ не сознаетъ ихъ пользы. Дѣло не въ этомъ, а въ неудовлетворительности ихъ организаціи. Посмотримъ сперва внѣшнюю сторону дѣла. Чтенія происходятъ въ школѣ. Надо вынести парты, а къ утру все вымыть, привести въ порядокъ, парты внести обратно. Всѣ эти хлопоты каждый разъ утомительны для учителя (вѣдь кто, кромѣ него, будетъ хлопотать въ большинствѣ селъ?).

Въ школѣ тѣсно для народа, передней нѣтъ, всѣ стоятъ въ шубахъ (вѣдь чтенія бываютъ только зимой); воздухъ до того портится, что фонарь гаснетъ отъ недостатка кислорода; жара дѣлается тропическая; и при этомъ и присѣсть негдѣ... такія чтенія изъ удовольствія превращаются въ подвигъ.

Подвигъ это и для учителя. Послѣ недѣли работы въ праздникъ бы ему только отдохнуть, а тутъ изволь-ка вечеръ провести въ чтеніи въ такой ужасной атмосферѣ.

Да, наконецъ, картинъ немного, онѣ не разнообразны, выписка ихъ изъ города затруднительна и часто опаздываетъ. Иногда приходится за неимѣніемъ новыхъ картинъ вторично показывать уже извѣстныя!..

Естественно, что такія чтенія не прельщаютъ народа!

Помочь дѣлу могъ бы разъѣздной чтецъ, который читалъ бы и по буднямъ, да двумъ группамъ, мужчинамъ и женщинамъ, отдѣльно. Проработавъ недѣли двѣ въ одномъ селѣ (а эта работа была бы не изъ легкихъ), онъ бы переѣхалъ въ другое. Такіе послѣдовательные курсы были бы очень полезны. По медицинѣ, а главное по гигіенѣ, могли бы читать доктора; каждый по своей спеціальности, могли бы читать агрономы, ветеринары, техники (огнеупорныя зданія). Я не говорю про свя-

щенниковъ, такъ какъ появленіе ихъ на такой каѳедрѣ не встрѣчаетъ и теперь препятствій.

Окончательно же наладится и это дѣло, когда отдѣлится отъ школьнаго и вмѣстѣ съ библіотекой найдетъ пріютъ въ будущихъ народныхъ домахъ!

---

47. Занятія со взрослыми и повторительные курсы.

Нужны ли повторительные курсы для окончившихъ народную школу? Полезны ли школьныя занятія для взрослыхъ, которымъ не удалось въ дѣтствѣ попасть въ школу? Эти вопросы покажутся многимъ праздными, до того очевидна польза и того и другого. Такъ называемые рецидивисты неграмотности, хотя и являются только на почвѣ неудовлетворительной, мало развивающей школы, служатъ достаточнымъ доказательствомъ необходимости повторительныхъ курсовъ. Да даже и въ хорошей школѣ прочныхъ успѣховъ достигнуть очень трудно. Большею частью многое изъ пріобрѣтеннаго вскорѣ послѣ окончанія курса улетучивается. Укрѣпить это все въ памяти такъ, чтобы элементы знанія, преподаваемые въ народной школѣ, уже остались на всю жизнь— вотъ задача повторительныхъ курсовъ.

Задача курсовъ со взрослыми еще понятнѣе: дать имъ то, чего они не могли получить въ дѣтствѣ.

И то и другое въ городахъ достигается въ такъ называемыхъ воскресныхъ школахъ, изъ которыхъ многія идутъ успѣшно и приносятъ большую пользу. Насадить таковыя же и въ деревнѣ пробовали неоднократно и повсюду, но, насколько мнѣ извѣстно, едва ли гдѣ такая попытка увѣнчалась успѣхомъ и привилась болѣе или менѣе прочно. Причинъ тому много и внѣшнихъ и внутреннихъ.

Прежде всего жизнь горожанина разнится отъ жизни сельчанина. Возьмите фабричнаго рабочаго, возьмите ремесленника—

эти два класса даютъ главный контингентъ учащихся въ воскресныя школы—и вы увидите, что трудъ его, можетъ быть и не меньшій и даже бо̀льшій, чѣмъ трудъ крестьянина, гораздо болѣе урегулированъ, чѣмъ трудъ послѣдняго. У горожанина есть рабочее время. Онъ работаетъ отъ такого-то до такого-то часа. А остальное время, какъ и праздники, онъ совершенно свободенъ. Была бы хотя маленькая охота, онъ свободное время можетъ всегда посвятить полезнымъ занятіямъ, какъ школѣ. Стоитъ ему пожертвовать для этого нѣсколькими часами кабака. Естественно, что въ городѣ находятся охотники учиться, хотя, конечно, они составляютъ незначительный процентъ всѣхъ неграмотныхъ, которые, и захоти они. не нашли бы мѣста въ воскресной школѣ.

Въ городѣ есть у бѣдныхъ людей внѣшнее побужденіе учиться. На многія должности требуются обязательно грамотные. Иногда находятся и такіе хозяева, которые неграмотной прислуги не возьмутъ. Есть, кажется, и фабриканты, которые убѣдились въ большей продуктивности грамотнаго рабочаго, и если и берутъ неграмотныхъ, то платятъ имъ меньше, чѣмъ грамотнымъ. Все это, понятно, служитъ для людей внѣшнимъ стимуломъ учиться.

Не то въ деревнѣ. Хотя сознаніе пользы грамотности и проникаетъ въ деревню, но оно далеко не такъ вкоренилось, какъ въ городѣ. Про помѣщиковъ, ищущихъ грамотныхъ рабочихъ, еще не слыхать. Тѣмъ не менѣе, гдѣ ни пробовали заводить воскресныя школы, всегда сразу и въ деревняхъ была масса желающихъ посѣщать ихъ. Такъ проходитъ два-три праздника, а дальше число учащихся начинаетъ постепенно таять, и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе. Объясняютъ это сами крестьяне неимѣніемъ времени.

Воскресная школа, функціонирующая одинъ день въ недѣлю, иначе должна распредѣлять занятія, чѣмъ обыкновенная народная школа. Въ одинъ урокъ надо сдѣлать то, что тамъ дѣлается въ недѣлю. Недосказанное, недодѣланное предоставляется самодѣятельности учащагося. Понятно, какъ дорогъ каждый урокъ,

какъ вредно отзывается и часто непоправимъ каждый пропущенный праздникъ.

А тутъ, какъ на грѣхъ, выпалъ хорошій день: необходимо рожь свезти на мельницу молоть, иначе ѣсть нечего. Или денегъ на подати требуетъ староста, надо на станцію съѣздить—хлѣбъ продать. Или корова телится. Или еще какое неотложное дѣло. И урокъ пропущенъ, нить порвана и волей-неволей приходится бросить дальнѣйшее ученіе.

Это—препятствія со стороны учащихся. Не меньшее препятствіе является и со стороны учащихъ. И городскія школы живутъ до сихъ поръ благодаря тому, что учащій персоналъ жертвуетъ своимъ трудомъ. Но если всмотрѣться въ списокъ учащихъ воскресной школы, то окажется, что въ каждой школѣ таковыхъ 5, 6, а то и 10. Охотниковъ и охотницъ найти не трудно, такъ какъ одна воскресная школа имѣется въ городѣ на десять обыкновенныхъ. Преподаватели распредѣляютъ трудъ и по отдѣленіямъ, и по предметамъ, всячески раздѣляя его между собою и дѣлая его по возможности легкимъ.

А въ деревнѣ? Въ деревнѣ одна школа, одинъ учитель, онъ же единственный интеллигентъ. Кому же поручить воскресную школу? Да кому же, какъ не учителю? И навязывается учителю и воскресная школа. Навязывается часто приказомъ или просьбой, равносильной приказу. Учитель, конечно, берется и за это дѣло. Но вести его ему не подъ силу. Или онъ его ведетъ кое-какъ, лишь бы слава была, что ведется; или онъ до болѣзни изнемогаетъ подъ непосильной ношей, или бѣжитъ, куда глаза глядятъ. Такъ или иначе, а воскресная школа идти не можетъ.

Но есть помимо этихъ внѣшнихъ причинъ еще и внутренняя причина, которая должна вредно отражаться на курсахъ со взрослыми, хотя бы внѣшніе тормазы и были по возможности устранены. Я имѣю въ виду неприноровленность обычныхъ сельскихъ учителей къ преподаванію взрослымъ. Они примѣняютъ къ нимъ точь-въ-точь тѣ же педагогическіе и дидактическіе пріемы, что и къ дѣтямъ. Это почти та же ошибка, какъ когда въ народъ силятся пустить чуть не дѣтскую книгу.

Народъ не имѣетъ того развитія, которое желательно, но свое развитіе, хотя невѣжественныхъ, но взрослыхъ людей у него есть. Съ нимъ нельзя говорить, какъ говорятъ съ дѣтьми. А первое условіе, чтобы быть хорошимъ педагогомъ, это имѣть полное представленіе объ умственной и психической дѣятельности воспитанниковъ. Нужно ихъ знать учителю, чтобы онъ могъ на нихъ воздѣйствовать. Этого-то, мнѣ кажется, не хватаетъ обычному народному учителю, часто юношѣ, только что окончившему курсъ семинаріи, или епархіалкѣ, ничего, кромѣ стѣнъ своего учебнаго заведенія, не знающей.

Другими словами, чтобы учить взрослыхъ, надо и большое развитіе, и большое знаніе людей. Въ городахъ это находится. Между преподавателями воскресныхъ школъ часто и встрѣчаются люди не только съ высшимъ образованіемъ, но и идейные, имѣющіе полное понятіе о той высокой службѣ, которую они несутъ. У таковыхъ и результаты будутъ иные. чѣмъ у обыкновенныхъ учителей. А гдѣ этому найтись теперь въ деревнѣ? Естественно, что она и тогда будетъ рада, когда къ ея учителю пришлютъ помощника или когда изъ трехлѣтняго курсъ ея школы превратится въ четырехлѣтній. А до повторительныхъ курсовъ или курсовъ грамотности для взрослыхъ наша деревня, увы! еще не доросла!

---

48. Практическая школа.

Заговорите вы про практическую школу, напримѣръ, садовую, или ремесленную, или сельско-хозяйственную, то вы сейчасъ получите одобреніе многихъ лицъ, которыя, по меньшей мѣрѣ, покосятся на васъ при одномъ упоминаніи о земской школѣ.

Въ извѣстнаго направленія прессѣ вы увидите въ числѣ упрековъ, адресованныхъ земству, что оно мало заботится о ремесленныхъ и другихъ практическихъ школахъ. Такъ же ста-

вятъ эти органы прессы въ вину земству плохое состояніе дорогъ. На ремесленную школу готовы ассигновать большія деньги тѣ самые, которые кричатъ «караулъ» при прибавкѣ гривенника нищему учителю земской школы.

Почему это? Почему въ представленіи такихъ людей ремесленная школа уживается съ дорогами, но не съ земской общеобразовательной школой? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: ремесленная школа такъ же, какъ и дорожныя сооруженія, не имѣетъ того зловреднаго, т.-е. развивающаго дѣйствія, которое многимъ такъ страшно въ земской школѣ. Да и само земство, занимаясь дорогами да ремеслами, такимъ людямъ кажется болѣе безвреднымъ.

Тѣмъ не менѣе спеціальныя школы прививаются у насъ необычайно туго. Тамъ, гдѣ дѣло затѣвалось на гроши, лишь бы слава была, что заведена такая или иная школа—тамъ оно, конечно, очень скоро и умирало законною смертью. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ школы устраивались серьезныя съ большими затратами, тамъ онѣ до сихъ поръ часто составляютъ больное мѣсто въ земскомъ хозяйствѣ. Такъ, въ одномъ изъ южныхъ земствъ есть ремесленная школа съ бюджетомъ въ 50 тысячъ. Это бѣльмо на глазу у земцевъ. И дѣйствительно, когда подумаешь, что на эти деньги можно содержать двѣ гимназіи, поневолѣ приходится сожалѣть о плакавшихъ денежкахъ. И вотъ земство все собирается хлопотать, чтобы правительство пришло ему на помощь и взяло это ремесленное училище на себя. Одно удерживаетъ собраніе—это нежеланіе признаться въ своемъ безсиліи вести дѣло. Между тѣмъ, сознаться въ этомъ, по-моему, вовсе не стыдно.

Дѣло въ томъ, что ремесленное училище есть сочетаніе словъ, заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Еще давно покойный Д. Ѳ. Самаринъ сказалъ, что въ школахъ надо преподавать научные предметы, оставивъ ремесла мастерскимъ. Къ сожалѣнію, это смѣшеніе понятій происходитъ сплошь да рядомъ и теперь. Получается въ результатѣ ни школа, ни мастерская. Въ несостоятельности такого смѣшенія я убѣдился, когда посѣтилъ нѣсколько практическихъ школъ, такимъ образомъ искус-

ственно насаженныхъ. Сидятъ себѣ добрые люди и обдумываютъ, какую бы намъ сегодня хорошую затѣю затѣять. И затѣваютъ садовое училище, гдѣ и сада-то нѣтъ, ремесленное, гдѣ нѣтъ мастерской. И дѣло проваливается.

Ремесленная и садовая школа должны быть образцовой мастерской, образцовымъ садомъ, гдѣ бы принимались юноши, уже прошедшіе общеобразовательную школу, если можно, двухклассную, если нельзя, то одноклассную. Это первое условіе. Ибо одновременно гнаться за двумя зайцами нельзя, а таковыми являются общее образованіе и спеціальное. Второе условіе успѣха— это, чтобы не садъ устраивался при школѣ, а садовая школа при садѣ; такимъ же образомъ, чтобы не мастерская заводилась при школѣ, а школа ремесленная при мастерской.

Часто, къ сожалѣнію, мы видимъ обратное. Жертвователь любитъ свой родной уголъ и жертвуетъ или завѣщаетъ, чтобы тамъ устроена была такая-то школа. А между тѣмъ, она тамъ не у мѣста; и затѣя часто оканчивается неудачей. Или такъ бываетъ: поступаетъ куда-нибудь священникъ, любитель садоводства. И вотъ у него въ приходѣ устраивается школа садоводства. Она кое-какъ идетъ подъ руководствомъ священника. Но, глядь, священникъ перешелъ въ другой уѣздъ... и школа поневолѣ закрывается. Еще хуже бываетъ, когда добродушный жертвователь старается насильственно прививать школой ремесло.

Другая картина получается, когда школа рождается сама собой. Есть большой, хорошій казенный или общественный садъ. При садѣ садовники и садовые рабочіе. Естественно, будутъ принимать туда практикантовъ-рабочихъ изъ парней, окончившихъ народную школу и практикантовъ-садовниковъ изъ молодыхъ людей, прошедшихъ нѣсколько высшую, чѣмъ народная, школу. Очевидно, тутъ есть всѣ гарантіи успѣха. Само дѣло, развиваясь успѣшно, плодитъ работниковъ.

То же самое мы видимъ въ большихъ мастерскихъ. Возьмите мастерскія—желѣзнодорожныя или частную мастерскую Густава Листа. Сколько оттуда прекрасныхъ мастеровъ выходитъ безъ

громадныхъ затратъ, какъ въ вышеотмѣченномъ земствѣ, и безъ риска, что дѣло не пойдетъ.

Изъ этого я позволилъ бы себѣ вывести такое заключенiе. Не дѣло правительства или земства открывать самостоятельныя спецiальныя школы. Ихъ дѣло регулировать частью законодательствомъ, частью денежнымъ воспособленiемъ процессъ, происходящiй самъ собою въ мастерскихъ, въ садахъ, въ имѣнiяхъ, на заводахъ. Этимъ достигались бы двѣ цѣли. Во-первыхъ, ускореннымъ темпомъ образовывались бы у насъ низшiе спецiалисты, въ которыхъ мы съ каждымъ годомъ и съ возрастанiемъ промышленной жизни все болѣе и болѣе нуждаемся. Во-вторыхъ, прекратились бы или, по крайней мѣрѣ, уменьшились бы злоупотребленiя, которыя такъ многочисленны при теперешнемъ безконтрольномъ обученiи дѣтей въ мастерскихъ.

Объ этой организацiи можно бы написать томы, но не въ томъ дѣло. Я хотѣлъ только указать на ненормальность искусственнаго насажденiя спецiальныхъ школъ и о причинахъ, почему этотъ разрядъ школъ у насъ плохо идетъ.

Есть мастерскiя, гдѣ ученики берутся не безплатно, а съ платой по 60 рублей въ годъ съ ученика въ теченiе пяти лѣтъ. Тамъ мальчика мастеръ за водкой уже не пошлетъ, а обращенiе съ нимъ будетъ другое, какъ другiя будутъ квартирныя и пищевыя условiя. Къ сожалѣнiю, родителей, отдающихъ въ мастерство дѣтей за плату, очень и очень немного. Теперь предложите любому болѣе или менѣе крупному содержателю мастерской взять учениковъ платныхъ съ гарантiей лучшаго содержанiя и обхожденiя. И несомнѣнно почти всѣ согласятся. Плату въ 60 рублей я взялъ изъ опыта. Теперь посмотримъ, что̀ бы вышло, если бы земство, про которое я говорилъ, свой 50.000-ый бюджетъ употребило такимъ образомъ. Оно могло бы содержать 800 дѣтей въ разныхъ мастерскихъ (2.000 р. остались бы на надзоръ). При пятилѣтнемъ курсѣ оканчивало бы ежегодно 160 хорошихъ (не такихъ, какъ теперь!) мастеровъ! Поднялся бы общiй уровень содержанiя дѣтей въ другихъ мастерскихъ. Однимъ словомъ, дѣло обученiя ремесламъ съ ложнаго догматическаго

пути было бы перенесено на тотъ, съ котораго ему не слѣдовало и сходить. Школа осталась бы школой, а мастерская готовила бы специалистовъ!

49. Развитiе учениковъ.

Одинъ корреспондентъ мнѣ пишетъ: Въ «Запискахъ земскаго начальника» вы говорили, что спасенiе Россiи—въ «хорошей» народной школѣ. Для меня такъ и осталось необъясненнымъ, что̀ вы называете «хорошей» школой. Теперь вы это поясняете: «хорошая», по-вашему, та школа, которая способствуетъ «развитiю» учениковъ. Къ сожалѣнiю, для меня это продолжаетъ быть непонятнымъ. Что вы называете «развитiемъ»? Не употребляете же вы это туманное выраженiе изъ боязни болѣе ясно высказать свою мысль?

Такого рода призывъ побуждаетъ меня пояснить свою мысль. Я знаю людей, которые не могутъ безъ чувства ненависти слышать слово «развитiе». Они признаютъ ученыхъ, какъ специалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ науки, признаютъ образованныхъ людей, при чемъ образованiе это считаютъ удѣломъ меньшинства, къ которому принадлежатъ сами. Но два слова выводятъ ихъ изъ себя. Это «интеллигентъ» и «развитiе».

«Интеллигентъ»—слово, вошедшее во всеобщее употребленiе на нашей, всѣхъ, памяти. Лучше было бы, если бы понятiе это было выражено русскимъ словомъ, но, какъ-никакъ, оно ввелось чрезвычайно быстро, потому что было необходимо. Нельзя же не сдѣлать разницы между человѣкомъ, у котораго главное значенiе имѣетъ голова, а второстепенное руки, отъ другого человѣка, работающаго почти исключительно руками лишь при незначительномъ участiи головы.

Такъ же, я думаю, необходимо и въ будущемъ неизбѣжно еще новое слово «интеллектуалы» для изображенiя людей, со-

ставляющихъ цвѣтъ «интеллигенція» и ведущихъ ее по пути мысли. Разница между «образованными» людьми и «интеллектуалами» ясна.

Въ словѣ «интеллигенты» не любятъ только слова, понятіе же признаютъ, потому что нельзя не признать разницы между адвокатомъ, инженеромъ, фельдшеромъ и учителемъ, съ одной стороны, и столяромъ, сапожникомъ, пахаремъ, съ другой.

Въ словѣ «развитіе» не любятъ самаго понятія. Не хотятъ, чтобы были люди «развитые», а признаютъ только «образованныхъ» или «спеціалистовъ». Внѣ этого должны быть просто «люди», которыхъ «тыкаютъ», которымъ при случаѣ въ «морду» даютъ, которые должны быть тѣмъ, чѣмъ они есть и для которыхъ всякое развитіе ядъ.

Развитіе въ томъ смыслѣ, въ которомъ я теперь употребляю это слово, не есть терминъ научный. Наука имѣетъ дѣло съ развитіемъ въ смыслѣ біологическомъ, подразумѣвая подъ этимъ неизбѣжную и непроизвольную эволюцію организма. Научно можетъ быть употреблено это слово и по отношенію къ человѣчеству, если признавать фатальность его эволюціоннаго движенія впередъ въ смыслѣ соціальномъ. Но что такое развитіе отдѣльнаго человѣка? Отдѣльный человѣкъ можетъ остаться неграмотнымъ на всю жизнь и даже всю жизнь быть лишеннымъ самаго элементарнаго чувства человѣческаго достоинства. Изъ того же субъекта, при другихъ условіяхъ, можетъ выйти высоко-культурный человѣкъ, вліяющій на общее движеніе человѣческой мысли. Ясно, что развитіе этого человѣка зависитъ отъ людей. Поэтому необходимо уяснить себѣ, въ чемъ это развитіе должно состоять и на какую долю участія въ этомъ развитіи всякій имѣетъ право.

Почему мы орла называемъ царемъ птицъ? Не потому ли, что онъ высоко паритъ и далеко видитъ? Гора не мѣшаетъ ему видѣть, такъ какъ онъ можетъ подняться выше горы. Не потому ли и человѣкъ называется царемъ природы, что онъ видитъ дальше всѣхъ другихъ существъ, и потому, что онъ мысленно можетъ парить выше всякихъ горъ.

Одинъ человѣкъ мыслью летаетъ не только въ своей деревнѣ, но и въ волости, и въ уѣздномъ городѣ, на базарѣ, на судѣ. Дальше онъ не идетъ, по желѣзной дорогѣ ѣздить боится, а на берущихъ паспортъ, чтобы идти на далекіе заработки, смотритъ какъ на отчаянныхъ людей. Другой побывалъ и въ Сибири, и въ Баку на нефтяныхъ промыслахъ, и на фабрикѣ. Третій, если и самъ не былъ, то читалъ, что дѣлается и какъ живется за границей, да и въ Америкѣ. Четвертый постигъ движеніе свѣтилъ небесныхъ и умственными очами старается найти человѣческое счастье въ дали тысячелѣтій.

Кто совершеннѣе? Кто больше царь природы? Кто больше человѣкъ?

Если это такъ, если «царство» человѣка въ природѣ зависитъ отъ широты кругозора, то не наша ли, стоящихъ впереди массы людей, обязанность содѣйствовать этой широтѣ кругозора всѣми нашими силами? Не наша ли обязанность снабдить его такими духовными очами, которыя помогли бы ему перешагнуть ту гору, дальше которой онъ теперь не можетъ идти и которую перелетаетъ орелъ?

Но какъ бы далеко ни простирался его взоръ, какъ ни хороши были бы его духовные глаза—этого все-таки будетъ мало. И орелъ видитъ далеко, но орелъ птица и ничто его не занимаетъ, кромѣ той добычи, которую онъ ищетъ и на которую набрасывается изъ-подъ небесъ.

Человѣку видѣть мало. Ему нужно разобраться въ томъ, чтó, онъ видитъ, чтобы знать, чтó добро и чтó дурно, къ чему стремиться и чего избѣгать. Нужно не только видѣть далеко, но, увидѣвъ, имѣть сужденіе о видѣнномъ. Однимъ словомъ, нужна критика. Пріучать дѣтей къ критическому отношенію къ предметамъ, развивать въ нихъ критицизмъ—вотъ вторая задача педагога.

Итакъ, дѣйствовать развивающимъ образомъ на людей, значитъ стремиться расширить ихъ кругозоръ и пріучать къ критическому отношенію ко всему окружающему. Есть ли это право человѣка? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, и

быть не можетъ. Человѣкъ рожденъ съ способностью видѣть далеко и имѣть сужденіе о видѣнномъ, и не развивать въ немъ этой способности, значитъ зарывать отъ Бога данный талантъ, да еще не свой, а чужой,

Обычное возраженіе таково: да, конечно, широкій кругозоръ вещь хорошая, хороша и способность ко всему относиться критически, но хорошо все это, когда соединено въ высокой степени въ человѣкѣ образованномъ. Но когда человѣкъ понахватается кое-какого знанія, да начнетъ вкривь и вкось критиковать, что̀ можетъ быть хуже? Это софизмъ людей, считающихъ болѣе выгоднымъ имѣть дѣло съ совсѣмъ темными людьми, потому что темные люди не противодѣйствуютъ темнымъ дѣламъ. Если нельзя имѣть большого знанія, лучше имѣть маленькое, чѣмъ не имѣть никакого. Вѣдь сразу ничего не дается. А остановить всякій прогрессъ можно, но не иначе, какъ насилуя природу человѣческую, стремящуюся къ знанію. Такимъ же образомъ критицизмъ есть одна изъ потребностей человѣка. Дѣло педагога указывать ему пути, пока образованіе ученика не достаточно основательно, чтобы его мысль могла быть оставлена безъ всякаго руководительства. И если педагогъ хорошъ, то нечего безпокоиться за умственную работу ученика.

Такъ я понимаю развитіе учениковъ. И такъ какъ оно идетъ концентрическими кругами, то нѣтъ той общеобразовательной школы, которая бы могла не имѣть конечною цѣлью развитіе народа. Содѣйствовать этому развитію есть обязанность всѣхъ, педагоговъ и непедагоговъ, всѣхъ, стоящихъ хоть немного выше общаго уровня.

Напротивъ, велика отвѣтственность всѣхъ, прямо или косвенно тормозящихъ это развитіе, въ какомъ бы видѣ этотъ тормазъ ни являлся: въ видѣ ли запрещенія книгъ полезныхъ для народа, или запрещенія доступа въ народъ людей, могущихъ быть ему полезными, или въ видѣ провозглашенія принципа «денегъ нѣтъ», или въ видѣ искусственнаго отвлеченія отъ развитія спеціализаціей школы, излишнимъ усиленіемъ менѣе развивающихъ предметовъ и т. д.

50. Заключеніе.

Кончивъ свои записки, не могу въ заключеніе не отвѣтить на вопросъ, мнѣ поставленный однимъ очень практическимъ человѣкомъ. «Къ чему, говоритъ онъ, вы все это пишете? Неужели вы думаете, что все, что̀ вы проповѣдуете, можетъ быть исполнено при настоящихъ условіяхъ. А если ваши пожеланія такъ и должны остаться пожеланіями, то зачѣмъ было ихъ писать? Не лучше ли было вамъ, человѣку, въ школьномъ дѣлѣ, очевидно, опытному, предложить кое-какія полезныя мѣры, не ломая основаній настоящаго режима народной школы. Такія мѣры могли бы быть приняты во вниманіе тѣми, кому сіе вѣдать надлежитъ, и вы отсюда видите ту пользу, которую вы могли принести дѣлу, не будь вашей страсти слишкомъ открывать ваши карты. А теперь вотъ вы написали ваши записки. Что же изъ этого выйдетъ? Да ровно ничего!»

Не стоило бы и отвѣчать на такого рода возраженіе, не будь общественнаго положенія автора и его личныхъ ко мнѣ отношеній. Къ тому же онъ навѣрное не одинъ такъ думаетъ. Постараюсь разъяснить это недоразумѣніе.

Очевидно, мой оппонентъ послѣднимъ словомъ литературнаго произведенія считаетъ представленіе за такимъ-то номеромъ. Ибо во что, какъ не въ представленіе, онъ совѣтуетъ мнѣ вылить мой школьный опытъ? Отвѣтомъ на это представленіе послѣдовамо бы предложеніе за другимъ номеромъ; затѣмъ шло бы новое представленіе, новое предложеніе и т. д., пока не получился бы толстый литературный томъ въ синей обложкѣ и за особымъ номеромъ, подъ заглавіемъ «Дѣло».

При всемъ моемъ къ нему уваженіи я долженъ признаться, что литературу, а въ частности публицистику, понимаю иначе, нежели онъ. Думаю, что какъ бы ни велика была польза, которую я могъ бы принести, рекомендовавъ бы, напримѣръ, замѣнить одинъ задачникъ другимъ или доказавъ необходи-

мость усиленія состава училищнаго совѣта, но еще больше будетъ пользы, если я предамъ гласности всѣ впечатлѣнія моего многолѣтняго опыта. Вѣдь дорога не та или другая статья закона. Дорогъ духъ всего законодательства. Какія я могу предлагать частныя измѣненія той или другой статьи, когда я глубоко убѣжденъ, что вся наша школа идетъ по ложному пути? Очевидно, прежде чѣмъ говорить о частностяхъ, надо говорить объ общихъ принципахъ. Такъ я и дѣлаю.

Теперь господинъ, видящій пользу только въ писаніи удобопріемлемыхъ законопроектовъ, меня спроситъ: такъ зачѣмъ же ты пишешь? Что за польза въ бумагомараніи?

А польза тутъ двоякая: субъективная и объективная. Прежде всего, можетъ ли человѣкъ, который многолѣтнимъ опытомъ убѣдился, что вся низшая школа на Руси ведется по ложному пути, молчать? Имѣетъ ли онъ право молчать? Или онъ обязанъ излить все то, что наболѣло на его душѣ?

Я думаю, что молчать было бы великимъ грѣхомъ передъ родиной.

Но есть и другая причина моего писанія — объективная. Я имѣю дерзость думать, что нѣкоторую долю пользы мои «Записки» принесутъ. И, можетъ быть, пользу не меньшую, чѣмъ предлагаемый моимъ оппонентомъ законопроектъ. Хотя бы онѣ не содержали ничего особенно новаго, но ужъ тотъ фактъ, что написаны онѣ практикомъ, что взяты онѣ изъ жизни, даетъ имъ нѣкоторый вѣсъ. Затѣмъ мое оффиціальное положеніе, способствовавшее изучить русскую школу, очевидно, исключаетъ всякую возможность предвзятости мысли. Результаты, мною полученные, вылились въ такомъ видѣ не благодаря предвзятости, а наоборотъ, несмотря на предвзятость обратнаго направленія. Думаю, что нѣкоторую пользу такія записки принесутъ.

А реально вылиться можетъ эта польза вотъ въ чемъ. Какъ ни безсильнымъ можетъ показаться у насъ общественное мнѣніе, однако оно есть, и вліяніе его можетъ быть еще много сильнѣе, чѣмъ кажется. Если въ сороковыхъ годахъ многіе считали полезнымъ проповѣдывать противъ крѣпостного права, то,

наоборотъ, другіе находили такую проповѣдь совершенно безполезной, а между тѣмъ, только такими проповѣдями, только вліяніемъ на общественное мнѣніе создалось 19 февраля 1861 года.

Почему нельзя надѣяться, что такимъ же образомъ общественное мнѣніе современемъ и, можетъ быть, не очень далекимъ, подготовитъ новый великій актъ въ русской исторіи: актъ освобожденія Россіи отъ оковъ невѣжества? И хоть немного содѣйствовать такому акту — не есть ли уже немалая заслуга? Или мой оппонентъ продолжаетъ думать, что важнѣе примѣненіе какой-нибудь статьи закона? Я убѣжденъ, что мои «Записки», несмотря на свою правдивость, не понравятся нѣкоторымъ органамъ нашей печати, изъ тѣхъ, которые не о правдѣ заботятся, а, наоборотъ, о сокрытіи правды.

Могутъ быть въ опроверженіе моихъ положеній приведены разные факты. Я заранѣе протестую противъ такого пріема. Россія такъ велика, условія, въ которыя поставлены школы, такъ разнообразны, что объединить все это невозможно. Помочь могла бы строгая статистика, но, во-первыхъ, таковой нѣтъ а во-вторыхъ, и статистика во многихъ случаяхъ безсильна. Напримѣръ, возьмемъ аттестацію преподаванія, ну, хоть по чтенію. Одинъ наблюдатель можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ чтеніемъ и поставитъ учителю отмѣтку 5, тогда какъ за тѣ же отвѣты другой инспекторъ поставитъ учителю 2. Кто знаетъ строгость однихъ и снисходительность другихъ, увидитъ, что я не преувеличиваю.

Ясно, что статистика отчетовъ при такомъ положеніи дѣла безсильна. Оставался одинъ путь, и его-то я и избралъ. Я приглядывался, изучалъ жизнь въ одномъ мѣстѣ, вывелъ свои заключенія и затѣмъ наскоро, вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось быть, провѣрялъ свои впечатлѣнія на новыхъ мѣстахъ. И въ главныхъ частяхъ мои наблюденія оказывались вѣрными и тамъ. Тогда я уже смѣло позволилъ себѣ обобщить мои первоначальныя наблюденія безъ страха, что меня опровергнутъ фактическими данными.

Само собою разумѣется, что когда дѣло идетъ о нѣсколькихъ

десяткахъ тысячъ школъ и того и другого вѣдомства, то всякій можетъ привести сколько угодно исключеній. Я первый могу указать на отдѣльные случаи, какъ будто противорѣчащіе моимъ положеніямъ. Но это ровно ничего не значитъ, и потому такого рода опроверженія, на примѣрахъ, я не приму.

Перечитывая написанное, я вижу, сколько у меня пробѣловъ, вижу, что многіе школьные вопросы мною только слегка затронуты, но читатель извинитъ меня, во вниманіе массы другого дѣла, лежащаго на моихъ плечахъ.

